

АВТОР-ФИНАЛИСТ
ВСЕМИРНОЙ
ПРЕМИИ ФЭНТЕЗИ
И ПРЕМИИ
«ЛОКУС»

МЕДНОЕ КОРОЛЕВСТВО

«Даже несколько
страниц
околдуют вас
своей магией».

РОБИН ХОББ

Шеннон А. ЧАКРАБОРТИ

fanzon

Трилогия Дэвабада

Шеннон Чакраборти
Медное королевство

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Чакраборти Ш. А.

Медное королевство / Ш. А. Чакраборти — «Эксмо»,
2019 — (Трилогия Дэвабада)

Жизнь Нари навсегда изменилась в тот момент, когда она случайно призвала Дара — таинственного джинна. Увезенная из дома в Каире, она оказывается при ослепительном королевском дворе Дэвабада — и быстро понимает, что без ее уличных инстинктов там не выжить. Теперь, после битвы, Дэвабад погрузился во мрак, и Нари вынуждена искать новый путь. Принц-джинн Али изгнан за то, что бросил вызов своему отцу. Он близок к раскрытию страшной семейной тайны и скрывается от ассасинов среди медных песков. И когда приближается новый век, назревает угроза, невиданная в пустыне. Эта сила принесет огненный шторм прямо к воротам города.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Чакраборти Ш. А., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Действующие лица	6
Пролог	10
Али	10
Нари	15
Дара	21
1	26
2	39
3	46
4	54
5	64
6	72
7	87
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Шеннон А. Чакраборти

Медное королевство

Посвящается Шамику

S.A. Chakraborty
The Kingdom Copper

* * *

Published by arrangement with Harper Voyager, an imprint of HarperCollins Publishers.
Designed by Paula Russel Szafranski. Map by Virginia Norey.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

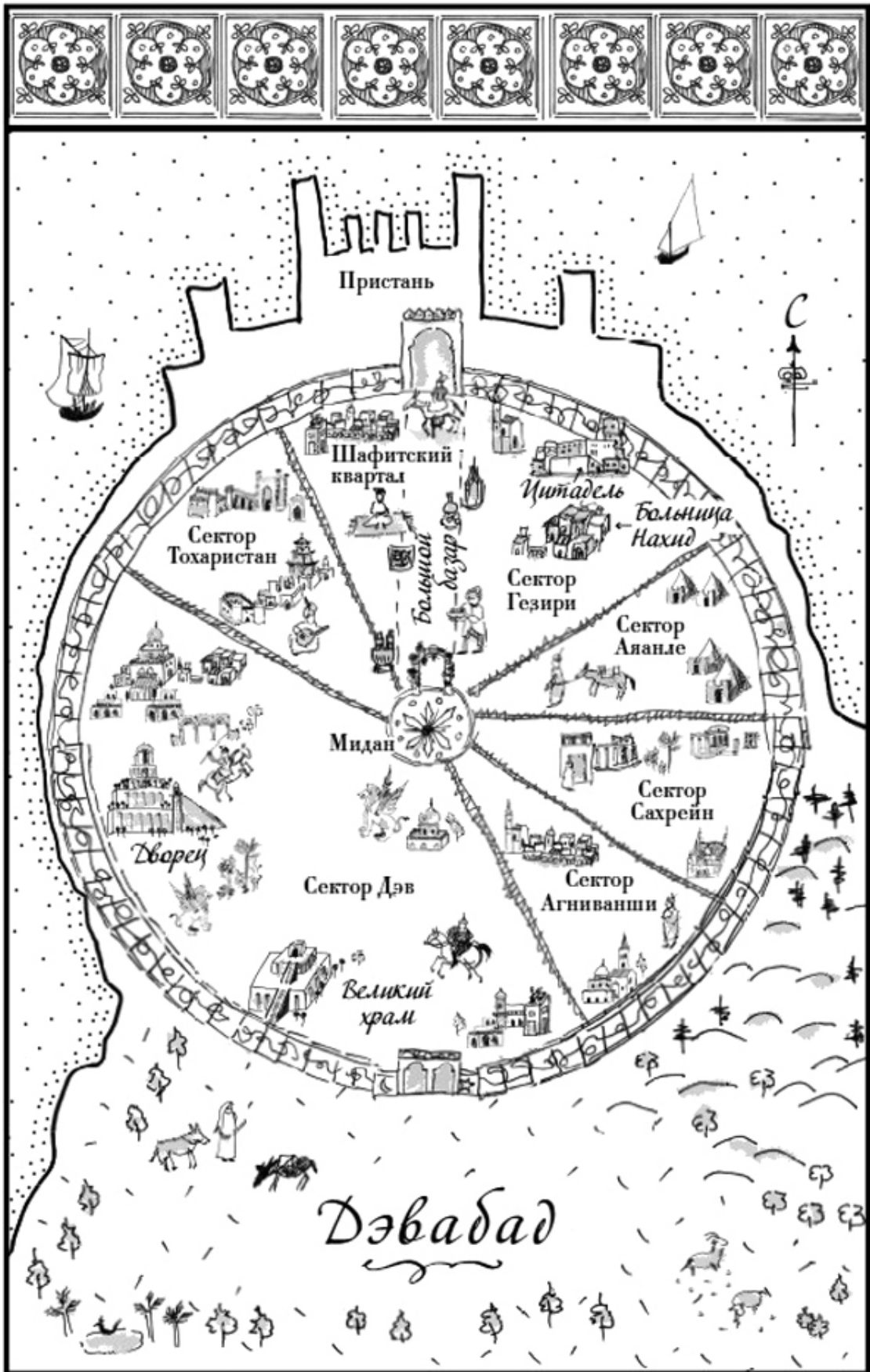
Copyright © 2019 by Shannon Chakraborty

© Е. Шульга, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Действующие лица

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ

В настоящее время Дэвабадом правит династия Кахтани, потомков Зейди аль-Кахтани, гезирского воина, который много веков назад возглавил восстание, в ходе которого Совет Нахид был свергнут, а шафиты восстановлены в правах.

ГАСАН АЛЬ-КАХТАНИ, правитель волшебного царства, защитник веры.

МУНТАДИР, старший сын Гасана от первой жены-гезирки, будущий преемник короля.

ХАЦЕТ, королева-аяанле и вторая жена Гасана, происходящая из влиятельного семейства в Та-Нтри.

ЗЕЙНАБ, дочь Гасана и Хацет, принцесса Дэвабада.

АЛИЗЕЙД, младший сын короля, высланный в Ам-Гезиру за измену.

Свита и Королевская стража

ВАДЖЕД, каид и главнокомандующий армии джиннов.

АБУ НУВАС, гезирский офицер.

КАВЕ Э-ПРАМУХ, старший визирь, Дэв.

ДЖАМШИД, его сын и приближенный эмира Мунтадира.

АБУЛ ДАВАНИК, торговый посол из Та-Нтри.

АБУ САИФ, старый солдат и скаут на службе в Королевской гвардии.

АКИСА и ЛЮБАЙД, воины-мародеры из ам-гезирской деревни Бир-Набат.

БЛАГОСЛОВЕННЫЕ ВЕРХОВНЫЕ НАХИДЫ

Нахиды, исконные правители Дэвабада и потомки Анахид, были потомственными целителями из племени Дэв с выдающимися магическими способностями.

АНАХИД, избранница Сулеймана, первоосновательница Дэвабада.

РУСТАМ, один из последних Нахид, талантливый ботаник, павший от руки ифрита.

МАНИЖА, сестра Рустама и одна из сильнейших за много веков целительниц, павшая от руки ифрита.

НАРИ, ее дочь, отец неизвестен, в младенчестве оставлена на человеческой земле, в Египте.

Их сторонники

ДАРАЯВАХАУШ, последний из рода Афшинов, кастровой военной династии Дэвов, служившей одесную Совету Нахид, получивший прозвище Бич Кви-Цзы за жестокие действия, учиненные им в ходе войны, и последующий бунт против Зейди аль-Кахтани.

КАРТИР, верховный жрец Дэвов.

НИЗРИН, некогда помощница Рустама и Манижи, а теперь – наставница Нары.

ИРТЕМИДА, МАРДОНИЙ и БАХРАМ, воины.

ШАФИТЫ

Население смешанной, произошедшей от людей и джиннов расы, вынужденное проживать в Дэвабаде, значительно ограниченное в правах.

ШЕЙХ АНАС, прежний лидер «Танзима» и ментор Али, казненный королем за измену.
СЕСТРА ФАТУМА, лидер «Танзима» и надзирательница за сиротским приютом и благотворительной деятельностью ячейки.

СУБХАШИНИ и ПАРИМАЛ СЕН, лекари-шафиты.

ИФРИТЫ

Дэвы, несколько тысячелетий назад отказавшиеся покориться воле Сулеймана, за что и были им прокляты; смертельные враги Нахид.

АЭШМА, главный ифрит.

ВИЗАРЕШ, ифрит, напавший на Нари в Каире.

КАНДИША, ифритка, поработившая и убившая Дару.

ОСВОБОЖДЕННЫЕ РАБЫ ИФРИТОВ

После бесчинств, учиненных Дарой, и его смерти от руки принца Ализейда те джинны, которых целители Нахиды много лет назад освободили из рабства и воскресили, оказались подвергнуты порицанию и преследованиям – только трое из них остались в Дэвабаде по сей день.

РАЗУ, авантюристка из Тохаристана.

ЭЛАШИЯ, художница из Карт-Сахара.

ИССА, ученый и историк из Та-Нтри.

Пролог

Али

Ализейд аль-Кахтани не протянул и месяца со своим караваном.

– Бегите, принц, бегите! – вскричал единственный Аяанле из всей свиты путешественников, ворвавшись как-то ночью в шатер к Али, когда они стояли в лагере, разбитом на побережье южного изгиба Евфрата.

Прежде чем он успел что-то добавить, из его груди вырвалось окровавленное лезвие.

Али вскочил на ноги. Он уже успел схватиться за оружие, распорол заднюю стену шатра взмахом своего зультфикара и бросился в ночь.

Его преследовали всадники, но недалеко сверкали воды Евфрата, черные от обильной звездами ночи, отраженной в текучей поверхности реки. Уповая на то, что оружие закреплено надежно, Али сиганул в воду, как только были выпущены первые стрелы, из которых одна просвистела прямо у него над ухом.

Ледяная вода сковала нервы, но Али плыл быстро – движение давалось так же инстинктивно, как ходьба, – быстрее, чем когда-либо в жизни, с грацией, которая поразила бы его самого, не будь он так занят, спасаясь от верной смерти. Стрелы шлепались рядом с ним в воду, догоняя его, и он нырнул глубоко, пока вода вокруг не помутнела. Евфрат – широкая река, и прошло некоторое время, пока он добрался до другого берега, продираясь сквозь водоросли и сражаясь с бурным течением, так и норовившим утянуть его за собой.

И только когда он выполз на противоположном берегу, на него снизошло тошнотворное озарение: за все это время ему ни разу не пришлось выныривать за глотком воздуха.

Али ахнул и поежился, когда холодный ветер пронизал его намокшую дишдашу. От груди накатила тошнота, но времени, чтобы обдумать случившееся в реке, не было – не тогда, когда лучники верхом на лошадях топтались на другом берегу. Его шатер был охвачен огнем, но весь лагерь был невредим и подозрительно неподвижен, словно остальные путники его каравана получили немой приказ не обращать внимания на крики, которые они могут услышать этой ночью.

Али предали. И задерживаться здесь, чтобы выяснить, кто из ассасинов или сопровождавших его предателей сумеет переправиться через реку, он не собирался. На шатких ногах он поднялся и бросился спасаться бегством, устремившись прямо к протянувшемуся впереди горизонту.

Когда его ноги наконец подкосились, занималась заря. Он упал и с разбегу приземлился на золотой песок. Река осталась далеко позади. Со всех сторон его окружала пустыня и яркая, опрокинутая чаша жаркого неба.

С трудом переводя дыхание, Али окинул взглядом замершую природу, но он был один. Он не знал, что чувствовать – облегчение или страх. Он был *один*, и впереди простиралась бескрайняя пустыня, а за спиной оставался враг. При себе у него были лишь зультфикар и ханджар. Ни еды, ни воды, ни крова. Он не успел прихватить даже тюрбан и сандалии, которые могли бы защитить его от зноя.

Он был обречен.

Глупец, ты был обречен с самого начала. Твой отец ясно дал это понять. Изгнание Али из Дэвабада было смертным приговором, ясным как день всякому, кто что-то смыслил в политических механизмах внутри его племени. С чего он взял, что сумеет преодолеть это? Что его ждет легкая смерть? Если бы отец желал ему легкой смерти, он бы отдал приказ задушить своего младшего сына в стенах королевского дворца.

Впервые сердце начали сдавливать тиски ненависти. Он не заслужил такого. Он пытался помочь своему городу и семье, а Гасан не мог расщедриться даже на тихую смерть?

Глаза защипали злые слезы. Али сердито стер их с чувством презрения. Нет, он не закончит свои дни, рыдая от жалости к себе и посылая проклятия семье, пока он чахнет в безымянной луже песка. Он – Гезири. Когда пробьет час расстаться с жизнью, его глаза останутся сухими, с губ сорвется хвала Всевышнему, а рука будет сжимать меч.

Он уставился на юго-запад, где была его родина, в направлении, в котором всю жизнь направлял свои молитвы, и впился пальцами в золотой песок. Али проделал ритуалы, необходимые для очищения перед молитвой – ритуалы, которые повторял по нескольку раз на дню с тех пор, как его обучила им мать.

Закончив с этим, он поднял ладони и закрыл глаза, уловив едкий запах песка и соли, ввевшийся в его кожу.

«Направь меня, – взмолился он. – Защити тех, кого мне пришлось покинуть, и когда пробьет мой час... – к горлу поступил комок. – Когда пробьет час, молю, будь ко мне милостивее, чем мой отец».

Али приложил пальцы к своим бровям. А затем поднялся на ноги.

Не имея ничего, что сориентировало бы его в обширных нетронутых песках, кроме солнца, Али двинулся вслед за его неумолимым путешествием по небосклону, сперва стараясь не обращать внимания, а вскоре привыкнув к беспощадному пеклу на своих плечах. Горячий песок обжигал его босые стопы – а потом перестал. Он был джинном, и хоть он не мог стать дымом и скользить меж барханов, как могли его предки до Сулейманова благословения, пустыня не убьет его. Он шел день за днем, пока не одолеет усталость, делая остановки только на сон и молитву. Под ярким белым солнцем его мысли, его отчаяние по поводу того, как бесповоротно искалечена его жизнь, уплывали и растворялись.

Его терзал голод. Но пить не хотелось – жажда не мучила Али с тех самых пор, как им овладел марид. Он старался не думать о том, что это может значить, игнорировать новый неумный краешек сознания, получавший наслаждение от влаги – которую Али ни в какую не хотел называть потом, – которая выступала у него на коже и градом текла с рук и ног.

Он не знал, как долго он брел, когда пейзаж наконец не изменился, и из-за барханов поднялись каменистые скалы, как огромные цепкие пальцы. Али рыскал по кряжистым утесам в поисках любого намека на еду. Он слышал, что гезирские сельские жители способны наколдовать целый пир из человеческих объедков, но Али никто не научил подобной магии. Он был рожден принцем, воспитан стать кайдом, и всю жизнь, не ведая забот, был окружен прислугой. Он ничего не знал о том, как выживать в одиночку.

Измученный голодом и отчаянием, он съел каждую травинку, какую ему удалось найти, вместе с корешками. Но зря. Наутро он проснулся с чудовищным отравлением. Пепел сыпался с его кожи, и его долго рвало, пока изнутри не стала выходить только пламенно-черная жижа, прожигающая землю.

В поисках тенька, чтобы немного прийти в себя, Али пытался было спуститься с утеса, но его так мучило, что в глазах плясали мушки, и тропа перед ним поплыла. В тот же момент он оступился, поскользнувшись на камешке, и покатился вниз по крутому склону.

Он больно приземлился в расселину скалы, левым плечом врезавшись в выступающий булыжник. Что-то влажно хрустнуло, и обжигающая боль разлилась по его руке.

Али ахнул. Попытался пошевелиться и вскрикнул, когда острая боль прострелила плечо. Мышцы руки сковал спазм, и он сквозь зубы втянул воздух, сдерживая брань.

Поднимайся. Так и умрешь здесь, если сейчас не поднимешься. Но ослабшие ноги отказывались слушаться. Из носа хлестала кровь и заполняла рот, а он лишь беспомощно смотрел на скалы, остро очерченные на фоне яркого неба. В расселине внизу виднелись только песок да голые камни. Ничто живое по иронии судьбы здесь не задерживалось.

Али проглотил всхлип. Он понимал, что бывают способы умереть и пострашнее. Его могли бы схватить и подвергнуть пыткам враги отца, или ассасины – разрубить на части, лишь бы заполучить «доказательство» своего кровавого триумфа. Но, да простит его Всевышний, Али не хотел умирать.

Ты – Гезири. Ты веруешь во Всеблагодетельного. Не унижай своего достоинства. Дрожа всем телом, Али зажмурился от боли, силясь найти умиротворение в священных стихах, давным-давно заученных наизусть. Но это было нелегко. В обступающей темноте то и дело проглядывали лица близких, оставшихся в Дэвабаде: брата, чьего доверия он окончательно лишился; подруги, чьего возлюбленного он убил; отца, который решил казнить Али за преступление, которого он не совершал. Их голоса мучили его, пока наконец Али не лишился сознания.

Проснулся он от того, что кто-то впихивал ему в глотку нечто совершенно омерзительное на вкус.

Али распахнул глаза и поперхнулся. Рот был полон чем-то хрустящим, с металлическим, *неправильным* привкусом. Перед глазами поплыло, но ему удалось сфокусироваться на фигуре широкоплечего мужчины, присевшего рядом с ним на корточках. Лицо проступало фрагментами: неоднократно сломанный нос, грязноватая черная борода, глаза с нависающими веками.

Глаза Гезири.

Мужчина положил увесистую ладонь Али на лоб и отправил еще одну ложку, полную мерзкого варева, ему в рот.

– Ешьте, маленький принц.

– Ч-что это? – давясь, спросил Али. В гортани так пересохло, что вопрос прозвучал слабым шепотом.

Джинн заулыбался.

– Сернобычья кровь с толченой акацией.

Желудок Али немедленно воспротивился. Он наклонил голову, чтобы вырвать, но мужчина зажал ему рот ладонью и начал массировать горло, пропихивая отвратный продукт в пищевод.

– Э-э, не надо так. Кто же отказывается от пищи, которую с такой заботой приготовил для тебя гостеприимный хозяин?

– Дэвабадцы, – раздался второй голос, и, посмотрев себе под ноги, Али заметил женщину с толстыми черными косами и лицом, словно высеченным из камня. – Никаких правил приличия. – Она подняла зульфикар и ханджар Али. – Превосходное оружие.

Мужчина показал Али узловатый черный корешок.

– Ели что-нибудь подобное?

Али кивнул, и он фыркнул:

– Глупец. Ваше счастье, что от вас не осталась горстка праха. – Он сунул под нос Али очередную порцию кровавистой дряни. – Ешьте. Вам нужно восстановить силы, чтобы вернуться домой.

Али слабо оттолкнул ложку. У него все еще кружилась голова, и он был в полном замешательстве. По расселине просвистел ветер, иссушив выступившую на коже влагу. Он поежился.

– Домой? – переспросил он.

– В Бир-Набат, – ответил мужчина, как будто иного и быть не могло. – Домой. До него всего-то неделя пути на запад.

Али пытался помотать головой, но шея и плечи одеревенели.

– Нельзя, – присипел он. – Я... иду на юг.

Больше он понятия не имел, куда податься. Исторической родиной клана Кахтани были неприступные горы, протянувшиеся вдоль южных тропических берегов Ам-Гезиры – только там он мог надеяться найти союзников.

– На юг? – расхохотался мужчина. – Ты чуть живой, и надеешься пройти всю Ам-Гезиру? – Он скормил Али еще ложку лекарства. – В этих краях в каждой тени прячется наемник, которому нужна твоя голова. По слухам, огнепоклонники озолотят того, кто убьет Али-зейда аль-Кахтани.

– Что нам бы и следовало. А не переводить провиант на капризного южанина.

Али с трудом проглотил гадкое варево и, шурясь, посмотрел в ее сторону.

– Ты готова убить брата-Гезири за иностранную монету?

– Кахтани я готова убить задаром.

Али опешил от враждебности в ее голосе. Мужчина, Любайд, наградил ее недовольным взглядом, после чего снова повернулся к Али.

– Извиняюсь за Акису, принц, но сейчас не лучший момент для путешествий по нашим землям. – Он отставил глиняную чашку. – Мы годами не видим ни капли дождя. Наши посевы сохнут, запасы пищи иссякают, дети и старики гибнут... Мы посылали гонцов в Дэвабад с мольбами о помощи. И знаешь, что сделал наш король, наш брат-Гезири?

– Ничего. – Акиса сплюнула на землю. – Твой отец нам просто не отвечает. Так что не надо песен о племенных узах, аль-Кахтани.

Али был так выбит из сил, что даже не испугался ненависти на ее лице. Он бросил еще один взгляд на свой зультфикар у нее в руках. Его лезвие всегда было остро наточено. Во всяком случае, если они надумают им воспользоваться, мучения Али быстро подойдут к концу.

Он подавил очередной рвотный позыв, но в горле оставался сильный вкус крови сернобыка.

– Что ж, – слабо выговорил он, – в таком случае – вынужден согласиться. Не стоит переводить на меня это. – Он кивнул на варево в руках Любайда.

Последовала долгая пауза. А потом Любайд прыснул со смеху, да так, что по расселине разлетелось звонкое эхо.

Продолжая смеяться, он без предупреждения подхватил Али под раненую руку и решительным движением вправил вывих.

Али вскричал, перед глазами замельтешили черные точки. Но как только плечо встало на место, жгучая боль начала затихать. В пальцах зашекетало, и к онемевшей руке шквальной волной вернулось чувство.

Любайд усмехнулся. Он размотал гутру – головной убор северных Гезири – и тут же соорудил из нее повязку на плечо. За здоровую руку он поднял Али на ноги.

– Не теряй чувства юмора, юноша. Оно тебе пригодится.

Огромный белый сернобык терпеливо ждал у устья расселины. На одном боку запеклась струйка крови. Вопреки всем его протестам, Любайд подтолкнул Али и усадил на спину животного. Али вцепился в длинные рога, глядя, как Любайд отнимает зультфикар у Акисы.

Он положил меч на колени Али.

– Вот заживет плечо, глядишь, и снова сможешь махать этим.

Али изумленно уставился на зультфикар.

– Но я думал...

– Что мы тебя уьем? – Любайд покачал головой. – Нет. Во всяком случае, не сейчас. Если ты способен на *такое*.

С этими словами он указал обратно на расселину.

Али проследил за его взглядом, и у него отвисла челюсть.

Нет, отнюдь не пот промочил его одежду. Там, где он лежал при смерти, из ниоткуда возник миниатюрный оазис. Меж камней, на которых покоилась его голова, бил родник, стекая ручейком по ложбинке, покрывшейся свежим мхом. Второй родник, пузырясь, вырывался из-под песка, заливая водой вмятину, оставленную его телом. Ярко-зеленые побеги проросли на островке окровавленной земли, и на распутившихся растениях блестела роса.

Али сделал вдох и почувствовал свежий запах влаги в воздухе пустыни. Запах возможностей.

– Понятия не имею, как это тебе удалось, Ализейд аль-Кахтани, – сказал Любайд. – Но если ты умеешь призывать воду в безжизненные пески Ам-Гезиры, что ж... – Он подмигнул. – Тогда ты стоишь явно больше нескольких иностранных монет.

Нари

В покоях эмира Мунтадира аль-Кахтани было ужасно тихо.

Бану Нары э-Нахид мерила шагами комнату, утопая стопами в пушистом ковре. На зеркальном столике рядом с нефритовым кубком, вырезанным в форме шеду, стояла бутылка вина. Ее принесли служанки со спокойными глазами, которые снимали с Нары тяжелый подвенечный наряд – может, заметили, как дрожит бану Нахида, и решили, что это ей поможет.

Сейчас она устала на бутылку. Очень тонкая работа. Стекло будет легко разбить, и еще легче – спрятать осколок под подушками на огромной кровати, на которую она избегала смотреть, и завершить этот вечер окончательно и бесповоротно.

А потом ты умрешь. Гасан прикажет пронзить мечами тысячи ее соплеменников, заставит Нарю наблюдать за смертью каждого, а потом бросит ее каркаданну.

Она отвела взгляд от бутылки. В открытые окна ворвался легкий ветер, и она поежилась. Ни сорочка из тончайшего голубого шелка, ни мягкий халат с капюшоном не спасали от холода. От вычурно украшенного одеяния, в котором ее выдали замуж, осталась только маска невесты. На маске, искусно вырезанной из эбенового дерева и закрепленной медными застежками и цепочками, были выгравированы их с Мунтадиром имена. Ее полагалось сжечь после консумации союза – пепел, оставшийся на их телах на следующее утро, станет свидетельством легитимности брака. Если верить восторженным аристократам Гезири, подначивавшим ее сегодня на свадебном ужине, эта традиция была особенно любима в их племени.

Нари не разделяла энтузиазма. Переступив порог спальни, она начала потеть, и теперь маска липла к ее влажной коже. Она слегка ослабила застежки, чтобы ветер охладил ее пылающие щеки. В массивном зеркале в бронзовой оправе она заметила свое отражение и отвела взгляд. Как бы хороши ни были платье и маска, они были гезирскими, а Нарю нисколько не хотелось видеть себя во вражеском облачении.

«Они тебе не враги», – напомнила она себе. «Врагами» называл их Дара, а она отказывалась думать о Даре. Только не сегодня. Это выше ее сил. Это сломит ее окончательно, а последняя бану Нахида Дэвабада не будет сломлена. Она подписала брачное соглашение твердой рукой, и не робея поднимала тосты с Гасаном, ласково улыбаясь королю, который угрожал ей убийством детей Дэвабада и вынудил отречься от ее Афшина, обвинив его в самых гнусных грехах. Если она смогла стерпеть это, то выдержит и то, что должно произойти в этой комнате.

Нари развернулась и продолжила мерить комнату шагами. Просторные покои Мунтадира располагались на одном из верхних уровней исполинского зиккурата, в самом сердце дворцового комплекса Дэвабада. Комнаты переполняли предметы искусства: картины на шелке, изящные гобелены, безупречно изваянные вазы – и все они, бережно выставленные напоказ, словно дышали магией. Она легко представляла Мунтадира в этой комнате чудес, как он разлегался с кубком дорогого вина и образованной куртизанкой под боком, декламируя стихи и разглагольствуя о бессмысленных утехах, на которые у Нарю никогда не было ни времени, ни интереса. И ни одной книги – ни здесь, ни в остальных комнатах его покоев, через которые ее провели.

Она остановилась у ближайшей картины и стала ее рассматривать. На миниатюрном полотне две танцовщицы наколдовали из огня цветы, которые искрились и рдели в кружении, подобно сердцевине рубина.

У нас с ним нет ничего общего. Нарю не представляла, как это возможно: жить в такой роскоши, в которой рос Мунтадир, имея под рукой накопленные тысячелетиями знания, и даже не удосужиться научиться читать. Единственное, что объединяло их с новоиспеченным супругом, – один кошмарный день на охваченном пламенем корабле.

Дверь спальни отворилась.

Нари машинально отступила на шаг от картины и натянула капюшон на глаза. Снаружи послышался негромкий треск, бранное слово, а потом вошел Мунтадир.

Он был не один – впрочем, она сомневалась, что он бы справился самостоятельно. Он буквально повис на приказчике, и от него разлило вином так, что чувствовалось даже через всю комнату. За ними показались две служанки и помогли ему снять халат, размотали тюрбан, попутно отпуская что-то, смахивающее на добродушные шутки, на гезирийском, после чего отвели его в постель. Нары сглотнула.

Он грузно опустился на край кровати, с пьяным видом, как будто удивленный тем, где оказался. Кровать, обильно устланная мягкими как облако простынями, могла вместить семью из десятерых – а если принять во внимание ходившие о ее муже слухи, она догадывалась, что в ней частенько не бывало свободного места. Благовония дымились в горелке около кубка подслащенного молока с яблоневыми листьями – традиционный напиток Дэв, который готовили в брачную ночь для невест в надежде на зачатие. Хотя бы этого можно не опасаться, – успокоила ее Низрин. Если в течение двухсот лет помогать Нахидам в целительских вопросах, нельзя не набраться практически безотказных приемов, предотвращающих беременность.

И все-таки, когда служанки ушли и тихо закрыли за собой дверь, сердце Нары забилося чаще. В воздухе тяжелым грузом висело напряжение, так неуклюже сочетавшееся с праздничным шумом, доносившимся из сада под окнами.

Наконец Мунтадир поднял голову и встретился с ней взглядом. Отблески свечи заиграли у него на лице. Пусть он не обладал в буквальном смысле волшебной красотой Дары, Мунтадир был чрезвычайно привлекательным мужчиной и, говорят, обаятельным – он легко смеялся и был щедр на улыбки... пожалуй, со всеми, кроме нее. Густые черные кудри были коротко обрезаны, борода – модно подстрижена. На свадьбе он был облачен в церемониальный черный халат с сине-лиловым орнаментом, отороченный золотом, и тюрбан из золотого шелка, которые были отличительным знаком правящей династии аль-Кахтани, – но теперь он переделался в свежую белоснежную дишдашу, расшитую по кайме мелкими жемчужинками. Единственное, что отвлекало внимание от его опрятного облика, был тонкий шрам, рассекающий левую бровь – сувенир, оставленный кнутом Дары.

Они выжидающе смотрели друг на друга, оба – не двигаясь. Она заметила, что под маской пьяного переутомления он тоже нервничал.

Наконец он заговорил:

– Ты ведь не нашлешь на меня чумные язвы?

Нары сузила глаза.

– Не поняла.

– Чумные язвы. – Мунтадир сглотнул, сжимая в руке расшитое покрывало на кровати. – Так твоя матушка поступала с мужчинами, которые подолгу на нее заглядывались.

Нары злило то, что эти слова задели за живое. Она не была романтической натурой и, напротив, ценила прагматизм и свою способность откладывать чувства в сторону – так в конце концов она и очутилась в этой комнате. Но все-таки это была ее *первая брачная ночь*, и в глубине души она надеялась на доброе слово от новоиспеченного муженька. На то, что он пожелает прикоснуться к ней, вместо того чтобы переживать, не найдет ли она на него какую-то магическую болезнь.

Без долгих церемоний она скинула халат, и тот упал на пол.

– Не будем тянуть резину.

Она приблизилась к кровати, дергая тонкие медные застежки, крепившие ее свадебную маску.

– Осторожнее! – Мунтадир выбросил вперед руку и тут же отдернул назад, когда соприкоснулся с ее пальцами. – Прости меня, – поспешно извинился он. – Просто... эти застежки принадлежали моей матери.

Нари замерла. Во дворце никогда не говорили о матери Мунтадира – первой жене короля, давно покойной.

– Правда?

Он кивнул, взял свадебную маску у нее из рук и умело расстегнул крепления. По сравнению с пышным убранством комнаты и сверкающими драгоценностями, которыми они оба были увешаны, застежки выглядели довольно просто, однако Мунтадир держал их так, словно ему вручили перстень с печатью Сулеймана.

– Они принадлежали ее семье много веков, – объяснил он, поглаживая филигранный предмет. – Она взяла с меня обещание, что их непременно будут носить мои жена и дочь. – Его губы дрогнули в грустной улыбке. – Она говорила, что это – талисман на добрую удачу и рождение славных сыновей.

Немного подумав, Нары решила развить тему: может, то, что они оба в прошлом лишились матери, окажется единственным, что их связывает.

– Сколько тебе...

– Мало, – оборвал Мунтадир. В его голосе слышался легкий надрыв, как будто вопрос причинил ему боль. – Однажды в пустыне Ам-Гезиры ее укусил наснас, когда она была еще совсем ребенком, и яд оставался в ней всю жизнь. Он то и дело давал о себе знать, но Манижа всегда знала, что нужно делать, – его лицо помрачнело. – Пока одним летом Манижа не решила, что прохлаждаться в Зариаспе для нее важнее спасения королевы.

Горечь, окрасившая эти слова, покорила Нары. О взаимопонимании можно было забыть.

– Ясно, – бросила она сухо.

Мунтадир заметил. На щеках проступил багрянец.

– Прости. Не следовало говорить тебе этих слов.

– Да ничего, – ответила Нары, хотя, по правде сказать, с каждой секундой все больше разочаровывалась в этом браке. – Ты никогда не скрывал своих чувств к нашей семье. Как ты сказал обо мне своему отцу? *«Живая подстилка Нахид»*? Якобы я соблазнила твоего брата и велела своему Афшину атаковать твою армию?

В серых глазах Мунтадира вспыхнуло раскаяние, и он сразу потупил взгляд.

– Это была ошибка, – слабо попытался оправдаться он. – Лучший друг и мой младший брат были при смерти. – Он поднялся на ноги и направился к бутылке. – У меня в мыслях мутилось.

Нары опустилась на кровать, скрестив ноги под шелковой сорочкой. Это была красивая вещица: ткань, такая тонкая, что казалась почти прозрачной, была расшита изумительно тонкой золотой вышивкой и украшена нежными бусинами из слоновой кости. В другой ситуации – и с другим мужчиной – ей наверняка было бы приятно от того, как игриво материя щекочет голую кожу.

Сейчас она и близко не испытывала ничего подобного. Она вперила взгляд в Мунтадира, поражаясь тому, что он счел это жалкое оправдание вполне извиняющим его поведение.

Мунтадир поперхнулся вином.

– Это мешает мне выкинуть из головы чумные язвы, – проговорил он между приступами кашля.

Нары закатила глаза.

– Да Бога ради, не причиню я тебе вреда. Не могу. Твой отец убьет сотню Дэв, если я тебя хоть оцарапаю. – Она потеряла голову и потянулась за вином – может, напиток действительно сделает все чуть более сносным. – Передай-ка.

Он налил вина в кубок, и Нары осушила его, поджав губы от кислого послевкусия.

– Какая гадость.

Мунтадир выглядел обиженным.

– Это старинное ледяное вино из Зариаспы. Оно бесценно – один из редчайших сортов в мире.

– На вкус – как виноградный сок, процеженный через тухлую рыбу.

– Тухлую рыбу... – тихо проговорил он и потер лоб. – Ладно... Тогда что ты предпочитаешь, если не вино?

Нари помедлила, но ответила правду, не видя в этом проблемы.

– Каркаде. Это чай, заваренный на цветках гибискуса. – В горле образовался комок. – Он напоминает мне о родине.

– Каликут?

Она нахмурилась.

– Что?

– Разве ты не оттуда родом?

– Нет, – ответила она. – Я из Каира.

– О. – Он слегка растерялся. – Это где-то рядом?

Вовсе нет. Нарид старалась не выдать досады. Тот, кто стал ее мужем, даже не знал, откуда она родом, дух каких земель питал ее кровь и пульсировал в сердце. Каир – город, по которому Нарид тосковала так отчаянно, что иногда перехватывало дыхание.

Я не хочу. Осознание, молниеносное и настойчивое, окатило ее. Нарид на собственной шкуре убедилась, что в Дэвабаде никому нельзя доверять. Как она сможет лечь в одну постель с эгоцентриком, который ничего о ней не знал?

Мунтадир наблюдал за ней. Взгляд его серых глаз смягчился.

– Мне кажется, тебя вот-вот стошнит.

Она все-таки вздрогнула. Видимо, он не был абсолютным слепцом.

– Я в полном порядке, – соврала она.

– Что-то не похоже, – не согласился он и протянул руку к ее плечу. – Ты вся дрожишь.

Когда пальцы коснулись ее кожи, Нарид напряглась, сдерживая себя, чтобы не отшатнуться.

Мунтадир отдернул руку, словно обжегшись.

– Ты что, боишься *меня*? – спросил он с изумлением в голосе.

– Нет. – Хотя Нарид рассердилась, ее щеки вспыхнули от смущения. – Просто я... никогда этого не делала.

– Чего? Не спала с кем-то, кого ненавидишь? – Кислая ухмылка сползла у него с лица, когда она закусила губу. – А. А-а, – добавил он. – Я полагал, вы с Дараявахаушем...

– Нет, – быстро встала Нарид. Она не могла слышать, как закончится это предложение. – У нас были другие отношения. И я не хочу говорить о нем. Тем более с тобой.

Мунтадир поджал губы.

– Хорошо.

Снова воцарилось напряженное молчание, усиливаемое всплесками смеха, залетавшими в открытое окно.

– Любо-дорого слышать, как все радуются объединению наших племен, – мрачно пробормотала Нарид.

Мунтадир посмотрел на нее.

– Так вот ради чего ты на это согласилась?

– Я *согласилась*, – протянула она слово с сарказмом, – потому что понимала, что не мытьем так катаньем меня заставят за тебя выйти. Я подумала, лучше уж я пойду на это добровольно и заодно вытрясу из твоего отца все приданое до последней монетки. И быть может, однажды уговорю тебя его свергнуть.

Пожалуй, это было не самое мудрое решение, но Нарид все меньше и меньше волновало, что о ней думает новоиспеченный супруг.

Мунтадир вмиг побелел как полотно. Сглотнув, он допил остатки вина, после чего вернулся и пересек комнату. Открыв дверь, он на гезирийском обратился к кому-то за ее порогом. Нари мысленно отругала себя за несдержанность языка. Она могла чувствовать к Мунтадиру что угодно, но Гасан был решительно настроен поженить их, и если Нари испортит ему планы, король, несомненно, придумает для нее какое-нибудь страшное наказание.

– Что ты сделал? – спросила она, когда он вернулся, с нарастающей тревогой в голосе.

– Заказал тебе стакан этого странного цветочного чая.

Нари удивленно захлопала глазами.

– Это было вовсе не обязательно.

– Мне захотелось. – Он встретился с ней взглядом. – Потому что, жена, откровенно говоря, ты производишь на меня страх, и я не прочь завоевать твое расположение. – Он снова взял с кровати свадебную маску. – Так что уйми свою дрожь. Я не обижу тебя, Нари. Это не в моих правилах. Сегодня я больше не прикоснусь к тебе.

Она покосилась на маску. Та начала заниматься пламенем.

– Но все ждуг, что...

Маска в его руках рассыпалась в золу, и она вздрогнула.

– Протяни руку, – сказал он.

Она протянула, и он насыпал ей в ладонь пригоршню пепла. Потом провел пыльными от пепла пальцами по своим волосам и вороту туники, после чего вытер ладонь о белую дишдашу.

– Вот так, – заключил он. – Брак консумирован. – Он кивнул на кровать. – Мне говорили, что я ужасно ворочаюсь и брыкаюсь во сне. Все будет выглядеть так, словно мы всю ночь работали во имя мира между нашими племенами.

От таких слов она залилась краской, и Мунтадир улыбнулся.

– Хочешь верь, хочешь нет, но мне легче от того, что хоть что-то заставляет тебя нервничать. Манижа никогда не проявляла ни намек на эмоции, и это вселяло ужас.

Более мягко он продолжил:

– Рано или поздно придется это сделать. За нами будут пристально наблюдать и ждать наследника. Но мы можем не торопиться. Не обязательно делать из всего невыносимую пытку. – Его глаза игриво заблестели. – Несмотря на всю мелодраматичность ситуации, в постели вполне можно получить массу удовольствия.

Их прервал стук в дверь, который пришелся весьма кстати, так как у Нари, даром что она выросла на каирских улицах, не нашлось на это ответа.

Мунтадир открыл дверь и вернулся с серебряным блюдом, на котором стоял кувшин из розового кварца.

– Твой каркаде.

Подняв покрывала, он упал на невысокую гору подушек.

– А теперь, если никто не возражает, я, пожалуй, вздремну. Я и забыл, как активно Дэвы мужского пола танцуют на свадьбах.

Тревожное чувство внутри стало ослабевать. Нари налила себе стакан каркаде и, наступая на горло соблазну устроиться на одном из диванов, расставленных перед камином, осторожно юркнула на кровать вместе с ним. Она сделала глоток чая, наслаждаясь прохладной кислинкой.

Такой знакомый вкус. Но первым делом в памяти Нари всплыло не египетское кафе, а дворцовая библиотека в Дэвабаде, где она сидела напротив улыбчивого принца, который отлично знал разницу между Каликутом и Каиром. Принц, чьи познания о мире людей оказались так притягательны для Нари, что она даже не подозревала, какую опасность это может представлять, пока не стало слишком поздно.

– Мунтадир, можно задать тебе один вопрос? – выпалила она, прежде чем успела подумать.

Он отозвался сонным голосом:

– Что?

– Почему Али не было среди гостей на свадьбе?

Мунтадир заметно напрягся.

– Он занят командованием гарнизоном в Ам-Газире.

Гарнизоном. Да, то же самое говорили все Гезири, чуть ли не слово в слово, в ответ на любые вопросы об Ализейде аль-Кахтани.

Но в королевском гареме тайное быстро становилось явным. Вот почему Нары были известны слухи о том, что Зейнаб, сестра Али и Мунтадира, много недель кряду по ночам плакала в подушку, когда ее младший брат покинул город. С тех пор Зейнаб всегда выглядела отрешенной – даже сегодня на торжестве по случаю свадьбы.

Она не удержалась и задала настоящий вопрос:

– Он мертв? – прошептала она.

Мунтадир ответил не сразу, и в тишине Нары почувствовала, как неясные эмоции сплетаются в тугую клубок у нее в груди. Но тут ее муж прочистил горло.

– Нет. – Слово было произнесено осторожно. Взвешенно. – Но я предпочел бы не говорить о нем, если ты не против. И, Нары, возвращаясь к тому, что ты сказала раньше... – Он посмотрел на нее тяжелым взглядом, который она не могла разгадать. – Пойми: что бы ни случилось, я прежде всего Кахтани. Мой отец – мой король. Я всегда буду предан прежде всего ему.

В его словах, произнесенных тоном без малейшего намека на теплоту, слышалось недвусмысленное предостережение. Сейчас с ней говорил эмир Дэвабада – и, не дожидаясь ответа, он повернулся к ней спиной.

Нары со стуком отставила стакан, чувствуя, как их едва затеплившаяся дружба затянулась льдом. Внутри начинала закипать досада.

В ответ заколыхался гобелен в другом конце комнаты. Тень, которая падала на Мунтадира, повторяя форму дворцового окна, резко вытянулась, заострилась.

Ни одно, ни второе не удивило Нары. Подобное часто происходило в последнее время – древний дворец словно пробудился, почувствовав, что в его стенах снова обитают Нахиды.

Дара

В багряном свете никогда не заходящего солнца спал Дараявахауш э-Афшин.

Разумеется, спал он не просто сном – глубже сна. Тише сна. Там не было сновидений об упущенных возможностях и безответных чувствах, не было кошмаров об утопающих в крови городах и безжалостных господах. Он лежал на фетровом покрывале, которое выткала для него мать, когда он был еще мальчишкой, в тенистой кедровой лощине. Сквозь деревья виднелся ослепительный сад, который то и дело привлекал его внимание.

Но не сейчас. Дара не вполне представлял, где находится, да это и не имело значения. В воздухе пахло родным домом, семейными обедами и священным дымом огненных купелей. Его веки то и дело приподнимались, но ненадолго, пока птички трели и звуки далекой лютни опять не убаюкивали его. Только этого Дара и желал: отдохнуть, пока кости не перестанут чувствовать усталость. Пока не выветрится из памяти запах крови.

Маленькая рука легла ему на плечо.

Дара улыбнулся.

– Опять вернулась, сестренка?

Он открыл глаза. Тамима присела рядом с ним на колени, улыбаясь ему беззубой улыбкой. Маленькую фигурку его младшей сестры окутывал саван, ее черные волосы были аккуратно заплетены в косы. Тамима очень изменилась по сравнению с тем, какой Дара увидел ее в первый раз. Когда она появилась в лощине, ее саван был насквозь пропитан кровью, а кожа иссечена и выжжена именами, начертанными тохаристанскими символами. При виде этого он пришел в бешенство: голыми руками он разворотил всю лощину и не остановился, пока, обесиленный, не упал в ее детские объятия.

С тех пор ее раны потихоньку затягивались, начала бледнеть и черная татуировка на его теле – та, что была похожа на перекладыны в лестничной спирали.

Тамима запустила пальцы ног в траву.

– Тебя ждут в саду – хотят поговорить с тобой.

Закралось дурное предчувствие. Дара догадывался, какой суд ожидает его в том месте.

– Я не готов, – ответил он.

– Не бойся своей участи, брат.

Дара зажмурился.

– Ты не знаешь всего, что я совершил.

– Так признайся и освободись от этого бремени.

– Не могу, – прошептал он. – Если я начну... Тамима, они утопят меня, они...

Его левую руку внезапно охватил такой жар, что Дара вскрикнул, застигнутый врасплох этой болью. Он начал забывать, что это такое, но жжение прошло так же резко, как и возникло. Он поднес руку к лицу.

На пальце красовалось старое железное кольцо с изумрудом.

Дара озадаченно уставился на него. Он принял сидячее положение. Плотная дремотная поволока спала с него как покров.

В лощине стало беспокойно, холодный ветер прогнал прочь родные запахи и закружил кедровые хвоинки в хороводе. Дара задрожал. Ветер казался живым существом, хватал под руки и ерошил волосы.

Он и глазом не моргнул, как уже стоял на ногах.

Тамима схватила его за руку.

– Нет, Дара, – взмолилась она. – Не уходи. Не в этот раз. Ты уже совсем близко.

Он в недоумении уставился на сестру.

– Что?

Словно отвечая ему, тени в лощине сгустились, изумрудное извивалось и переплеталось с черным. Он не знал, что это за магия... но она дурманила и проникала в самую душу, а кольцо пульсировало на пальце, как бьющееся сердце.

Вдруг все стало просто. Конечно, Дара пойдет туда. Ведь это его долг, и он был хорошим Афшином.

Он подчинился.

Дара высвободился из сестриной хватки.

– Я вернусь, – сказал он. – Обещаю.

Тамима заливалась слезами.

– Ты всегда так говоришь.

Плач сестры доносился все тише, по мере того как Дара уходил глубже в рощу. Птицы смолкли – им на смену пришло монотонное жужжание, от которого ему становилось не по себе. Воздух вокруг него начал сгущаться и погорячел. Он снова почувствовал, как руку что-то тянет. Кольцо медленно горело.

А потом его захватили. *Похитили* – незримая сила подцепила его подобно птице Рух и потащила в свою пасть.

Кедровая лощина сменилась крошечной темнотой. Ничего. Слепящая, пронзительная боль охватила его – он и не представлял, что бывает так больно, словно тысячи кинжалов вспороли каждый мускул тела, пока его влекло – *тянуло* – по черноте, которая была гуще грязи. Разломанный и собранный заново из фрагментов, острых, как куски битого стекла.

Жизнь с громом ворвалась в его грудь и забила в барабан. По новым венам заструилась жидкость, увлажняя растущие мышцы, и удушающая тяжесть опустилась ему на грудь. Он стал задыхаться, новый рот образовался, чтобы втянуть воздух в легкие. Вернулся слух и принес крики.

Его крики.

В него с силой ворвались воспоминания. Женщина – выкрикивает его имя, шепчет его имя. Черные глаза и лукавая улыбка, прикосновение ее губ к его, она прижимается к нему в темной пещере. Эти же глаза, переполненные шоком и разочарованием, – в разрушенном лазарете. Утопленник, покрытый чешуей и щупальцами, склонившийся над ним. Ржавый клинок в сочащейся руке.

Дара открыл глаза, но увидел только черноту. Боль угасала, но все казалось чужеродным, по его телу, чересчур легкому, но в то же время слишком реальному, проходили импульсы, которых он не испытывал уже много десятков лет. Много веков. Он снова начал задыхаться и хватать ртом воздух, пытаясь заново научиться дышать.

Рука легла ему на плечо, и тело омыло волной тепла и покоя. Боль ушла, сердце забилося уверенным ритмом.

Словно камень свалился у него с души. Дара бы ни с чем не спутал живительное прикосновение Нахид.

– *Нари*, – вздохнул он. На глазах выступили слезы. – Прости меня, Нарид. Мне так жаль. Я не хотел, чтобы...

Дара осекся на полуслове. Его взгляд упал на собственную ладонь.

Она ярко пламенела, а пальцы оканчивались смертельно-острыми когтями.

Он чуть не закричал, но увидел перед собой женщину. *Нари*. Нет, не Нарид, хотя в выражении незнакомки угадывались ее черты. Эта Дэва была старше, ее лицо было слабо изрезано морщинами. Серебро проседило черные волосы, неаккуратно остриженные по плечи.

Судя по всему, она была потрясена не меньше Дары. Обрадована – и потрясена. Она потянулась к нему и погладила по щеке.

– Сработало, – прошептала она. – Наконец-то сработало.

Дара в ужасе уставился на свои пламенеющие руки. На пальце сверкнуло ненавистное рабское кольцо с изумрудом.

– Почему я стал таким? – Его голос панически надломился. – Ифриты...

– Нет, – быстро успокоила его женщина. – Ты свободен от ифритов, Дараявахауш. Ты свободен *от всего*.

Это ничего не проясняло. Дара непонимающим взглядом таращился на собственную огненную кожу, внутри холодея от ужаса. Ни в одном известном ему мире джинны и дэвы не были похожи на него теперешнего, даже возвращенные из рабства.

На задворках сознания Дара все еще слышал голос сестры, умоляющий его вернуться в сад предков. *Тамима*. Горе захлестнуло его, и слезы градом покатались по щекам, шипя на раскаленной коже.

Он содрогнулся. Магия, текущая в крови, ощущалась им обостренно: свежая, оголенная, как нерв, неуправляемая. Он сделал резкий вдох, и стены шатра, в котором они находились, яростно всколыхнулись.

Женщина схватила его за руку.

– Успокойся, Афшин, – сказала она. – Ты в безопасности. Ты свободен.

– *Что я такое?* – Он в очередной раз взглянул на свои когти, и его замутило от увиденного. – Что ты со мной сделала?

Она захлопала глазами, удивленная мучительной интонацией в его голосе.

– Я сделала тебя феноменом. Чудом. Ты – первый дэв, освобожденный от оков проклятия Сулеймана за три тысячи лет.

Проклятие Сулеймана. Не веря своим ушам, он уставился на нее. В голове эхом отзвались ее слова. Это невозможно. Это... *возмутительно*. Его народ чтит Сулеймана. Подчинялся его постулатам.

Дара во имя этих постулатов убивал.

Он вскочил на ноги. Земля под ним содрогнулась, стены шатра неистово затрепетали под порывом жаркого ветра. Он неуклюже выскочил наружу.

– Афшин!

Дара ахнул. Он ожидал увидеть мрачно-пышные горы своего родного города-острова, вместо которых его взору предстала огромная безжизненная пустыня. И тут, к вящему своему ужасу, он узнал ее. Узнал рельеф соляных утесов и каменную башню, одиноким сторожем стоящую поодаль.

Деште-Лут. Пустыня на юге Дэвастана, до того знойная и непригодная для жизни, что птицы, пытавшиеся перелететь ее, падали с неба замертво. Дара, на пике восстания Дэвов, заманил в Деште-Лут Зейди аль-Кахтани. В сражении, которое наконец-то должно было обернуть ход войны в пользу Дэвов, он захватил и убил сына Зейди.

Но тогда в Деште-Лут для Дары все закончилось иначе.

Внезапный раскат смеха вернул его в настоящий момент.

– Однако пари-то я проиграл, – раздался голос у него за спиной, маслянистый и хитрый, словно вырванный из худших воспоминаний Дары. – Нахиде и впрямь это удалось.

Дара развернулся вокруг своей оси, моргая от внезапного яркого света. Три ифрита поджидали его среди руин, которые некогда были человеческим дворцом, но время и стихии не оставили им шанса. Ифриты, которые преследовали их с Нары на реке Гозан, – они едва уцелели в том безумном поединке.

Их вожак – Аэшма, вспомнил Дара – спрыгнул с разрушенной стены и, ухмыляясь, направился к нему неторопливой походкой.

– Он даже стал похож на нас, – поддел он. – Вот уж никто не ожидал.

– Жаль, – сказала другая ифритка, женщина. – Мне нравился его прежний вид. – Она кокетливо улыбнулась ему и протянула помятый шлем из железа. – Ну что, Дараявахауш? Думаешь, он все еще тебе впору?

Дара перевел взгляд на шлем. Коррозия придавала ему сине-зеленый оттенок, но он без труда узнал медные зазубрины торчащих по бокам крыльев шеду. Давным-давно герб на этом шлеме был украшен их перьями, передававшимися от отца к сыну. Дара до сих пор помнил, как побежали мурашки по коже, когда он впервые к ним прикоснулся.

С возрастающим ужасом он снова перевел взгляд на полуразрушенные кирпичи. На черную яму, которую они отгораживали, – чернильную воронку в подлунном песке. Это был тот самый колодец, в который его бессердечно бросили много веков назад, а потом утопили и вернули к жизни, но его душа уже была поработана ифритом, который сейчас беспечно крутил его шлем на одном пальце.

Дара отпрянул и схватился за голову. Все это казалось каким-то бредом, но за этим бредом скрывалось нечто невыносимое. Непостижимое.

В отчаянии он ухватился за первое пришедшее на ум имя.

– Н-нари, – пролепетал он.

Когда он покинул ее, она кричала его имя на полыхающем корабле в окружении врагов. Аэшма закатил глаза.

– Говорил же, в первую очередь он спросит о ней. Афшины – как верные псы для своих Нахид, останутся преданны, несмотря на регулярные порки. – Он переключился на Дару: – В Дэвабаде твоя целительница.

Дэвабад. Его город. Его бану Нахида. Разочарование в ее темных глазах, ее ладони на его лице, когда она умоляла его бежать.

Из горла вырвался сдавленный всхлип, жар захлестнул его. Он развернулся и пошел не зная куда. Он знал только то, что должен добраться до Дэвабада.

Как вдруг, с раскатом грома и вспышкой жгучего пламени, пустыня исчезла.

Дара моргнул. И пошатнулся. Он стоял на каменистом берегу, а перед ним – бурная река несла свои мрачно сверкающие воды. На противоположной стороне на фоне ночного неба высились горы из песчаника и бледно мерцали.

Река Гозан. Как он перенесся сюда из Деште-Лута в мгновение ока, Дара не имел ни тени представления, но это было неважно. Сейчас – неважно. Имело значение только одно: вернуться в Дэвабад и спасти Нарю от катастрофы, которую он устроил.

Дара бросился вперед. Берег реки и невидимую границу, скрывающую Дэвабад от остального мира, разделяли считанные секунды. Он неоднократно пересекал ее при жизни: возвращаясь с охоты вместе с отцом или из военных походов, когда он был молодым солдатом. Граница представляла собой занавес, который сам собой открывался для всякого, в ком текла хоть капля дэвской крови, открывая взору горы в зеленой дымке, окружавшие Дэвабадское проклятое озеро.

Но ничего не происходило, когда он стоял здесь сейчас.

Его охватила паника. Не может быть. Дара попробовал снова. Он обошел все кругом, бегом пустился вдоль берега реки в тщетных поисках завесы.

Предприняв не меньше ста попыток, Дара как подкошенный упал на колени.

Послышался раскат грома, чей-то бег, а за ним – недовольный вздох Аэшмы.

Над Дарой склонилась женщина. Дэва, чье лицо он увидел по пробуждении – та, что была похожа на Нарю. Повисла тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием Дары.

Пока он наконец не заговорил.

– Я в аду? – прошептал он, озвучивая страх, который изъел его сердце, сомнение, не позволявшее ему взять за руку сестру и войти в сад. – Это мое наказание за все, что я натворил?

– Нет, Дараявахауш, ты не в аду.

Тихое обещание в ее уверенном голосе обнадежило его, и он продолжил:

– Я не могу переступить порог, – выпалил он. – Я даже найти его не могу. Я проклят. Меня изгнали из родного дома, и...

Женщина взяла его за плечо, и волшебная сила ее прикосновения заставила его замолчать.

– Ты не проклят, – заявила она твердо. – Ты не можешь переступить порог, потому что с тебя снято проклятие Сулеймана. Потому что ты свободен.

Дара замотал головой.

– Я не понимаю.

– Поймешь.

Обеими руками она взяла его за подбородок, и Дара послушно повернулся и посмотрел на нее, испытывая странное желание повиноваться настойчивому взгляду этих темных глаз.

– Тебе дарована сила, которой дэвы были лишены тысячами. Мы найдем способ, как вернуть тебя в Дэвабад, даю слово. – Пальцы крепче сжали его подбородок. – И когда мы это сделаем, Дараявахауш... Мы *заберем* его себе. Мы спасем наш народ. Мы спасем Нарю.

Дара уставился на нее, хватаясь за ее слова как за соломинку.

– Кто ты? – прошептал он.

Ее губы растянулись в улыбке, такой знакомой, что у него зануло сердце.

– Меня зовут бану Манижа.

1

Нари

Нари закрыла глаза и подставила лицо солнцу, которое приятно пригревало кожу. Она сделала глубокий вдох, смакуя густые запахи далеких гор и свежего ветерка, дующего с озера.

– Они опаздывают, – капризно заявил Мунтадир. – Они вечно опаздывают. Как будто им нравится видеть, как мы ждем их тут на солнце.

Зейнаб хмыкнула.

– Диру, ты за всю свою жизнь ни разу не явился вовремя. Ты уверен, что имеешь право жаловаться?

Пропуская их перепалки мимо ушей, Нары снова набрала полные легкие свежего воздуха, наслаждаясь покоем. Она нечасто оставалась предоставлена сама себе и была решительно настроена выжать все из каждой крупинки свободы. Нары дорогой ценой уяснила, что другого выбора у нее нет.

Впервые Нары попыталась улизнуть из дворца вскоре после случая на корабле. Ей до зарезу хотелось на что-нибудь отвлечься, побродить по закоулкам города, куда ей еще не доводилось заглядывать – там, где ее не будут преследовать мысли о Даре.

В наказание Гасан приказал поставить перед ней Дунур, служанку Нары. И он отрубил девушке язык за то, что та не донесла об отсутствии бану Нахиды, навсегда лишив ее возможности разговаривать.

В следующий раз причиной стала ее строптивость. Вскоре должна была состояться их свадьба с Мунтадиром. Она – бану Нахида. Какое право Гасан имеет запирает ее в четырех стенах – в городе ее предков? В этот раз она была осторожнее: обеспечила всех своих компаньонов должными алиби и прибегла к помощи самого дворца, который укрыл ее тенью и вывел наружу чередой малообитаемых дворцовых коридоров.

Гасан и на этот раз обо всем узнал. Он приволок привратника, задремавшего, когда Нары прокралась мимо него на цыпочках, и велел выпороть у нее на глазах, пока у того на спине не осталось живого места.

В третий раз Нары даже не пыталась сбежать. Это было в день бракосочетания с Мунтадиром. Погода стояла солнечная, и Нары всего лишь захотела прогуляться от Великого храма до дворца, вместо того чтобы ехать на паланкине в сопровождении стражи. Она и подумать не могла, что новоиспеченного тестя это так озаботит. По пути она заглянула в небольшое кафе в секторе Дэв, где с удовольствием перекинулась парой слов с приятно удивленными хозяевами.

На следующий день Гасан велел привести супругов во дворец. На сей раз он никому не успел причинить вреда. Как только Нары увидела их перепуганные лица, она упала на колени и поклялась, что больше никуда не уйдет без разрешения.

И вот теперь она никогда не упускала возможности покинуть дворцовые стены. Не считая болтовни принца и принцессы да ястребиных криков, на озере царила полная тишина, и здешний воздух окутывал плотным, благодатным покоем.

Ее реакция не осталась незамеченной.

– Твоя жена выглядит так, словно только что освободилась из столетнего заключения, – пробормотала Зейнаб в нескольких шагах от нее. Она говорила тихо, но Нары умела ловко подслушивать любой шепот. – Даже я начинаю ей сочувствовать, и это после того, как мы чаевничали у нее в саду и лоза вырвала чашку у меня из рук.

Мунтадир цыкнул на сестру:

– Уверен, она это не нарочно. Такое иногда... случается, когда она поблизости.

– Говорят, статуя шеду укусила солдата, который дал оплеуху ее помощнице.

– Потому что не стоило давать ей оплеуху. – В шепоте Мунтадира зазвучали резкие нотки. – Однако хватит этих сплетен. Не хочу, чтобы они дошли до ушей абы.

Нари улыбнулась под вуалью, приятно удивившись тому, что он встал на ее защиту. Хотя они были женаты уже почти пять лет, Мунтадир редко заступался за нее перед семьей.

Она открыла глаза и залюбовалась панорамой. Стоял изумительный, один из тех редких дней, когда на бездонном ярко-синем небе Дэвабада было не видать ни облачка. Они втроем находились в городском порту, некогда величавом, а теперь полностью разрушенном, по всей видимости, уже много веков назад, хотя доки и сейчас оставались в рабочем состоянии. Сквозь трещины в мостовой пробились сорняки, гранитные декоративные колонны, разбитые, лежали на земле. Единственным намеком на былое великолепие были латунные рельефы предков Нары на могучих городских стенах за ее спиной.

А впереди раскинулось озеро и туманно-зеленые горы на противоположном берегу, растворяющиеся в узкий галечный пляж. Само же озеро было неподвижно – давным-давно марида наложили проклятие на его воды из-за какой-то всеми забытой распри с Советом Нахид. Об этом проклятии Нары изо всех сил старалась не думать. Точно так же она не позволяла себе смотреть на юг – туда, где высокие скалы, на которых громоздился дворец, сливались с темной водой. Отказывалась вспоминать о том, что произошло на этом участке озера пять лет назад.

Воздух замерцал, заискрил, и Нары сосредоточила взгляд на середине озера.

Прибыли Аяанле.

Корабль, возникший из-за завесы, больше всего походил на некое сказочное существо и скользил сквозь туман с поразительным для его размеров изяществом. Нары выросла на берегах Нила, и ей доводилось видеть корабли всех мастей: тонкие фелуки, рыбацкие каноэ и набитые товарами торговые суда густым нескончаемым потоком сновали по широкой реке. Но этот корабль не мог сравниться ни с одним из них. Он был таким огромным, что, казалось, мог вместить сотни пассажиров. Судно невесомо скользило по поверхности озера, и темная древесина ослепительно блестела на солнце. На мачтах развевались флаги цвета морской волны, украшенные изображениями золотых пирамид и звездно-серебряных соляных брусков. Ослепительная палуба утопала в многочисленных – Нары успела насчитать не меньше дюжины – янтарных парусах. Ребристые паруса, прошитые швами, походили скорее на крылья, чем на корабельную принадлежность, они дрожали и раздувались на ветру, как живые.

Нари, пришедшая в восторг, приблизилась к брату и сестре Кахтани.

– Как им удалось доставить сюда *корабль*?

За волшебным порогом, который кольцом охватывал широкое озеро и туманные горы Дэвабада, во все стороны протянулась сплошная голая пустыня.

– Потому что это не обыкновенный корабль, – улыбнулась Зейнаб. – А песчаный корабль. Изобретение Сахрейна. Тайна этой магии тщательно охраняется, но с толковым капитаном на таком корабле можно облететь мир. – Она вздохнула, глядя на корабль с восхищением и тоской. – Аяанле выкладывают Сахрейну целое состояние за право пользоваться кораблем, однако держат марку.

Мунтадира вид прекрасного корабля оставил равнодушным.

– Любопытно, что Аяанле могут позволить себе такую роскошь, когда Та-Нтри регулярно недоплачивают подати.

Нари мельком взглянула на супруга. Пускай Мунтадир никогда напрямую и не обсуждал с ней сложную экономическую ситуацию в Дэвабаде, она ни для кого не была секретом – уж точно не для бану Нахиды, которая лечила солдат, раненных в боевых учениях, которые жаловались на сокращение рационов, и снимала проклятия, которыми теперь то и дело награждали друг друга доведенные до ручки казначеи. К счастью, ощутимый кризис пока не затронул Дэвов – преимущественно потому, что они зареклись вести торговлю с другими племенами

после смерти Дары и немного позволения Гасана крушить их прилавки и притеснять купцов на Большом базаре. Зачем рисковать и продолжать иметь дело с джиннами, если те не хотят вставать на их защиту?

Корабль Аяанле приближался на раздувающихся парусах, пока по палубе сновали матросы в ярко-полосатой одежде с золотыми украшениями. На верхней палубе растянулось химероподобное существо в золотой упряжи, с кошачьим туловищем, покрытым рубиновой чешуей, и рогами, сверкающими как алмазы, размахивая змеевидным хвостом.

Едва корабль пришвартовался, стайка пассажиров поспешила навстречу королевским особам. Среди них – мужчина, облаченный в пышный бирюзовый халат и серебристый тюрбан, который он обмотал вокруг головы и шеи.

– Эмир Мунтадир, – улыбнулся он и низко поклонился. – Мир вашему дому.

– И вашему, – учтиво отозвался Мунтадир. – Встань.

Аяанле послушно выпрямился и посмотрел на Зейнаб с какой-то нарочито проникновенной улыбкой.

– Маленькая принцесса, как вы подросли! – Он засмеялся. – Встречая меня лично, вы оказываете старому торгашу слишком большую честь.

– Мне это только в радость, – заверила Зейнаб с непринужденностью, освоить которую у Нари не хватило бы терпения. – Надеюсь, в путешествии не возникло трудностей?

– Хвала Всевышнему. – Он повернулся к Нари, и в его золотых глазах сверкнуло изумление. – Это что же, ваша Нахида?

Поморгав, он сделал осторожный полушаг назад, что не осталось незамеченным для Нари.

– Это моя жена, – поправил Мунтадир резко похолодевшим тоном.

Нари ответила на взгляд Аяанле и, расправив плечи, притянула к себе чадру.

– Меня зовут бану Нахида, – произнесла она через вуаль. – Слышала, твое имя – Абул Даваник.

Он поклонился.

– Вы совершенно правы. – Он не сводил с Нари глаз, и от такого пристального взгляда она покрылась гусиной кожей. Купец покачал головой. – Невероятно. Вот уж не думал не гадал, что встречу настоящую Нахиду.

Нари заскрежетала зубами.

– Да, иногда нас выпускают на волю, попутать народ.

Мунтадир откашлялся.

– Я приказал подготовить комнаты для вас и место для вашего груза в королевском караван-сараяе. С радостью провожу вас туда.

Абул Даваник вздохнул.

– Увы, груза с нами мало. Нашему народу нужно еще немного времени, чтобы собрать караван с податями.

Маска приличия на лице Мунтадира не дрогнула, но Нари услышала, как его сердце учащенно забилося.

– Уговор у нас с вами был иной. – Угроза, зазвучавшая в его голосе, так сильно напоминала манеру Гасана, что у Нари выступили мурашки. – Ты ведь знаешь, конечно, что на носу Навасатем? Сложновато проводить торжество, которое бывает раз в столетие, когда подати постоянно запаздывают.

Абул Даваник устремил на него оскорбленный взгляд.

– Зачем же сразу о деньгах, эмир? Правила гезирского гостеприимства, к которым я привык, требуют еще по меньшей мере десять минут вести непринужденную светскую беседу.

Мунтадир отвечал без обиняков:

– Возможно, компания моего отца для тебя предпочтительнее моей?

Но Абул Даваник не смутился. Нари даже показалось, что его лицо приняло лукавое выражение, когда он ответил:

– В угрозах нет необходимости, ваше величество. Караван отстает от нас всего-то на несколько недель, – его глаза заблестели. – Вне всякого сомнения, вам понравится товар, который он привезет.

За городскими стенами зазвучал азан, зазывая верующих на полуденную молитву. Клич катился по городу широкими волнами, которые на расстоянии подхватывали муэдзины, один за другим, и Нари охватил приступ привычной ностальгии. Азан всегда напоминал ей о Каире.

– Это ведь может подождать, Диру, – сказала Зейнаб, очевидно, пытаясь разрядить напряжение между мужчинами. – Абул Даваник – наш гость. Он преодолел долгий путь. Почему бы вам не помолиться вместе, а затем не отправиться в караван-сарай? А мы с Нари вернемся во дворец.

Мунтадир остался недоволен, но не стал возражать.

– Ты не против? – спросил он у Нари для приличия.

А есть ли у меня выбор? Носильщики Зейнаб уже тащили к ним паланкин – красивую клетку, которая доставит Нари в ее позолоченную тюрьму.

– Разумеется, нет, – проворчала она и, отвернувшись от озера, последовала за золовкой.

На обратном пути они почти не разговаривали. Зейнаб, похоже, была погружена в свои мысли, и Нари сомкнула глаза, пользуясь передышкой перед возвращением в суету лазарета.

Но паланкин дернулся и остановился слишком рано. Встрепенувшись от полудремы, она протерла глаза и нахмурилась, заметив, как Зейнаб торопливо стягивает с себя часть украшений. Нари следила взглядом за Зейнаб, пока та складывала драгоценности горкой на лежавшую рядом подушку, а затем извлекла из-под парчового сиденья две простежки хлопчатые абайи и натянула одну поверх шелкового платья.

– Нас что, грабят? – спросила Нари, отчасти надеясь, что это окажется правдой. Ограбление означало бы какую-никакую задержку перед возвращением во дворец под неустанно бдительное око Гасана.

Зейнаб тщательно обмотала волосы темной шалью.

– Нет, конечно же. Я отправляюсь гулять.

– *Гулять?*

– Не тебе одной иногда хочется убежать – вот и я, когда представляется удобный случай, не упускаю такого шанса. – Зейнаб швырнула Нари вторую абайю. – Надевай быстрее. И спрячь лицо под вуалью.

Нари в изумлении уставилась на нее.

– Ты берешь меня с собой?

Зейнаб смерила ее взглядом.

– Мы с тобой знакомы пять лет. Я не оставлю тебя наедине с моими драгоценностями.

Нари помедлила. Ей хотелось согласиться, но перед глазами стояли перекошенные от страха лица джиннов, наказанных Гасаном по ее вине, и сердце Нари испуганно сжалось.

– Я не могу. Твой отец...

Взгляд Зейнаб потеплел.

– Меня он ни разу не ловил. А если это случится сегодня, я возьму всю ответственность на себя, обещаю. – Жестом она поманила Нари за собой. – Пойдем. Судя по всему, тебе это нужно даже больше, чем мне.

Нари прикинула свои шансы. Зейнаб, единственная дочь, и впрямь была любимицей Гасана. После недолгого колебания соблазн одержал верх. Она сняла самые заметные из королевских украшений, набросила протянутое Зейнаб платье и следом за ней вышла из паланкина.

Когда принцесса шепотом перебросилась парой слов со стражником и многозначительно ему подмигнула (Нари решила, что это был привычный ритуал для обоих), девушки окунулись

в поток пешеходов. Нарі неоднократно бывала в секторе Гезири, когда вместе с Мунтадиром навещала его родственников, но не видела ничего за пределами паланкинов, в которых они перемещались, да интерьеров пышных особняков. Женщинам во дворце не разрешалось иметь дело с простолюдинами – не говоря уже о том, чтобы шляться по городским улицам.

На первый взгляд сектор казался совсем небольшим – несмотря на то что городом правили Гезири, большая часть их соплеменников, как известно, предпочитала изрезанный рельеф родных краев, – но все равно радовал глаз. Вдалеке высились башни-ветроловы, разнося прохладные озерные бризы над стройными рядами высоких кирпичных строений, чьи бледные заштукатуренные фасады были украшены филигранными медными ставнями. А впереди – рынок, защищенный от знойного солнца плетеными тростниковыми циновками и вырубленным прямо на главной улице каналом, который сверкал, заполненный заколдованным льдом. Через дорогу от рынка располагалась центральная мечеть сектора, а рядом – плавающий шатер, окруженный финиковыми пальмами и цитрусовыми деревьями, в тени которых семьи угощались темной халвой, кофе и другими лакомствами с рынка.

И надо всем этим возвышалась аскетичная башня Цитадели, обиталища Королевской гвардии. Цитадель резко выдавалась на фоне латунных стен, отделявших Дэвабад от смертельного озера, а тень от нее накрывала сектор Гезири и близлежащий Большой базар. Однажды Низрин сказала ей – и это было лишь одно из ее многочисленных горьких увещаний насчет Гезири, – что Цитадель была первой постройкой, возведенной Зейди аль-Кахтани после того, как он отвоевал власть над городом у Совета Нахид. Долгие годы он правил городом именно оттуда, оставив полуразрушенный дворец стоять заброшенным и запятнанным в крови ее предков.

Но тут как раз Зейнаб подхватила ее под руку и потащила в сторону рынка. Нарі охотно поплелась следом. Когда они проходили мимо фруктового прилавка, она, почти не отдавая себе в этом отчета, стащила оттуда спелый апельсин. Воровать было безрассудно с ее стороны, но выход на шумные городские улицы раскрепостил Нарі. Пусть она была не в Каире, но нетерпеливое мельтешение прохожих, запахи уличной еды и народ, высыпавший из мечетей, казались достаточно знакомым зрелищем, чтобы на время отвлечься от тоски по дому. Впервые за несколько лет она снова ощутила себя чужой в толпе, и это было восхитительно.

Углубившись в тень рынка, они замедлили шаг. Нарі посмотрела по сторонам, и у нее разбежались глаза. Стекольщица огненными ладонями превращала раскаленный песок в пеструю бутылку, через проход от нее – сам по себе работал деревянный станок, закручивая и переплетая нитки яркой шерсти в орнамент наполовину сотканного молитвенного коврика. От прилавка, заваленного цветами, поднимался душистый аромат – парфюмер разбрызгивал розовую воду и мускус на блестящее блюдо с расплавленной амброй. А в ближайшей витрине разлеглись на высоких подушках две охотничьи пумы в инкрустированных ошейниках, соседствуя с крикливыми огнептицами.

Зейнаб остановилась погладить хищных кошек, а Нарі двинулась дальше. За поворотом обнаружился целый ряд книжных прилавков, и она, недолго думая, направилась туда, замороженная видом книг, разложенных на коврах и столах. От некоторых фолиантов исходила магическая аура – они были обтянуты чешуйчатými переплетами, а страницы переливчато мерцали, но большинство из них, похоже, были сделаны руками человека. Нарі это не удивляло: по общему мнению, из всех джиджских племен именно Гезири ближе всего сошлись с людьми, с которыми секретно делили землю.

Она изучила первый прилавок. Большинство книг здесь было на арабском языке, и вид этих текстов отозвался необъяснимым уколом в груди. Именно на арабском Нарі впервые научилась читать, и этот опыт в ее воспоминаниях всегда шел рука об руку с мыслями о юном принце, который стал ее учителем. Не желая думать об Али, она перевела блуждающий взгляд на соседний прилавок. В центре стола лежала книга с рисунком трех пирамид.

Нари в два счета оказалась рядом и потянулась к книге, словно к старинному приятелю, которого хотела заключить в объятия. Так и есть: знаменитые пирамиды Гизы. Листая страницы, она узнала и другие достопримечательности Каира: близнецы-минареты у ворот Баб-Зувейла и огромная зала мечети Ибн Тулуна. Женщины в черных одеждах, которые когда-то носила и сама Нары, черпали воду с берегов Нила, а мужчины укладывали охапки сахарного тростника.

Семенящей походкой к ней вышел старый гезирец.

– Глаз-алмаз, барышня. Свежайшее приобретение из мира людей, и мне еще не доводилось видеть книги, подобной этой. Ее достал мне купец из Сахрейна, когда переправлялся через Нил.

Нары провела пальцами по первой странице. Язык, на котором была написана книга, был совершенно ей незнаком.

– Что это за язык?

Старик пожал плечами:

– Точно не знаю. Буквы немного похожи на письменность древних латинских текстов, которые у нас есть. Купец, доставший книгу, пробыл в Египте недолго. По его словам, между людьми бушевала какая-то война.

Какая-то война. Она сильнее прижала ладонь к страницам. Когда Нары покинула Египет, он был недавно покорен французами, а до того им правили османы – похоже, такова была участь Нары, быть частью оккупированного народа, куда бы она ни направилась.

– Сколько вы за нее просите?

– Три динара.

Нары пристально прищурилась на него:

– Три *динара*? Я, по-вашему, из золота сделана?

Старик опешил:

– Но... такова цена, барышня.

– Для кого другого – возможно, – сердито фыркнула она, пряча энтузиазм под маской оскорбленной невинности. – Я же дам за нее десять дирхамов, и ни монетой больше.

Он разинул рот:

– Но у нас так не...

Внезапно рядом очутилась Зейнаб и стиснула руку Нары, подхватив ее под локоть.

– Что ты делаешь?

Нары закатила глаза.

– Это называется «торговаться», дорогая сестрица. Понимаю, что тебе никогда не приходилось с этим сталкиваться, однако...

– У Гезири *не принято* торговаться на рынках, – процедила Зейнаб с презрением. – Это порождает раздоры.

Нары возмутилась.

– И вы просто платите ту сумму, которую вам называют? – Она поверить не могла, что связала себя узами брака с таким наивным народом. – А если вас обманывают?

Зейнаб уже вручила три золотых книготорговцу.

– Может, тебе станет легче, если ты перестанешь думать, что все тебя обманывают, согласна? – Она оттащила Нары от прилавка и сунула книгу ей в руки. – И не устраивай сцен. Идея в том, чтобы нас *не* заметили.

Слегка пристыженная, Нары прижала книгу к груди.

– Я верну тебе деньги.

– Ты меня обижаешь, – Зейнаб сменила гнев на милость. – Ты не первая такая, с языком без костей, для кого я покупаю человеческие книги по завышенной цене на этой улице.

Нари украдкой взглянула на принцессу. Ей хотелось расспросить ее об этом не меньше, чем хотелось сменить тему. В сущности, так она себя чувствовала всякий раз, когда речь заходила об Ализейде аль-Кахтани.

Оставь. Были и другие способы подосаждать золовке.

– До меня дошли слухи, что к тебе сватается вельможа из Малакки, – сказала она бодро, когда они продолжили путь.

Зейнаб резко остановилась.

– Где ты такое услышала?

– Люблю перекинуться парой слов со своими пациентами.

Принцесса покачала головой.

– Твоим пациентам пора научиться держать язык за зубами. Да и тебе пора научиться. Уж, наверное, я это заслужила, когда купила тебе книжку про нелепые людские сооружения.

– Ты не хочешь за него замуж? – спросила Нары, счищая кожуру с украденного апельсина.

– Разумеется, не хочу, – отвечала Зейнаб. – Малакка находится за морем. Я никогда не увижу своих родных. – В ее голос прокрались нотки отвращения. – К тому же у него уже есть три жены и дюжина детей, а сам он вот-вот разменяет второй век.

– Так откажи ему.

– Мой отец уже все решил, – ответила Зейнаб натянуто. – Мой жених – очень богатый мужчина.

А-а. Беспокойство Мунтадира о состоянии городской казны стало теперь намного понятнее.

– Почему твоя мать не выскажется против? – поинтересовалась Нары.

Королева Хацет внушала ей нешуточный страх. В голове не укладывалось, чтобы такая женщина позволила сослать свою дочь в Малакку даже за все золото мира.

Зейнаб помедлила с ответом.

– У моей матери сейчас другие приоритеты.

Тихая улочка, на которую они вышли, вела мимо Цитадели. Массивные каменные стены нависали высоко над головой, закрывая собой голубое небо, отчего Нары чувствовала себя крошечной и совсем не в своей тарелке. Из распахнутых дверей доносился смех и характерный шипящий звон зульфякаров.

Не зная, что на это ответить, Нары протянула Зейнаб половинку апельсина.

– Соболезную.

Зейнаб уставилась на фрукт. В ее серых глазах сквозила неуверенность.

– Когда вы с братом поженились, вы были врагами, – проговорила она неуверенно. – Иногда кажется, что вы *до сих пор* ими остаетесь. Как... как ты...

– Приспосабливайся. – Слова вырвались из ожесточенного уголка ее души, где ей часто приходилось прятаться с тех пор, как ее подобрали на Ниле и бросили, одинокую и напуганную, в Каире. – Ты удивишься, на что мы способны ради того, чтобы выжить.

Зейнаб даже опешила.

– Такое ощущение, что мне стоит предупредить Мунтадира держать кинжал под подушкой.

– Я бы не советовала твоему брату хранить в постели острые предметы, – сказала Нары, продолжая идти. – Учитывая, сколько гостей там...

Она поперхнулась и выронила из пальцев апельсин, когда по ее телу внезапно пробежала ледяная волна.

Зейнаб сразу остановилась.

– Что с тобой?

Нары едва слышала вопрос. Будто невидимые пальцы схватили ее за подбородок, поворачивая голову в направлении мрачной улицы, мимо которой они только что прошли. Квартал,

зажатый между Цитаделью и пегими латунными городскими стенами, выглядел так, словно его сто лет назад сровняли с землей. Разбитая булыжная мостовая поросла быльем и покрылась слоем грязи, голые каменные стены были изуродованы подпалинами. В самом тупике стояло несколько полуразрушенных кирпичных зданий. На улицу выходили разбитые окна, зияя черными проемами, как выбитыми зубами. За портиками виднелись пышные кроны слишком буйно разросшихся деревьев. Здания затынуло плющом: он обвивал колонны и занавешивал разбитые окна, походя на веревки, ждущие висельников.

Нари сделала несколько шагов в глубь улицы. По коже пробежал разряд, и она испустила резкий вздох. Нары была готова поклясться, что мрачные тени слегка приподнялись в ответ на ее приближение.

Повернувшись, она увидела, что Зейнаб последовала за ней.

– Что это за место? – спросила она голосом, который эхом отскакивал от каменных стен.

Зейнаб обвела дома скептическим взглядом.

– Эти-то развалины? Я не специалист по замшелой архитектуре трехтысячелетнего города.

Дорога у нее под ногами до того погорячела, что Нары чувствовала тепло сквозь подошвы сандалий.

– Мне нужно пойти туда.

– *Что-что* тебе нужно?

Но Нары уже зашагала вперед, отбросив и мысли о принцессе, и даже страх перед жестоким наказанием Гасана. Нары не сводила взгляда с таинственных зданий, словно что-то влекло ее к ним.

Она остановилась у тяжелых латунных дверей. Створы были изрезаны загадочными рисунками: сернобык в прыжке и корабельный нос, огненная купель и двойная чаша весов – магия едва не бурлила под латунной поверхностью. Нары не верилось, что в таком месте мог кто-то жить, однако она занесла руку, чтобы постучать.

Костяшки пальцев не успели коснуться металла, как дверь со скрипом отворилась, явив за собой зияющую черную пустоту.

За дверью не было ни души.

К ней подросла Зейнаб.

– Ну уж нет, – заявила она. – Не на ту Кахтани напала, если думаешь, что я переступлю порог этой забытой богом дыры.

Нары сглотнула. В Египте так могла бы начинаться одна из тех сказок, которыми любили пугать детей, о таинственных руинах и устрашающих джиннах.

Только она и сама, по сути, была устрашающим джинном, а ледяная хватка, с которой здание вцепилось ей в сердце, крепла каждую минуту. Это было безрассудно, она никак не могла объяснить этот импульс – но она не могла не войти туда.

– Тогда оставайся здесь.

Нары увернулась от потянувшейся к ней Зейнаб и вошла внутрь.

Она оказалась окутана кромешной темнотой.

– Наар, – прошептала Нары.

В ее ладони проснулись языки пламени и осветили то, что когда-то наверняка было величественной парадной залой. На стены налипли лохмотья краски, в которых угадывались очертания крылатых быков и гарцующих фениксов. В тех местах, откуда были выдраны драгоценные инкрустации, остались многочисленные щербины.

Нары сделала шаг вперед и подняла ладонь выше. Глаза у нее полезли на лоб.

На стене перед ней фрагменты и тени рассказывали историю возникновения Нахид. Древний храм Сулеймана вырастал над головами дэвов-строителей. Женщина в сине-золотой чадре, с остроконечными ушами, припала к ногам короля из рода человеческого. Пока Нары

завороженно разглядывала фрески, она готова была поклясться, что фигуры пришли в движение и плавно превращались в новые: из брызг глазури появилась стая парящих шеду, скупой контурный рисунок целителей, заваривающих зелья, наполнился цветом. Ей послышались бледные отзвуки марширующих отрядов и возгласов восторженных зевак, когда мимо прошагал строй лучников в парадных шлемах, увенчанных покачивающимися перьями.

Нари ахнула, и в этот момент огонек соскользнул с ее ладони, и искорки света заплясали вокруг, освещая парадную целиком. Это был выплеск бессознательной магии – то же самое происходило и во дворце, в сердце королевской династии Нахид, чья сила и сегодня текла в ее крови.

Фрески в один миг застыли. Вошла Зейнаб и боязливо прокладывала себе путь через обломки, завалившие пол.

– Кажется, это место принадлежало моей семье, – прошептала Нарі благоговейно.

Зейнаб обвела залу настороженным взглядом.

– Справедливости ради... то же самое можно сказать почти про весь Дэвабад.

Нари оскалилась, и в лице Зейнаб проступило недовольство.

– Извини уж, однако непросто сохранять дипломатичность, когда я боюсь, что здание вот-вот обрушится на нас. *Пожалуйста*, пойдем уже. Отец завтра же сошлет меня в Малакку, если его Нахида погибнет под завалом из кирпичей.

– Я не его Нахида, и я не уйду отсюда, пока не выясню, что это за место.

Магический зуд, который Нарі ощущала кожей, все усиливался, прелый городской воздух в закрытом помещении казался удушающим. Она стянула с лица вуаль, решив, что здесь они навряд ли с кем-нибудь столкнутся, и, пропуская мимо ушей предостережения Зейнаб, перелезла через одну из полуосыпавшихся стен.

Она мягко приземлилась на ноги и очутилась в длинном крытом коридоре: галерея арок из песчаника отделяла ряд дверей от заросшего внутреннего сада. Коридор выглядел намного лучше, чем парадная: пол был чисто выметен, стена – оштукатурена и выкрашена цветастыми загогулинами.

Выругавшись, Зейнаб последовала за ней.

– Может, я давно об этом не напоминала, но кажется, я тебя ненавижу.

– Знаешь, для существа из волшебного мира тебе катастрофически недостает духа авантюризма, – ответила Нарі, дотрагиваясь до нарисованного завитка голубой краски, по форме напоминающего волну. На голубом фоне была изображена черная лодочка. Под пальцами Нарі волна всколыхнулась, как живая, отправив лодочку в плавание вниз по стене.

Она улыбнулась. Ужасно заинтригованная, она пошла по коридору, попутно заглядывая во все двери. Комнаты, за исключением пары сломанных полок и догнивающих ошметков ковра, были совершенно пустыми.

Но не все. На пороге последней комнаты Нарі остановилась как вкопанная. Стены были заставлены кедровыми книжными полками, которые ломились от свитков и фолиантов, под самый высоченный потолок. Еще больше книг скопилось на полу в опасно покосившихся стопках.

Уже переступив порог, Нарі заметила низкий письменный стол, втиснутый между двух книжных стопок. Над бумагами, которыми была завалена поверхность стола, склонилась фигура: довольно пожилого вида Аяанле, одетый в полосатый халат, в котором буквально утопало его сухонькое туловище.

– Нет, нет, нет, – бормотал он по-нтарийски, вымарывая только что написанное угольным карандашом. – В этом нет ни капли смысла!

Нарі помедлила. Она понятия не имела, что мог забыть ученый Аяанле в библиотеке полуразрушенного здания, но ей он показался достаточно безобидным.

– Мир вашему дому, – проговорила она.

Старик вскинул голову.

У него были глаза цвета изумрудов.

Он быстро заморгал, а потом вскрикнул и подскочил с подушки, на которой сидел.

– Разу! – закричал он. – *Разу!*

Он схватил свиток и взмахнул им, словно мечом.

Нари тут же попятилась, угрожающе выставив перед собой книгу.

– Не подходи! – прикрикнула она на Зейнаб – принцесса прибежала, стиснув в одной руке кинжал.

– Ох, Исса, что у тебя опять стряслось?

Нари и Зейнаб подскочили от неожиданности и обернулись. Две женщины вышли из сада – это произошло так быстро, словно они возникли там по волшебству. Одна была из племени Сахрейн – ее рыже-черные кудри спадали до пояса ее галабеи, которая была покрыта пятнами краски. Вторая, которой принадлежали эти слова, была выше ростом, тохаристанка, и облачена в ослепительную мантию очевидно магического покроя – будто покрывало из расплавленной меди спадало с ее плеч. Она пристально смотрела на Нарю. И тоже – зеленые глаза. Так же ярко горели глаза Дары.

Ученый Аяанле – Исса – выглянул из-за дверей, продолжая потрясать свитком.

– Она похожа на человека, Разу! А я поклялся, что они меня больше не достанут!

– Это не человек, Исса.

Тохаристанка подошла ближе. Она не сводила с Нарю своих сверкающих глаз.

– Это все-таки ты, – прошептала она. На ее лице отобразился благоговейный трепет, и она опустилась на колени, почтительно сложив ладони. – Бану Нахида.

– *Бану Нахида?* – переспросил Исса. Его до сих пор била дрожь. – Ты в этом уверена?

– Уверена. – Тохаристанка указала на железный браслет, усыпанный изумрудами, который украшал ее запястье. – Я чувствую притяжение в своем сосуде. – Она положила руку на грудь. – И в моем сердце, – добавила она тихонько. – Как я чувствовала к бага Рустаму.

– Ох... – Исса выронил свиток. – Силы небесные... – Он неуклюже поклонился. – Приношу свои извинения, госпожа. В наше время лишняя осторожность никогда не помешает.

Рядом с Нарю часто дышала Зейнаб. Кинжал она так и не опустила. Нарю протянула руку и своей ладонью опустила руку Зейнаб вниз. В полнейшем недоумении она обвела глазами необычную троицу, на каждом из них по очереди задерживая взгляд.

– Простите, – начала она, с трудом подыскивая слова, – но кто вы такие?

Тохаристанка поднялась с колен. Ее черные волосы, тронутые серебром и золотом, на затылке были убраны в мудреную кружевную сеточку, а лицо изрезали морщины. Будь она человеком, Нарю могла бы предположить, что она разменяла седьмой десяток.

– Мое имя – Разу Каракши, – сказала она. – С Иссой ты уже повстречалась, а это – Элашия, – добавила она, по-дружески кладя руку на плечо сахрейнке. – Мы – освобожденные рабы ифритов, последние в Дэвабаде.

Элашия нахмурилась, и Разу склонила голову.

– Прости меня, дорогая. – Она снова взглянула на Нарю. – Элашии не нравится, когда ее называют рабыней.

Нарю постаралась ничем не выдать своего изумления. Потихоньку она высвободила свои способности. Ясно, почему она решила, что они здесь одни: кроме сердца Зейнаб и ее собственного, ничьи сердца во всем сооружении больше не бились. Тела стоящих перед ней джиннов были абсолютно безмолвны. Так же, как и тело Дары.

«*Потому что это не их настоящие тела*», – догадалась Нарю, припомнив все, что ей удалось узнать о рабском проклятии. Похищенных джиннов ифриты убивали, и ради их освобождения Нахиды создавали новые формы, новые тела, в которые вдыхали возвращенные души бывших рабов. Нарю мало что знала о процессе – тема рабства была до того табуированной

среди джиннов, что о нем боялись заговаривать, как будто стоит прошептать «ифрит», и тебя самого настигнет рок, который единодушно считался страшнее смерти.

Рок, который однажды настиг и трех джиннов, стоявших теперь перед ней. Нари открыла рот, но слова никак не находились.

– Что вы здесь делаете? – выдавила она наконец.

– Прячемся, – горько ответил Исса. – В целом городе больше никто не рад нам после того, что произошло с Афшином. Все боятся, что мы вот-вот спящим и бросимся истреблять неповинных джиннов ифритовой магией. Мы решили, что в больнице будет безопаснее.

Нари похлопала глазами.

– Здесь была *больница*?

Яркие глаза Иссы сузились в щелочки.

– Разве это не очевидно? – спросил он, сумбурным жестом обводя руины, среди которых они стояли. – А где же, по-твоему, практиковали твои предки?

Разу поспешно выступила вперед.

– Не хотите ли присоединиться ко мне и чего-нибудь выпить? – радушно предложила она. – Нечасто мне доводится принимать таких знатных гостей, как первые лица Дэвабада.

Зейнаб отпрянула, и женщина улыбнулась.

– Не смущайтесь, принцесса, в остальном – у вас прелестная маскировка.

Нари, в ушах у которой до сих пор звенело слово «больница», последовала не раздумывая. Сад пребывал в том же плачевном состоянии, что и остальные здания комплекса. Корневища змеями расползлись по разбитым плиткам голубого и лимонно-желтого цвета, но было и что-то обаятельное в этой запущенности. Буйно и пышно разрослись темные розы, чьи колючие стебли заплелись вокруг давным-давно рухнувшей статуи шеду, и воздух наполнился их душистым ароматом. Соловьи плескались и выводили трели в треснувшем фонтане напротив рожицы тенистых деревьев, свесивших свои плакучие ветви.

– Не обижайтесь на Иссу, – добродушно сказала Разу. – Пусть его манеры оставляют желать лучшего, но он выдающийся ученый, проживший удивительную жизнь. Он путешествовал до того, как попасться ифритам. Исколесил всю долину Нила, посещал человеческие библиотеки, копировал их труды и отправлял переписанное сюда, в Дэвабад.

– Нила? – жадно переспросила Нари.

– Верно. – Разу оглянулась на нее. – Ну конечно... Ты ведь выросла там. В Александрии, если не ошибаюсь?

– В Каире, – поправила Нари, и сердце кольнула знакомая тоска.

– Прости мне эту ошибку. Боюсь, в мое время никакого Каира еще не существовало, – рассудила Разу. – А вот об Александрии я слышала. Обо всех, – она покачала головой. – До чего тщеславным, зазнавшимся юнцом был Александр, нарекая все эти города своим именем. Его легионы наводили ужас на несчастных жителей человеческой части Тохаристана.

Зейнаб ахнула.

– Не хочешь ли ты сказать, что жила в одну эпоху с *Александром Македонским*?

Улыбка Разу приобрела оттенок таинственности.

– Так и есть. В этом году на праздновании нового поколения мне исполнится двадцать три века. Престол Дэвабада занимали внуки Анахид, когда ифриты меня похитили.

– Но... это же невозможно, – выпалила Нари. – Рабы ифритов столько не живут.

– А-а. Вам, полагаю, наговорили, что рабские мучения всего за пару столетий окончательно сводят нас с ума? – Разу вздернула бровь. – В жизни, как это часто бывает, все чуточку сложнее. К тому же мою историю отличали особые обстоятельства.

– Какие же?

– Я пошла к ифриту добровольно. – Она рассмеялась. – Я была ужасной сорвиголовкой, наслушавшейся сказок об утраченных богатствах. Мы навоображали, что перед нами откоро-

ется сокровищница мифических чудес, если только мы вернем себе силу, которой обладали до Сулеймана.

– Вы *отдались* ифриту? – ужаснулась Зейнаб, но Нари узнала в загадочной авантюристке родственную душу.

Разу кивнула.

– Он приходился мне дальним кузенком. Этот упрямый глупец отказался подчиниться воле Сулеймана, но мне он нравился. – Она пожала плечами. – Тогда отношения между нашими народами не были так сильно... накалены. – Она подняла руку. Ладонь пересекали три черные полосы. – Я была слишком наивна. Я посылала своих хозяев на поиск сказочных сокровищ, которые мы с кузенком планировали присвоить себе после того, как он освободит меня. Мы с моим третьим хозяином рыскали по какой-то старой усыпальнице, когда она обвалилась, убив моего господина и похоронив мое кольцо в песках пустыни.

Она шелкнула пальцами, и из корзины, стоявшей под деревом ним, возник рулон шелка и стал разматываться, вытягиваясь и изгибаясь в воздухе, принимая форму гамака. Жестом она пригласила Нари и Зейнаб устроиваться.

– Прошло две тысячи лет, пока меня не нашел другой джинн. Он привез меня в Дэвабад, и вот я здесь. – Яркие глаза Разу потускнели. – Своего кузена-ифрита я с тех пор никогда не видела. Возможно, в конце концов он попался в руки Нахидам или Афшинам.

Нари прочистила горло.

– Соболезную.

Разу тронула ее за плечо.

– В этом нет необходимости. Мне повезло намного больше, чем Иссе и Элашии. Мои немногие хозяева никогда не истязали меня. Но, вернувшись, я обнаружила, что моего мира больше не существует, потому что – канули в Лету, а мой родной Тохаристан остался лишь легендой на устах моего народа. В Дэвабаде было проще начать жизнь заново. Во всяком случае, до недавних пор. – Она потрясла головой. – Но что это я все о прошлом да о прошлом... Какими судьбами *вы* здесь?

– По неосмотрительности, – буркнула Зейнаб себе под нос.

– Я... толком сама не понимаю, – созналась Нари. – Мы проходили мимо, и я почувствовала... – Она умолкла. – Я ощутила исходящую отсюда магию, и она напомнила мне о дворце. – В изумлении она поглядела по сторонам. – Здесь и вправду была больница?

Разу кивнула:

– Была.

Она снова шелкнула пальцами, и перед ними появился клубящийся хрустальный кувшин с тремя бокалами. Она налила Нари и Зейнаб по бокалу жидкости цвета облаков.

– Однажды я не успела вовремя увернуться от заимодавца и провела здесь некоторое время в качестве пациентки.

Зейнаб сделала осторожный глоток, и тут же, забыв о манерах, выплюнула обратно в бокал.

– А вот это строжайше запрещено.

Заинтригованная, Нари пригубила свой напиток и поперхнулась от крепкого алкоголя, обжегшего ей горло.

– Что это?

– Сомы. Излюбленный напиток твоих предков. – Разу подмигнула. – В мое время, даже невзирая на Сулейманово проклятие, дэвы еще не разучились развлекаться.

Что бы ни представляла собой эта сома, на Нари она бесспорно оказала расслабляющее действие. Зейнаб вся была как на иголках, а удовольствие Нари от беседы с Разу возрастало с каждым намеком женщины на ее незаконно послушное прошлое.

– На что она была похожа? Когда вы тут лечились, я имею в виду.

Разу перевела взгляд на больницу, погружаясь в воспоминания.

– Даже по меркам такого величественного города, как Дэвабад, это место поражало воображение. Пациенты Нахид исчислялись тысячами, не меньше, но больница работала слаженно, как хорошо смазанные шестеренки. Заклятие уныния, которое на меня наложили, было чрезвычайно заразным, так что меня положили в карантин, вон там. – Она кивнула на полуразрушенное крыло больницы и сделала щедрый глоток из бокала. – О нас так хорошо заботились. Кровать, крыша над головой, горячая пища... Да ради такого и поболеть не жалко.

Опершись на ладони, Нари погрузилась в размышления. Больницы были знакомы ей не понаслышке: она не раз проникала в знаменитый каирский бимаристан – величественную старую больницу в комплексе аль-Калавун, – прикарманить лекарств и просто побродить, воображая себя в рядах студентов и медиков, толпящихся в этих коридорах.

Она попыталась представить такую картину здесь: больница цела, повсюду снуют Нахиды; десятки целителей, сверяясь с записями, осматривают больных... Это наверняка было особенное место.

Больница Нахид.

– Как бы я хотела иметь что-то подобное, – проговорила она вполголоса.

Разу усмехнулась и подняла свой бокал, направляя его в сторону Нари.

– Если решишь отстроить больницу заново, записывай меня в волонтеры.

Все это время Зейнаб притопывала ногой, но сейчас встала.

– Нари, нам пора, – пригрозила она, показывая на небо.

Солнце уже скрылось за стенами больницы.

Нари взяла Разу за руку.

– Я постараюсь вернуться, – пообещала она. – А вы... вы в безопасности здесь, втроем? Вы ни в чем не нуждаетесь?

Разу и ее спутники наверняка могли постоять за себя гораздо лучше, чем Нари, но у той возникла острая потребность оберегать этих троих, чьи души освободили ее предки.

В ответ Разу стиснула ладони Нари.

– Нам ничего не нужно, – заверила она. – Однако я надеюсь, что ты вернешься. Кажется, ты нравишься этому месту.

2

Али

Али смотрел со скалистого обрыва утеса, шурясь в слепящем солнце пустыни. Сердце бешено стучало в ушах, дыхание вырывалось отрывисто. От волнения на лбу выступил пот, промочил насквозь хлопчатую гутру, которую Али обвязал вокруг головы. Переминаясь с одной босой ноги на другую, он высоко поднял руки.

– Не прыгнет, – услышал Али слова одного из джиннов-подстрекателей.

Они стояли на вершине горы, граничащей с деревней Бир-Набат. Все они были еще юнцами – то, чем они занимались, требовало известного лихачества, какое с возрастом обычно проходит.

– Маленький принц не рискнет свернуть свою королевскую шею.

– Прыгнет, – осадил их другой джинн, Любайд, ближайший друг Али во всей Ам-Гезире. – Пусть только посмеет не прыгнуть. – Любайд перешел на крик: – Али, брат! Не подведи! Я на тебя поставил!

– Не нужно было, – нервно крикнул в ответ Али.

Он сделал еще один дрожащий вдох, пытаясь набраться мужества. Это было слишком опасно. Так глупо и необязательно, что где-то граничило с эгоизмом.

Из-за утеса донеслось змеиное шипение, которое сопровождалось неприятным резким запахом опаленных перьев. Али пробормотал под нос молитву.

И побежал, бросившись к обрыву. Он бежал со всех ног и не остановился, даже когда земля под ногами сменилась воздухом, опрометью кинувшись в пустоту. Он начал падать, с ужасом успев заметить, как стремительно приближается далекая, усыпанная камнями земля, о которую он вот-вот разобьется...

И приземлился на спину заххака, который гнездовался на отвесном склоне. Али выдохнул, чувствуя, как в жилах закипает нервное возбуждение, и испустил крик, полный в равной степени ужаса и ликования.

Однако заххак такого энтузиазма не разделял. Возмущенно каркнув, летающий змей взмыл в воздух.

Али ухватился за медный ошейник заххака, который еще много лет назад кто-то более ловкий умудрился набросить ему на шею, и крепко стиснул ногами скользкое туловище зверя, покрытое серебристой чешуей, – как его учили. Вокруг него – четыре тяжелых дымчато-белых крыла разгоняли воздух и клубились, как облака. У Али перехватило дыхание. Зверю, больше всего похожему на ящерицу-переростка, которая, впрочем, умела пыхать пламенем, раззявив клыкастую пасть, когда ей досаждали джинны, по слухам, было более четырехсот лет. Заххак гнездовался в утесах близ Бир-Набата с незапамятных времен, и возможно, именно из любви к насиженному местечку и мирился с выходками гезирских юнцов.

Один такой юнец сейчас зажмурил глаза: от свиста ветра и вида проносящейся под ногами земли у Али душа уходила в пятки. Он вцепился в ошейник и прижался к шее заххака.

Посмотри же, глупец. Понимая, что приключение для него может окончиться смертельным падением с высоты, Али решил, что должен хотя бы полюбоваться красотами.

Он открыл глаза. Перед ним простиралась пустыня: навстречу ярко-синему горизонту тянулись широкие насыпи красно-золотого песка, из-под которых величаво выпирали каменные осередки – древнейшие образования, изваянные ветром за долгие тысячелетия. Иззубренные дорожки пролегли на месте давным-давно пересохших русел, и вдали, к северу, виднелся небольшой оазис с рощицей раскидистых пальм.

– Силы небесные, – прошептал он, ропща перед красотой и великолепием представшей перед ним панорамы.

Теперь он понял, почему Любайд и Акиса уговаривали его принять участие в этом ритуале, наиболее опасном из всех ритуалов Бир-Набата. Али вырос в Дэвабаде, но никогда не переживал ничего, что могло бы сравниться в исключительности с таким полетом.

Глядя в сторону оазиса, он прищурился, с любопытством заметив среди далеких деревьев черные шатры и какое-то движение. Это могли быть кочевники – оазис принадлежал людям согласно давней договоренности, и джинны из Бир-Набата не решались даже испить воды из тех колодцев.

Обхватив шею зверя, он подтянулся вперед, для лучшего обзора, и заххак фыркнул в знак протеста, пыхнув облаком дыма. Али чуть не вывернуло наизнанку от его зловонного дыхания, и он закашлялся. В змеиных клыках застряли хрящи пережаренной добычи, от запаха которых Али замутило, хотя его и предупреждали об этом.

Заххаку он тоже не шибко-то нравился. Без предупреждения он зашел на вираж, из-за чего Али с трудом не потерял хватку, и рванул обратно в том направлении, откуда они прилетели, разрезая воздух, точно серпом.

Впереди Али видел ворота Бир-Набата: неприступно-мрачный, зияющий проем, вытесанный непосредственно в скале. Ворота обрамляла минималистская резьба по песчанику: на крошащемся камне орлы примостились на декоративные колонны, как на насесты, а глубокий орнамент из крутых ступенек устремился в самое небо. Эту резьбу еще миллиард лет назад нанесли первые здешние поселенцы – люди, древняя цивилизация, стертая с лица земли, в чьем разрушенном поселении теперь прочно обосновались джинны.

Он как раз пролетал над своими товарищами – те размахивали руками и били в железные барабаны, раззадоривая заххака. С пронзительным воплем змей ринулся на них. Крепясь духом, Али выждал, пока заххак не подлетит вплотную к его товарищам, разинув пасть и разъяренно дохнув на них ярко-алым пламенем, так что они едва увернулись. И тогда – прыгнул.

Упав, он покатился по земле. Акиса успела подхватить его прямо перед тем, как заххак поджег участок, куда он приземлился. Еще раз возмущенно каркнув напоследок, он полетел прочь, по горло сытый выходками джиннов.

Любайд поставил Али на ноги и с ликующим возгласом похлопал его по спине.

– Говорил же я, что он прыгнет! – Он улыбнулся Али. – Ну, стоила игра свеч?

У него на теле не было ни одного живого места, но Али пребывал в таком экстатичном состоянии, что ничего не замечал.

– Это было потрясающе, – выпалил он, переводя дыхание. Али снял гутру, которую ветром как приклеило к его губам. – И, представляете? Какие-то люди снова собрались в...

Все заворчали, не дав ему даже договорить до конца.

– Нет, – оборвала его Акиса. – Не пойду я больше с тобой шпионить. Ты помешался на своих людях.

Но Али не сдавался:

– Но мы могли бы узнать что-то новое! Помните деревню на юге? Ту, где использовали солнечные часы для управления каналами? Это нам очень пригодилось.

Любайд вернул Али его оружие.

– Помню, как люди прогнали нас взашей, когда обнаружили, что их навестили «демоны». Они еще много стреляли из взрывающихся палок... орудий. И мне совсем не хочется выяснять, содержится ли железо в этих снарядах.

– «Взрывающиеся палки» называются ружьями, – поправил Али. – А в вас, увы, начисто отсутствует дух авантюризма.

Они спустились по каменистому уступу, ведущему в деревню. Порода пестрила на скальной резьбой: буквами незнакомого Али алфавита и кропотливо вытесанными рельефами давно

вымерших животных. А выше, с одного края – безволосый гигант склонялся над рядом примитивных фигурок, а в его ладонях были схематично нарисованы языки пламени. Деревенские джинны верили, что это – изображение одного из первых дэвов, еще не благословленного Сулейманом. Судя по безумным глазам и острым зубам на рельефе, дэвы наводили небывалый ужас на человеческих поселенцев.

Али и его товарищи ступили под ворота деревни, в тени которых два джинна, якобы стороживших вход, попивали кофе. Когда редкому пронырливому человеку случалось подбратиться слишком близко, они были тут как тут, чтобы наколдовать лютые ветры и сбивающие с ног смерчи и отвадить любопытного.

Они подняли головы на проходящую мимо компанию.

– Он прыгнул? – улыбаясь, спросил первый привратник.

Любайд по-отечески обнял Али за плечи.

– Можно было подумать, он летал верхом на заххаке с молодых ногтей.

– Это было потрясающе, – подтвердил Али.

Второй привратник рассмеялся:

– Мы еще воспитаем из тебя толкового северянина, Дэвабад!

Али усмехнулся в ответ:

– На все воля Всевышнего.

Они двинулись по темному помещению, минуя пустые саркофаги давно преставившихся королей и королев, которые правили здесь в незапамятные времена (никто так внятно и не ответил Али на вопрос, куда конкретно подевались их тела, да он и сам сомневался, что хотел знать ответ). Впереди стояла сплошная каменная стена. Простому наблюдателю – человеку – эта стена едва ли показалась бы чем-то примечательной, не считая, пожалуй, слабого свечения, исходящего от неожиданно теплой поверхности.

Но для Али – стена словно пела на все лады, и магия расходилась от камня ласкающими волнами. Он приложил к стене ладонь.

– Патару савасам, – приказал он по-гезирийски.

Стена растворилась, и, когда туман рассеялся, взору предстала буйная фауна Бир-Набата. Али остановился, любуясь свежей, изобильной красотой места, заменившего ему дом в последние пять лет. От такого великолепия захватывало дух. Деревня, которую Али, впервые попав в Бир-Набат, застал безжизненной и иссушенной голодом, изменилась до неузнаваемости. Похоже, во времена своего основания Бир-Набат был поистине цветущим раем – останки водосборных бассейнов и акведуков, а также масштабы и сложная архитектура построенных людьми храмов наводили на мысли о периоде регулярных дождей и процветании населения. Но джинны, занявшие их территорию, уступали им в численности. Много веков они перебивались лишь парой непересохших родников да мародерством.

Но к тому моменту как в деревне появился Али, и от этих родников почти ничего не осталось. Бир-Набат находился в отчаянном положении – настолько отчаянном, что его жители отважились пойти наперекор своему королю и приютить чужака, молодого принца, найденного полуживым в расселине неподалеку. Они были согласны даже не обращать внимания на то, что глаза принца блестели цветом мокрого битума, когда он был чем-то расстроен, а его ноги и руки покрывали шрамы, которые неспособен оставить никакой меч. Для Гезири из Бир-Набата это не имело значения. Имело значение то, что Али подарил им четыре новых родника и два нетронутых водоема, воды в которых хватало для орошения всего Бир-Набата на много веков вперед. И вот уже вокруг новых домов были разбиты небольшие, но урожайные огородики, на которых росли ячмень и дыни, а все больше и больше джиннов покидали шатры из дыма и сернобычьих шкур, предпочитая им сооружения из бутового камня и матового стекла. Финиковые пальмы росли здоровыми, толстыми и высокими, снабжая деревню тенистой прохладой. Восточную часть Бир-Набата отдали под сад, где побеги инжира хорошо прижились

меж цитрусовых деревьев, бережно обнесенные изгородью для защиты от стремительно растущей популяции коз.

Они прошли мимо деревенского рынка, работающего в тени исполинского древнего храма, вытесанного прямо в скале, мимо аккуратных лепных колонн и прилавков, ломящихся от волшебных товаров. Али улыбался, отвечая на приветственные кивки и выкрики рыночных торговцев, и чувствовал умиротворение.

Внезапно одна торговка перегородила ему путь.

– А, шейх, я вас везде ищу!

Али захлопал глазами, возвращаясь с небес на землю. Перед ним стояла Рима, женщина из семьи касты ремесленников.

Она помахала у него перед лицом свитком.

– Проверьте, пожалуйста, все ли в порядке с этим контрактом. Готова поклясться, что этот ушлый южанин, Билкисов раб, пытается меня обжулить. Моему товару нет равных, и я точно знаю, что зачарованные корзинки, которые он у меня скупает, должны приносить больше прибыли.

– Ты ведь понимаешь, что я сам – один из этих «ушлых южан», как ты выражаешься? – заметил Али.

Кахтани были выходцами из горного региона на южном побережье Ам-Гезиры и чрезвычайно гордились своим родством с джиннами-прислужниками, которых сам Сулейман некогда даровал Билкис, королеве древнего Сабейского царства.

Рима помотала головой.

– Вы из Дэвабада. Это совсем другое, – задумалась она. – Это, пожалуй, намного хуже.

Со вздохом Али взял у нее контракт. После того как целое утро он копал новый канал, а потом летал на заххаке, который все норовил его скинуть, сейчас ему больше всего хотелось рухнуть в постель.

– Я проверю.

– Спасибо вам, шейх.

Рима ушла.

Али с друзьями продолжили путь, но не успели далеко уйти, когда их, пыхтя, перехватил деревенский муэдзин.

– Брат Ализейд! Мир и процветание твоему дому! – Серые глаза муэдзина смерили его беглым взглядом. – Батюшки, да ты же с ног валишься!

– Я как раз собирался...

– Ну да, ну да. Но, послушай... – Муэдзин понизил голос. – Не мог бы ты завтра, если будет такая возможность, провести хутбу? Шейх Джияд неважно себя чувствует.

– Я думал, брат Табит обычно читает проповедь, когда его отца нужно подменить?

– Да, но... – Муэдзин понизил голос еще немного. – Я не выдержу больше его разглазгований, брат. Просто не выдержу. В прошлый раз он только и распинался о том, что музыка лютни отвлекает молодежь от молитвы.

Али опять вздохнул. С Табитом они не ладили – в основном потому, что Табит свято верил всяким слухам из Дэвабада и каждому встречному-поперечному рассказывал, что Али – лжец и предатель, которого подослали в Бир-Набат, дабы ввергнуть в пучину «городских грехов».

– Ему не понравится, когда он узнает о вашем предложении.

Акиса фыркнула.

– Напротив. У него появится новая тема для нытья.

– И народ любит твои проповеди, – поторопился добавить муэдзин. – Ты всегда находишь такие замечательные темы. Это полезно для укрепления их веры, – закончил он рассудительно.

Приходилось отдать ему должное: отказать муэдзину было практически невозможно.

– Хорошо, – пробурчал Али. – Я согласен.

Муэдзин пожал ему плечо.

– Спасибо.

– Разберешься с Табитом, когда он об этом услышит, – попросил Али Акису, еле волоча ноги по тропинке. Они почти добрались до его жилища. – Сама знаешь, как он ненавидит... – он осекся на полуслове.

Снаружи шатра его дожидались две женщины.

– Сестры, – поздоровался он и, мысленно выругавшись, выдавил улыбку. – Мир вашему дому.

– И твоему – мир, – первой заговорила Умм-Каис, одна из деревенских чародеек-зодчих. Она улыбнулась Али широкой и какой-то расчетливой улыбкой. – Как поживаешь?

Выбит из сил.

– Не жалуюсь, хвала Всевышнему, – ответил Али. – А как вы сами?

– Нормально, у нас все нормально, – поспешно ответила Бушра, дочь Умм-Каис. Она избегала встречаться с Али взглядом, и ее пламенеющие щеки выдавали сильное смущение. – Мы просто проходили мимо!

– Глупости. – Умм-Каис рывком притянула дочь к себе, и девушка пискнула от неожиданности. – Моя Бушра сейчас приготовила вкуснейшую кабсу... Она у меня прирожденная кухарка, знаешь ли, может званый ужин состряпать из пустых костей да щепотки пряностей... Так вот, первым делом она предложила отнести немного и нашему принцу. – Ее губы расплылись в улыбке. – Она у меня такая умница.

Али моргнул, немного опешив от настырности женщины.

– Э-э... спасибо, – сказал он, успев заметить, как Любайд, чьи глаза весело блестели, прикрывал рот ладонью. – Очень любезно с вашей стороны.

Умм-Каис исподтишка заглянула в его шатер и недовольно поцокала языком.

– Одинок тебе здесь, должно быть, Ализейд аль-Кахтани. Ты ведь такой хороший джинн. Тебе нужен настоящий дом в горах и женщина, которая будет ждать тебя дома.

Сжался надо мной, Всевышний, только не это.

– Я... я признателен за заботу, – проблеял он в ответ, – но меня полностью устраивает мое одиночество.

– Да, но ты – молодой мужчина. – Умм-Каис положила руку ему на плечо и ощупала мышцы. На лице женщины отразилось удивление. – Силы небесные... Хвала Всевышнему за такую славную работу, – произнесла она восхищенно. – И разумеется, у тебя есть некоторые потребности. Это естественно.

Жар прилил к щекам Али с удвоенной силой, когда он заметил, как Бушра приподняла на него свой взгляд. В ее глазах мелькнуло оценивающее выражение, от которого у него внутри всколыхнулось какое-то нервное возбуждение, которое к тому же нельзя было назвать однозначно неприятным.

– Я...

На счастье, вмешался Любайд.

– Вы очень заботливы, сестры, – сказал он, принимая у них из рук блюдо. – Мы проследим, чтобы он все съел.

Акиса кивнула. Ее глаза искрились весельем.

– Пахнет очень аппетитно.

Умм-Каис поняла, что ей пора признать временное поражение. Она пригрозила Али пальцем:

– Ну, однажды...

Уходя, она махнула рукой в сторону шатра:

– Кстати, заезжал гонец с посылкой от твоей сестры.

Женщины едва успели скрыться за поворотом, как Любайд и Акиса прыснули со смеху.
– Прекратите, – прошипел Али. – В этом нет ничего смешного.
– Еще как есть, – возразила Акиса, у которой от смеха тряслись плечи. – Смотрела бы и смотрела еще хоть дюжину раз.

Любайд присвистнул.

– Видела бы ты его лицо, когда на той неделе Садаф принесла ему одеяло, потому что захотела «согреть его постель».

– Ну все, хватит. – Али потянулся за блюдом. – Отдай мне это.

Любайд увернулся.

– Э нет. Будет мне награда за твоё спасение. – Он поднес блюдо к себе, принялся и зажмурился. – Может, на ней тебе и жениться? Я был бы вашим незванным гостем на каждом ужине.

– Я ни на ком не женюсь, – огрызнулся Али. – Это слишком опасно.

Акиса закатила глаза.

– Ты преувеличиваешь. Уже год прошел с тех пор, как я в последний раз спасала тебя от ассасина.

– Который подобрался достаточно близко, чтобы оставить сувенир. – Али выгнул шею, обнажая жемчужно-бледный шрам, пересекающий его горло чуть ниже бороды.

Любайд только отмахнулся.

– После того как он это сделал с тобой, его родной клан изловил его, выпотрошил и бросил труп на растерзание заххаку. – Он пристально посмотрел на Али. – Даже среди ассасинов немного найдется дураков, чтобы вести охоту на джинна, от которого зависит водоснабжение половины северной части Ам-Гезиры. Тебе *пора* задуматься о том, чтобы устраивать здесь свою жизнь. Что-то подсказывает мне, что брак благоприятно повлияет на твой характер.

– О, не то слово, – согласилась Акиса. Она подняла голову, и они с Любайдом обменялись заговорщическими ухмылками. – Жаль, что ни одна женщина в Бир-Набате не в его вкусе...

– То есть черноглазая и с талантом к исцелению? – подхватил Любайд и расхохотался в ответ на свирепый взгляд Али.

– Вам прекрасно известно, что в этих идиотских слухах нет ни слова правды, – сказал Али. – Мы с бану Нахидой были друзьями, и только. К тому же она замужем за моим братом.

Любайд пожал плечами.

– А мне нравятся эти идиотские слухи. Да и можно ли винить тех, кто травит увлекательные байки обо всем, что с вами тогда случилось? – В его голосе зазвучали патетические интонации. – Загадочная красавица Нахида, запертая во дворце, злой Афшин, который может ее погубить, и вспыльчивый принц, сосланный на историческую родину...

Терпение Али наконец лопнуло, и он потянулся к пологу шатра.

– Я не *вспыльчивый*. И большую часть этих баек травишь именно ты!

В ответ Любайд лишь снова рассмеялся.

– Ступай уже и посмотри, что тебе прислала сестра. – Он повернулся к Акисе, протягивая ей блюдо. – Проголодалась?

– Очень.

Качая головой, Али сбросил сандалии и вошел в шатер. Его жилище было небольшим, но уютным и достаточно просторным для матраца, который одна из кузин Любайда, сжалившись, удлинила специально под «нелепый» рост Али. Буквально все здесь досталось ему в подарок. Он попал в Бир-Набат, не имея за душой ничего, кроме оружия да окровавленной дишдаши, и по имуществу Али можно было отследить историю его пребывания здесь: халат и сандалии стали первыми вещами, украденными им из брошенного людьми каравана; Коран вручил ему шейх Джияд, когда Али начал преподавать; бесконечные листки с записями и чертежами он набросал, наблюдая за работой различных оросительных сооружений.

И пополнение: запечатанный медный тубус длиной с его руку от запястья до локтя и шириной с кулак лежал на аккуратно свернутом матраце. Один конец тубуса покрывал слой черного воска, а по кругу бежала фамильная подпись.

Улыбнувшись, Али взял тубус и сорвал восковую печать. Под ней скрывалась матрица с острыми лезвиями – печать крови, благодаря которой Зейнаб могла быть уверена, что никто, кроме кровного родственника, не сможет вскрыть ее послание. Так они могли хотя бы надеяться, что переписка никому не попадет на глаза. Хотя едва ли это имело значение. Ведь письма перехватывал не кто иной, как их родной отец, а он запросто мог использовать каплю своей крови и прочесть что угодно. Скорее всего, так он и делал.

Али прижал руку к торцу тубуса. Как только его кровь попала на лезвия, крышка задымилась и испарилась. Али наклонил тубус, вываливая содержимое на матрац.

Золотой слиток, медный плечевой браслет и письмо на несколько страниц. Браслет сопровождался небольшой запиской, в которой изящным почерком его сестры было написано: *«От головных болей, на которые ты постоянно жалуешься. Обращайся с ним осторожнее, братец. Нахида взяла за него баснословные деньги».*

Али повертел в руках браслет, разглядывая письмо и слиток. *Да хранит тебя Всевышний, Зейнаб.* Бир-Набат только начинал вставать на ноги, и дела часто шли туго – это золото поможет решить здесь много проблем. Оставалось лишь надеяться, что Зейнаб не будет наказана за такую передачу. Сколько раз он писал ей, умоляя не присылать материальную помощь, но она игнорировала его советы так же дерзко, как игнорировала негласный отцовский приказ всему племени Гезири – не помогать Али. Только ей подобное неповиновение могло сойти с рук. Гасан всегда сменял гнев на милость, когда дело касалось любимой дочери.

Он упал на подушки, перекатился на живот и начал читать. При виде знакомого почерка сестры и ее колких суждений у него теплело на сердце. Он ужасно скучал по ней. Раньше он не ценил их отношения, потому что был молод и заносчив, а теперь стало слишком поздно, и от них ничего не осталось, кроме нерегулярной переписки. Али и Зейнаб больше никогда не встретятся. Не будут погожим днем сидеть у канала за чашкой кофе, обсуждая свежие сплетни. Он не проводит ее под венец. Не увидит ее будущих детей – своих племянниц и племянников, которых в иной жизни Али баловал бы до невозможности и учил сражаться.

Но Али понимал, что все могло сложиться и хуже. Ежедневно он благодарил Всевышнего за то, что на пути ему попались джинны из Бир-Набата, а не одни из тех многочисленных джинов, которые потом пытались его убить. Но щемящая тоска, накатывающая при мысли о семье, не проходила, несмотря ни на что.

Так, может, действительно пора завести здесь новую семью? Али перевернулся на спину, греясь в лучах теплого солнца, сияющего за стенами шатра. Вдали он слышал детский смех и пение птиц. В памяти всплыли тихие знаки внимания от Бушры. Оставшись один, Али не стал бы отрицать, что в тот момент в нем проснулось что-то волнующее. Дэвабад остался далеко, его отец как будто позабыл о нем. Разве это преступление: позволить себе пустить здесь корни, завести семью и тихо жить простой семейной жизнью, которая была бы заказана для каида эмира Мунтадира?

Его сковал ужас. *Да,* – был ответ. Грезы о простом семейном счастье рассыпались в прах. Потому что в его жизни мечты о светлом будущем приводили только к одному – к трагедии.

3

Нари

Ясно было одно: старейшины племени не разделяли ее энтузиазма по поводу больницы Нахид.

Низрин вытаращилась на Нарю.

– Ты убежала из-под охраны? *Снова?* Ты хоть представляешь, что будет, если Гасан узнает?

– Зейнаб меня вынудила! – оправдывалась Наря. И тут же, решив, что будет несправедливо по отношению к золовке обвинять ее в приключении, от которого сама осталась в восторге, добавила: – Она сказала, что часто совершает подобные вылазки и еще ни разу не попала. И в случае чего обещала взять вину на себя.

Картир выглядел не на шутку встревоженным. Обычно верховный жрец более снисходительно относился к... неортодоксальным выходкам Нарю, но недавняя история, похоже, переполнила чашу его терпения.

– И ты ей веришь? – спросил он, взволнованно сунув щетинистые брови.

– В этом вопросе – да.

Наря с золовкой не всегда находили общий язык, но несложно было догадаться, что и Зейнаб время от времени отчаянно нуждалась в глотке свободы.

– Может, хватит, наконец, делать из мухи слона? Это ведь отличные новости! Только представьте! Больница Нахид!

Картир и Низрин переглянулись. Несмотря на мимолетность этого взгляда, нельзя было не заметить, что на лице жреца вспыхнул виноватый румянец.

Наря заподозрила неладное.

– Вы и так знаете про это место? Почему вы ничего не рассказывали?

Картир вздохнул.

– Потому что судьба этой больницы – в равной степени нелицеприятная и неблагоприятная тема для разговоров. Сомневаюсь, что о ней вообще кому-либо известно помимо короля и узкого круга завязанных летописцев Дэвабада.

Услышав такое расплывчатое объяснение, Наря нахмурилась:

– Но откуда знаете о больнице вы?

– Бану Манижа узнала о существовании больницы – и о ее печальной судьбе, – еле слышно ответила Низрин. – Она никогда не расставалась со старинными фамильными книгами. Она-то нам и рассказала.

– Что значит «о печальной судьбе»?

Когда ее вопрос остался без ответа, терпение Нарю лопнуло.

– Око Сулеймана, к чему эти секреты на каждом шагу? За пять минут я узнала от Разу больше, чем от вас двоих за пять лет!

– Разу? Разу бага Рустама? – В лице Картира читалось облегчение. – Слава Создателю. Я боялся, случилось непоправимое, когда сгорела ее таверна.

Наря стало жаль добрую авантюристку, оказавшую ей такой сердечный прием.

– Я – бану Нахида. Я должна быть в курсе, если на освобожденных рабов объявлена охота.

Низрин и Картир снова переглянулись.

– Мы хотели как лучше, – проговорила наконец Низрин. – Тогда ты еще глубоко скорбела по Даре, и я не хотела сыпать соль на рану, рассказывая о судьбе его товарищей по несчастью.

При упоминании имени Дары Нары вздрогнула. Она и сама знала, что на время стала сама не своя после его гибели.

– И все-таки не вам принимать за меня подобные решения. – Она посмотрела на них по очереди. – Я не могу быть бану Нахидой в храме и лазарете, если со мной обращаются как с маленькой, как только речь заходит о политических вопросах, которые, по вашему мнению, могут меня расстроить.

– Которые, по нашему мнению, опасны для твоей жизни, – непреклонно поправила Низрин. – В храме и лазарете у тебя хотя бы есть право на ошибку.

– А больница? – не унималась Нары. – Какая политическая подоплека заставила вас утаить от меня ее существование?

Картир разглядывал свои руки.

– Дело не в одном ее существовании, бану Нахида. Дело в том, что там произошло во время войны.

Он снова умолк, и Нары осенило.

– Если я не услышу более внятного объяснения, мне придется каким-то образом вернуться туда. Один из джиннов был историком и наверняка знает ответ.

– Ни в коем случае, – вмешалась Низрин и обессиленно вздохнула. – Больница пала первой, когда Зейди аль-Кахтани захватил Дэвабад. Все произошло так быстро, что оставшиеся там Нахиды не успели бежать во дворец. Шафиты подняли бунт, как только воины Зейди вторглись в город. Они взяли больницу штурмом и истребили всех Нахид в ее стенах. *Всех до единого*, бану Нары. От престарелых аптекарей до подмастерьев, вчера вышедших из-за школьной скамьи.

Заговорил Картир. Его голос звучал мрачно, а у Нары от их рассказа кровь стыла в жилах.

– Рассказывают, бойня была чудовищная. Гезири, понятное дело, были вооружены зульфикарами, а вот шафиты орудовали «огнем Руми».

– «Огонь Руми»? – переспросила Нары. Название показалось ей смутно знакомым.

– Человеческое изобретение, – объяснила Низрин. – Вещество, которое липнет, как деготь, и сжигает кожу даже Дэвам. «Огонь – огнепоклонникам», – так они кричали, шафиты. – С болезненным видом она опустила глаза. – Его до сих пор используют. Именно так джинны, убившие мою семью и обокравшие наш храм, и подожгли его.

Нары вмиг переполнило острое чувство вины.

– Прости меня, Низрин, я и понятия не имела.

– Ты не виновата, – ответила она. – Откровенно говоря, я боюсь, что в больнице все происходило гораздо страшнее. Я не читала тех мемуаров, что бану Манижа, но, обнаружив их, она почти не разговаривала в течение долгих недель.

– Некоторые нюансы наводят на мысли о том, что это был акт возмездия, – осторожно добавил Картир. – Такая жестокость... не бывает беспричинной.

Низрин нахмурилась.

– Этим джиннам не нужна причина, чтобы проявить жестокость. У них это в крови.

Жрец покачал головой.

– Не будем обманываться, госпожа Низрин, и у нашего племени руки бывали в крови. И я бы не хотел внушать эти мысли нашей юной Нахиде. – На его лице промелькнула тень. – Бану Манижа говорила в подобном духе. Это сильно ей навредило.

Низрин сузила глаза.

– У нее были причины, чтобы так говорить, и тебе это известно.

В дверь постучали. Низрин сразу смолкла. Находясь в Дэвабаде, всегда, и даже в Великом храме, нужно было проявлять осторожность в высказываниях о Кахтани.

Но сейчас в дверь просунул голову отнюдь не шпион.

– Бану Нахида. – Джамшид сложил пальцы домиком в знаке почтения. – Не хотел прерывать, но из дворца прислали за тобой паланкин.

Нари рассердилась.

– Ну конечно. Упаси Создатель, чтобы я провела в собственном храме хоть минуту сверх дозволенного времени. – Она встала и поглядела на Низрин. – Ты идешь?

Низрин отрицательно покачала головой.

– У меня здесь остались кое-какие дела. – Она пригвоздила Нарю строгим взглядом. – И, пожалуйста, ради всего святого, постарайся воздержаться от экскурсий по городу.

Нари закатила глаза:

– Держу пари, даже родная мать не висела бы у меня над душой так, как ты.

Она прошла мимо Низрин, и та вдруг взяла ее за руку – жест, строго запрещенный правилами храма. Ее взгляд был полон теплоты.

– Но ее здесь *нет*, дитя, поэтому оберегать тебя – наша обязанность.

Искреннее беспокойство на лице женщины отчасти умирало гнев Нарю. Сколько бы они ни спорили, Низрин оставалась единственной мало-мальски родной для Нарю душой в Дэвабаде. Нарю не сомневалась, что наставница желает ей только самого лучшего.

– Ладно, – проворчала она и, сложив ладони, обратилась к Низрин и Картиру вместе: – Да будет гореть ваш огонь вечно.

– Взаимно, бану Нахида, – ответили ей.

– Экскурсия по городу? – спросил Джамшид, когда дверь за ними закрылась. – У тебя такой вид, словно только что получила нагоняй.

– Узнала еще одну темную страницу из истории Дэвабада. – Нарю надулась. – Хотела бы я хоть раз услышать рассказ о том, как наши предки наколдовали радугу, вышли на улицы, дружно пустились в пляс, и больше ничего не произошло.

– Легче держать обиду, когда помнишь только плохое.

Нари поморщилась:

– Да, наверное, ты прав.

Она отбросила мысли о больнице и повернулась к нему лицом. Тусклый свет коридора особенно сильно выхватывал тени у него под глазами и обрисовывал острые углы носа и заострившихся скул. Пять лет прошло с того дня, когда Дара чуть его не убил, а Джамшид так и не выздоровел до конца. Однако все это время шел на поправку – тягостно-медленным темпом, который у всех вызывал только недоумение. От плечистого лучника, которого Нарю впервые увидела, когда он, верхом на несущемся в атаку слоне, ловко метал стрелы из лука, осталась лишь бледная тень.

– Как ты себя чувствуешь?

– Как будто ты ежедневно задаешь мне один и тот же вопрос, хотя ответ всегда один и тот же.

– Я – бану Нахида, – сказала она, когда они вышли в главный молельный зал храма. Это было огромное помещение, предназначенное вмещать тысячи Дэвов. Высокий потолок держался на нескольких рядах разрисованных колонн, а вдоль стен протянулась череда алтарей, посвященных самым почитаемым фигурам за многовековую историю их племени. – Это мой долг.

– Я в порядке, – заверил он, останавливаясь, чтобы рассмотреть посетителей храма. – Здесь сегодня толпа.

Нарю проследила за его взглядом. Действительно, в храме яблоку негде было упасть. И, похоже, многие пришли сюда издалека: отшельники в поношенных хламидах и целые семьи паломников с круглыми глазами делили место с дэвабадскими буржуа.

– Твой отец не преувеличивал, когда говорил, что народ начнет съезжаться за месяцы до Навасатема.

Джамшид кивнул.

– Это самый важный из наших праздников. Наступает новый век свободы от оков Сулеймана... Целый месяц мы чествуем жизнь и славим предков.

– Это повод тратить деньги и много пить.

– Это повод тратить деньги и много пить, – согласился Джамшид. – Но тебя ждет настоящая феерия. Состязания и гуляния на любой вкус, на прилавках – только самое новое и интересное со всех концов света. Парады, фейерверки...

Нари застонала.

– Работы в лазарете будет невпроворот.

Джинны подходили к увеселениям со всей серьезностью, а к опасностям перебраться – без должной серьезности.

– Думаешь, твой отец вернется к этому времени?

Не так давно Каве отбыл в Зариаспу, где находилось родовое имение э-Прамухов, пролепетав что-то о производственном конфликте между фермерами и кошмарном нашествии прожорливых лягушек, которые положили глаз на посеы серебристой мяты.

– Непременно, – ответил Джамшид. – Вернется помогать королю с последними приготовлениями к торжеству.

Они пошли дальше, мимо огромной огненной купели. Купель была такой красоты, что Нары всегда задерживалась ненадолго, чтобы полюбоваться – даже когда ей не нужно было проводить церемонии. Великолепные купели, свой главный символ веры, Дэвы пронесли сквозь века. Каждая представляла собой чашу с очищенной водой, в центре которой возвышалось некое подобие жаровни. В ней горел огонь кедрового дерева, гасившийся лишь после смерти хозяина. Каждое утро, на заре, жаровню тщательно очищали от пепла, тем самым знаменуя возвращение солнца, и зажигали стеклянные масляные лампы на поверхности воды, чтобы вода в чаше постоянно кипела на слабом огне.

За благословением к жрецу выстроилась длинная очередь. Взгляд Нары упал на маленькую девочку в желтом войлочном платице, вертевшуюся вокруг своего отца. Нары подмигнула ей, девочка заулыбалась и стала тянуть отца за руку, показывая пальцем на Нары.

Шедший рядом Джамшид оступился. Он споткнулся, зашипев от боли, но только отмахнулся, когда Нары потянулась, чтобы взять его под руку.

– Я сам, – сказал он решительно и постучал тростью. – Я рассчитываю разделаться с этим к Навасатему.

– Хороший план, – похвалила Нары, хотя упрямое выражение, застывшее на его лице, внушало тревогу. – Но постарайся не переутомляться. Организму нужно время для полного выздоровления.

Джамшид поморщился.

– Оказывается, проклятия существенно осложняют жизнь.

Нары остановилась на месте и развернулась к нему лицом.

– Ты не проклят.

– У тебя есть другое объяснение, почему мой организм так плохо реагирует на лечение Нахиды?

Нет. Нары закусила губу. Она многому научилась за годы, но неспособность вылечить Джамшида серьезно подтачивала ее уверенность в своих силах.

– Джамшид... Я все еще новичок в этом деле, а Низрин – не то же самое, что Нахида. Скорее всего, есть какая-то другая магическая или медицинская причина тому, что твое выздоровление так затянулось. Вيني *меня*, – добавила она, – не себя.

– Ни за что на свете. – Они поравнялись с алтарями, украшавшими стену храма. – Но раз уж зашел разговор... Я хотел бы еще раз попытаться, и поскорее, если можно.

– Ты уверен? В прошлый раз... – Нарид помедлила, не зная, как тактичнее напомнить ему, что в прошлый раз, когда она пыталась его исцелить, он не продержался и пяти минут, после чего взвыл в агонии и принялся расцарапывать себе кожу.

– Знаю, – ответил он, не глядя на нее, словно пытаюсь не дать надежде и отчаянию отразиться у него в лице. По мнению Нарид, в отличие от многих дэвабадцев, Джамшид никогда не умел врать. – Но я хочу попробовать. – Его голос сник. – Отец эмира вынуждает его назначить нового начальника личной охраны.

– Ох, Джамшид, это всего лишь должность, – ответила Нарид. – Ты должен знать, что вне зависимости от этого ты навсегда останешься ближайшим доверенным лицом Мунтадира. Он никогда не устает тебя нахваливать.

Джамшид упрямо замотал головой.

– Я должен его защищать.

– Ты чуть не погиб, защищая его.

Именно в этот неудачный момент они вышли к алтарю, посвященному Даре. Это был один из самых популярных алтарей в храме: латунную статую, запечатлевшую воинственного Дэва верхом на коне, выпрямившимся в полный рост на стременах, чтобы прицелиться в своих преследователей, увешали венками из роз, а пол вокруг статуи завалили подношениями. Проносить оружие в храм запрещалось, поэтому к алтарю возлагали глиняные поделки в виде традиционного воинского снаряжения – в основном стрел.

На стене позади статуи висел большой серебряный лук. Нарид увидела его, и к горлу подкатил ком. Она провела немало времени, глядя на этот лук, но впервые оказалась здесь в компании мужчины – друга, – у которого, как она прекрасно понимала, были все основания ненавидеть Афшина, которому он принадлежал.

Но Джамшид не обращал внимания на лук. Он присматривался к подножию статуи.

– Это... *крокодил*? – спросил он, показывая на маленький обгоревший скелет.

Нарид поджала губы.

– Похоже на то. Ализейд-победитель-Афшина, – произнесла она вполголоса, презирая каждый звук этого «титула».

Джамшид смотрел на скелет с отвращением.

– Возмутительно. Я отнюдь не поклонник Ализейда, но те, кто зовет Аяанле крокодилами, ничем не отличаются от тех, кто зовет нас – огнепоклонниками.

– Не у всех такие широкие взгляды, как у тебя, – ответила она. – Я уже видела здесь такие скелеты. Некоторые верят, что Даре понравилось бы видеть, как перед ним сжигают его убийцу.

– Возможно, ему бы и понравилось, – мрачно отозвался Джамшид. Он взглянул на нее и смягчился. – И часто ты сюда приходишь?

Нарид помедлила с ответом. Разговоры о Даре все еще задевали ее за живое, даже пять лет спустя после его смерти. Чем больше она пыталась распутать терновый клубок собственных эмоций, тем сильнее запутывалась в них. Ее воспоминания о прекрасном угрюмом воине, который успел стать ей дорог за время их путешествия в Дэвабад, омрачались пониманием того, что он был преступником и на нем лежала вина за гибель невинных жителей Кви-Цзы. Дара покорила ее сердце, и он же разбил его на мелкие кусочки. Вознамерившись спасти Нарид во что бы то ни стало, он пренебрег ее собственными желаниями и был готов даже ввергнуть их мир в пучину войны.

– Нет, – ответила она наконец, не позволяя голосу задрожать. В отличие от Джамшида, Нарид превосходно владела умением скрывать свои чувства. – Стараюсь не приходить. Здесь поклоняются не тому Даре, которого я помню.

Джамшид оторвал взгляд от алтаря и посмотрел на нее:

– В каком смысле?

Нари разглядывала изваяние всадника, запечатленного в момент атаки.

– Для меня он не был легендарным Афшином. Сначала все было не так. Кви-Цзы, война, его восстание... Он мне ни о чем не рассказывал.

Она сделала паузу. В этом храме между ними с Дарой произошел тот самый разговор, который почти стал разговором о возникшем между ними чувстве, и та ссора, что развела их по разным углам, а Нарю впервые начала осознавать, как много отняла у Дары война и как сильно надломила его потеря.

– Думаю, он не хотел, чтобы я знала. Под конец... – Ее голос стал вкрадчивым. – Думаю, ему не нравилось то, кем он стал. – Она покраснела. – Прости. Зря я тебя обременяю разговорами о Даре.

– Можешь обременять меня сколько угодно, – пообещал Джамшид негромко. – Тяжело видеть, как этот город убивает тех, кого мы любим, – вздохнул он и отвернулся, опираясь на трость. – Нам пора возвращаться.

Погрузившись в свои мысли, Нарю молчала, когда они покинули храм и через ухоженный сад вышли к ожидающему их паланкину. Сверкнув на прощание, солнце упало за дальние горы, растворяясь в зеленом горизонте, и из глубины храма послышался бой барабана. По всему городу начали раздаваться призывы к молитве, которые подхватывали другие джинны и волнами передавали дальше. Прощание с заходящим солнцем пусть ненадолго, но объединяло джиннов всех верований.

В паланкине она расслабленно откинулась на подушки. От покачивающегося движения паланкина, везущего их через сектор Дэвов, ее начало клонить в сон.

– Устала? – спросил Джамшид, когда она зевнула.

– Как всегда. Вчера задержалась допоздна с пациенткой. Ткачиха из Агниванши, надышалась газом, который использует для работы ковров-самолетов. – Нарю потеряла виски. – На этой работе не соскучишься.

Приободрившись, Джамшид покачал головой.

– Могу побыть на подхвате, когда вернемся.

– Я буду очень тебе благодарна. И попрошу повара организовать нам ужин.

Он застонал.

– Только не эта непонятная человеческая пища.

– А мне нравится непонятная человеческая пища, – оправдывалась Нарю. Одним из поваров на дворцовой кухне служил старик из Египта – шафит, наловчившийся вовремя готовить для нее утешающие сердце блюда с ее бывшей родины. – И вообще...

С улицы раздался оглушительный женский крик:

– Отпустите его! Умоляю, *заклинаю* вас! Мы ни в чем не виноваты!

Нарю подскочила. Паланкин резко остановился. Она отдернула парчовую занавеску на окне. Они еще не выехали из сектора Дэвов и сейчас проезжали по тихой улице, на которой располагались древнейшие и богатейшие дома города. Перед самым большим из них была свалена куча мебели, и дюжина солдат Королевской гвардии проводила обыск. Двоих взрослых Дэвов и одного мальчишку, которому не могло быть еще и двадцати, связанных и с кляпами во рту, поставили на колени посреди улицы.

Женщина в возрасте молила гвардейцев:

– Прошу вас, мой сын еще ребенок, он не был замешан!

Еще один гвардеец вышел из дверей, которые были выломаны и теперь болтались на петлях. С довольным видом он выкрикнул что-то по-гезирийски и швырнул на каменную мостовую резной деревянный сундук с такой силой, что тот разлетелся в щепки. На мокрую землю, сверкая всеми цветами, посыпались монеты и неограниченные драгоценные камни.

Недолго думая, Нарю соскочила с паланкина.

– Что здесь происходит, скажите на милость? – воскликнула она голосом, не терпящим пререканий.

– Бану Нахида! – В глазах женщины проблеснула надежда. – Моего мужа и его брата обвиняют в государственной измене и хотят забрать моего сына! – Она сдавленно всхлипнула, переходя на дивастийский. – Но это неправда! Они только лишь провели собрание, на котором обсуждали новый земельный налог для Дэвов. Об этом узнал король и теперь наказывает их за то, что они высказали все как есть!

Нари так разозлилась, что ее бросило в жар.

– Где постановление? – требовательно спросила она, поворачиваясь к гвардейцам. – Сомневаюсь, что хозяева дали свое согласие на этот погром.

Но ее командный тон не произвел впечатления на гвардейцев.

– Новые правила, – отрезал один. – Теперь гвардии причитается пятая часть всего конфискованного у неверующих – вас, то есть Дэвов, – имущества. – Его лицо приобрело грозное выражение. – А то интересно получается, все в городе страдают, а огнепоклонники – нет, значит.

Дэва упала Нарю в ноги.

– Прошу вас, бану Нахида! Я готова отдать им любые деньги и драгоценности, все, что попросят, только не позволяйте им забрать и мою семью! Если их бросят в темницу, я больше никогда их не увижу!

К ним подошел Джамшид.

– Ваших родных никуда не заберут, – пообещал он. Повернувшись к солдатам, он строго распорядился: – Отправьте гонца за эмиром. И до его приезда – чтобы ни один волос не упал с головы этих Дэвов.

Гвардейский командир хмыкнул.

– Приказы я получаю непосредственно от короля. А не от эмира, и уж тем более не от какого-то недоделанного Афшина, – его голос окрасился жестокостью, когда он кивнул на трость Джамшида. – Твое новое оружие не внушает того же трепета, что прежде, Прамух.

Джамшид отпрянул, точно получил пощечину, а Нарю сделала шаг вперед, возмущенная хамством гвардейца.

– Да как ты смеешь говорить с ним таким тоном? Он сын старшего визиря!

В следующую секунду солдат уже обнажил зульфикар.

– Его отца здесь нет, как и твоего проклятого Бича. – Он смерил Нарю ледяным взглядом. – Не испытывай мое терпение, Нахида. Я выполняю королевский приказ, и уж поверь на слово, я не стану долго церемониться с огнепоклонницей, натравившей своего Афшина на моих собратьев. – Он поднял зульфикар выше, остановившись в опасной близости от горла Джамшида. – Так что, если не хочешь, чтобы я прямо здесь начал *казнить* Дэвов, советую тебе возвращаться обратно в свой паланкин.

Нарю застыла. Эта угроза и откровенная враждебность со стороны гвардейцев могли значить только одно. Гасан железной рукой правил Дэвабадом, и если его солдаты не боялись угрожать двум самым высокопоставленным Дэвам в городе, значит, были уверены в том, что не понесут за это наказания.

Джамшид отступил первым и взял Нарю за руку. Его ладонь была ледяной на ощупь.

– Пойдем, – тихо проговорил он по-дивастийски. – Чем быстрее уйдем, тем скорее я доложу обо всем Мунтадиру.

В расстроенных чувствах, Нарю едва могла смотреть женщине в глаза. Несмотря на боль, которую причиняли ей воспоминания о воинственном Даре, в эту минуту она как никогда желала, чтобы он оказался рядом, оживил статуи шеду и наставил оружие на тех, кто посмел обидеть их соплеменников.

– Простите, – прошептала она, проклиная себя за бессилие в сложившейся ситуации. –
Обещаю вам, мы поговорим с эмиром.

Из глаз женщины лились слезы.

– К чему? – спросила она с болью и отчаянием в голосе.

Ее следующие слова поразили Нарю в самое сердце.

– Как вы можете защитить нас, если не способны даже защитить себя?

4

Дара

В бездонной тишине зимней ночи Дара пробирался по черному лесу.

Совершенно беззвучно, крадучись, он двигался вперед бок о бок с пятью молодыми Дэвами, которые вторили каждому его шагу. Они обмотали сапоги тряпками, чтобы приглушить звук шагов, и вымазали шерстяные кафтаны в пепле и грязи, подражая рисунку голых деревьев и каменистой почве. Были и магические, более действенные методы маскировки, но сегодня они не просто выполняли очередную миссию – это была проверка боем, и Дара хотел бросить вызов своим юным рекрутам.

У следующего дерева он остановился и рукой подал знак своим подчиненным последовать его примеру. Он прищурился и внимательно изучил мишени. Его дыхание паром собиралось под платком, закрывавшим нижнюю часть его лица.

Слухи оказались правдивы: два гезирских скаута из Королевской гвардии. Молва о них стремительно разлетелась по разоренной территории северного Дэвастана. Якобы они прибыли для надзора за пограничными землями. Осведомители доложили Даре, что такие визиты были в порядке вещей: дежурная проверка примерно раз в полвека, чтобы вытрясти из жителей долги по налогам и напомнить о всевидящем оке короля Гасана. Но момент казался Даре подозрительным, и поэтому он вздохнул спокойнее, когда бану Манижа велела ему привести скаутов к ней.

– Не проще ли будет убить их? – было единственным его возражением. Вопреки расхожему мнению, убийства не приносили Даре удовольствия. Но еще меньше удовольствия приносила мысль, что Гезири узнают об их с Манижей существовании. – Земли здесь полны опасностей. Я могу обставить все так, как будто их растерзали дикие звери.

Манижа отрицательно покачала головой.

– Они нужны мне живыми. – Она приняла строгий вид – похоже, за последние несколько лет бану Нахида успела чересчур хорошо его изучить. – *Живыми*, Дараявахаш. Это не обсуждается.

Что и привело их сюда. Две недели у них ушло на то, чтобы разыскать скаутов, и еще два дня – чтобы незаметно пустить их по ложному следу. Его подчиненные передвигали межевые камни, выкладывая их дугой, чтобы сбить Гезири с проторенного курса на деревню Сагдам и увести в самые дебри непроходимых лесов, опоясывающих здешние горы.

На скаутов было жалко смотреть: закутавшись в меха и войлочные одеяла, они жались друг к другу, уютясь под навесом наспех возведенного шалаша. Слабый костер постепенно угасал под напором густого снегопада. Старший скаут курил трубку, и в воздухе разливался приторно-сладкий запах дымящегося ката.

Но Дару интересовали не трубки и не ханджары, заткнутые у них за поясами. Он стал шарить по лагерю взглядом. Наконец он нашел то, что искал: зульфикары покоились на каменном возвышении аккурат за спинами скаутов. Кожаные ножны мечей были обернуты слоем войлока, чтобы защитить лезвия от снега, но Даре удалось заметить выглядывающую из-под ткани рукоятку.

Он мысленно выругался. Мастера владения зульфикарами ценились на вес золота, и Дара тешил себя надеждой, что король не отправит опытных фехтовальщиков на миссию, которая, по всем расчетам, не должна была быть ничем примечательной. Зульфикары, изобретенные во времена войны с Советом Нахид (или, как утверждают поклонники более возвышенной версии, украденные у ангелов, охранявших Райские Врата), на первый взгляд могли показаться

обыкновенными скимитарами – да, лезвие из красной меди, раздвоенное на конце, выглядело непривычно, но в остальном внешне они мало чем отличались.

Но воины Гезири – и только Гезири – были обучены извлекать ядовитое пламя из смертоносного лезвия зультфикара. Малейшее соприкосновение с кожей означало верную смерть. Раны, нанесенные зультфикаром, не исцелялись даже прикосновением Нахид. Это оружие изменило ход войны и положило конец правлению благословенного Совета Нахид, погубив в процессе несметное число Дэвов.

Дара бросил взгляд на рекрута, стоявшего ближе к нему. Мардоний был самым молодым из них и входил в так называемую Бригаду Дэвов – немногочисленный коллектив воинов-Дэвов, некогда допущенных к службе в Королевской гвардии. После смерти Дары на корабле они были изгнаны из города. Командиры, которых Дэвы считали своими товарищами, вышвырнули их из казармы и оставили с пустыми руками посреди Большого базара. Там на них и напала толпа шафитов. Дэвы были безоружны, сильно уступали шафитам в числе, поэтому их жестоко избили, а некоторых даже убили. На лице и руках у Мардония до сих пор остались шрамы от «огня Руми», как вечная память о том побоище.

Дара подавил подступающий приступ тревоги. Он уже объяснил своим подопечным, что брать Гезири в плен им придется без его помощи. Что это редкая для них возможность применить освоенные навыки на практике. Однако выступать против зультфикара – совсем не то же самое, что против обычного солдата.

И все же... Им нужно на чем-то учиться. Рано или поздно, да поможет Создатель, им придется иметь дело и с зультфикарами. Они сойдутся в битве с самыми удалыми воинами Дэвабада, и должны одержать в этой битве решительную победу.

От одной мысли волна раскаленной лавы хлынула к его рукам. Дрожа всем телом, Дара сдержал прилив этой новой, необузданной силы, которую так до сих пор и не подчинил себе полностью. Огонь бурлил у него под кожей, так и норовя вырваться на волю. Когда он поддавался эмоциям, совладать с собой становилось особенно сложно... А от страха, что молодых Дэвов, которых он взял под свое крыло несколько лет назад, изрубят на куски какие-то пескоплавцы, легко было им поддаться.

Ты всю жизнь занимался боевой подготовкой воинов. Ты знаешь, что это им необходимо. Дара отбросил сомнения прочь.

Он протяжно ухнул, подражая крику совы. Один джинн бросил взгляд в их сторону, но быстро отвернулся. Рекруты рассредоточились, то и дело оглядываясь на него горящими темными глазами. Дара проследил, как лучники заправили стрелы в луки.

Он цокнул языком, отдавая свой финальный приказ.

Наконечники стрел, облитые дегтем, вспыхнули заколдованным пламенем. У джиннов оставалось меньше секунды на то, чтобы заметить их, пока они не ударили по шалашу. В мгновение ока тот уже был охвачен огнем. Первый Гезири – более крепкий мужчина, уже в возрасте и с посеребренной сединой бородой – потянулся за зультфикарами.

Мардоний уже был тут как тут. Он отбросил меч ударом ноги и бросился на скаута. Вцепившись друг в друга, они покатались по снегу.

– Абу Саиф!

Молодой скаут бросился к своему напарнику – неосмотрительный поступок, заставивший его повернуться спиной к врагу в тот момент, когда из леса вышли остальные воины Дары. Они набросили ему на голову тяжелую сеть, притянули к себе и опутали ему руки. В два счета ханджар вырвали у него из рук, а на запястья надели железные кандалы, заглушающие магические способности пленного.

Мардоний все еще боролся с Гезири, Абу Саифом. Тот наотмашь ударил его по лицу и ринулся к своему зультфикару. По лезвию меча запылало пламя. Гезири развернулся вокруг своей оси и встал лицом к лицу с Мардонием.

Дара не успел опомниться, как схватил лук, висевший у него на плече, и натянул тетиву. «Пусть сражается сам!» – скомандовал в нем Афшин. Он так и слышал голоса отца, дяди, свой собственный голос, твердящий эти слова. В пылу сражения нет времени на сострадание.

Но, видит Создатель, он не вынесет смерти еще одного Дэва у него на глазах. Дара прицелился – указательный палец на подрагивающем оперении, тетива едва заметно щекочет ему щеку.

Мардоний с криком бросился на Гезири, обхватил за колени и повалил в снег. Ему на помощь подоспел второй лучник и с размаху ударил своим луком, как дубинкой, скаута по руке. Гезири выронил зультфикар, и пламя потухло еще до того, как меч коснулся земли. Лучник ударил джинна по лицу, и тот упал наземь.

Все окончилось.

Скаутов связали, пока Дара утаптывал костер. Один из джиннов все еще был без сознания, и Дара быстро прощупал ему пульс.

– Жив, – подтвердил он, про себя испытав облегчение. Он кивнул в сторону небольшого лагеря. – Проверьте их вещи. Сожгите все документы, какие найдете.

Второй джинн, вне себя от негодования, пытался разорвать свои оковы.

– Не знаю, что вы себе позволяете, огнепоклонники, но мы – члены Королевской гвардии. Это государственная измена! Когда до сведения начальника гарнизона доведут, что вы помешали нашей миссии, вас прикажут казнить!

Мардоний пнул большой мешок – что-то звякнуло.

– Полагаю, это – деньги, украденные у нашего народа.

– Подати, – рявкнул Гезири. – Вы здесь, конечно, народ дикий, но должны же хотя бы в общих чертах представлять, как работает государство.

Мардоний нахмурился.

– Наш народ правил империями, когда твой – рылся в поисках объедков на человеческих помойках, пескоплав.

– Довольно. – Дара посмотрел на Мардония. – Оставьте деньги на месте. Оставьте все, кроме оружия, и отступайте. Уведите их шагов на двадцать отсюда, не меньше.

Упирающегося Гезири, который все еще надеялся высвободиться, поставили на ноги. Дара начал разматывать свой платок, не желая опалить его во время перехода. На миг платок зацепился за кольцо, снять которое у него до сих пор не хватало смелости.

– Вас всех за это повесят! – твердил джинн. – Вы, грязные кровосмесители, огнепоклонники, вы...

Глаза Мардония вспыхнули, но Дара остановил его, выставив вперед руку. Он слишком хорошо понимал, как быстро накаляются нервы, когда Дэвы и Гезири сталкиваются лбами. Он схватил Гезири за горло.

– До нашего лагеря – дорога долгая, – сказал он прямо. – Если ты не готов вести себя *порядочно*, я лишу тебя способности говорить вообще.

Взгляд джинна скользнул по лицу Дары, теперь уже не прикрытому платком, и остановился на его левой щеке. Этого оказалось достаточно, чтобы джинн побелел как полотно.

– Нет, – прошептал он. – Ты умер. Ты умер!

– Я умер, – согласился Дара хладнокровно. – Но это в прошлом, – добавил он, не скрыв горькой досады в голосе. Разозлившись, он оттолкнул Гезири, возвращая его своим рекрутам.

– Сейчас на ваш лагерь нападет птица Рух. Советую отойти подальше.

Джинн охнул и посмотрел в небо.

– Кто нападет?

Дара повернулся к ним спиной. Он дождался, пока не стихнут звуки их шагов. Это было нужно не только для их безопасности.

Дара не хотел, чтобы кто-то видел его во время перехода. Он снял кафтан, отложил его в сторону. Жар исходил от его татуированных рук полупрозрачными волнами, и снег таял в воздухе вокруг него прежде, чем снежинки успевали коснуться его кожи. Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох и приготовился. Он ненавидел то, что случилось дальше.

Из-под кожи вырвался огонь, раскаленный свет разлился по конечностям, заменяя собой его обычный бронзовый тон. Дара затрясся всем телом, пока сведенные судорогой ноги не подкосило и он не упал на колени. Потребовалось два года, чтобы научиться совершать переходы от своего естественного облика, типичного мужчины из племени Дэвов, разве что с глазами цвета изумрудов, к облику истинного дэва, как его упрямо называла Манижа. К облику, которым обладали их народы до вмешательства Сулеймана. К облику, которым до сих пор обладали ифриты.

Зрение обострилось, рот наполнился вкусом крови, когда зубы вытянулись и превратились в клыки. Он всегда забывал подготовиться к этому моменту.

Пальцы с длинными когтями впились в обледеневшую землю, пока он заново свикался со своей необузданной, пульсирующей силой. Только в этом обличье он ощущал полное умиротворение, только становясь тем, что презирал. На выдохе у него изо рта вырвались последние горящие угольки, и только тогда он выпрямился во весь рост.

Он поднял руки. От них клубами повалил дым. Он полоснул когтями по запястью, и мерцающе-золотая кровь закапала вниз, смешиваясь и меняясь в размерах и формах вместе с дымом, из которого Дара прямо в воздухе лепил то, что ему было нужно: крылья и когти, сверкающие глаза и клюв. Магия отнимала столько сил, что он едва дышал.

– Аджанадивак, – шепнул он.

Заклинание до сих пор казалось чужеродным на слух. Оно произносилось на первородном языке Дэвов, забытом всеми, кроме некоторых ифритов. Ифриты были «союзниками» Манижи и потому были вынуждены обучить недовольного Афшина древней магии Дэвов, которую отобрал у них Сулейман.

Птица Рух запыхала огнем и испустила вопль. Она взмыла высоко в воздух, повинувшись команде Дары, и за считанные минуты разгромила лагерь в пух и прах. Дара управлял птицей так, чтобы она пролетела сквозь кроны деревьев и исцарапала когтями стволы. Если сюда забредут несчастные гвардейцы, отправленные на поиски пропавших товарищей (хотя Дара сильно сомневался, что они пройдут так далеко в лес), все будет указывать на то, что скаутов съела птица, а мешок золота остался нетронут.

Он освободил Рух, и на землю просыпался дождь тлеющих угольков, когда мерцающий силуэт птицы растворился в воздухе. В последний раз выплеснув магию, Дара принял свой привычный облик, проглотив возглас боли. Каждый раз давался ему мучительно – как будто он засовывал свое тело в тесную клетку, увитую колючей проволокой.

Через несколько секунд рядом возник Мардоний. На него всегда можно было положиться.

– Твой кафтан, Афшин, – сказал он, протягивая ему одежду.

Дара взял кафтан с благодарностью.

– Спасибо, – процедил он сквозь стучащие зубы.

Юноша помедлил.

– Ты в порядке? Если нужна помощь...

– Не нужно, – заверил его Дара.

Это была ложь. Он уже начинал чувствовать черную воронку в желудке – побочный эффект от возвращения в смертное тело, когда в венах еще не перестала кипеть новая магия. Но он отказывался давать слабину перед своими подчиненными – не мог допустить, чтобы это дошло до Манижи. Если бану Нахида захочет, Дара навсегда останется в ненавистном ему облике.

– Ступайте. Я догоню.

Он проводил их взглядом, пока они не скрылись из виду. Тогда он снова упал на колени, и его вырвало, пока руки и ноги продолжали трястись, а вокруг тихо падал снег.

От одного вида их лагеря у Дары каждый раз словно гора падала с плеч. Родной дым от костров сулил горячую пищу, а серые войлочные шатры, сливающиеся с горизонтом, – мягкую постель. Такая роскошь дорого ценилась воинами, прошедшими последние три дня из последних сил сдерживаясь, чтобы не вырвать язык одному джинну, без конца действующему им на нервы. Здесь и там сновали Дэвы, занятые кто приготовлением ужина, кто – боевой подготовкой, кто – уборкой, а кто – ковкой оружия. Их тут было порядка восьмидесяти, потерянных душ, встреченных Манижей за годы ее странствий: редкие жертвы, уцелевшие после нападения заххака, и нежеланные дети; изгнанники, которых она спасла от верной смерти, и выжившие члены Бригады Дэвов. Все они присягнули ей в верности, произнеся клятву, при попытке нарушить которую у них отсохнут языки и руки.

Около сорока из них под руководством Дары стали настоящими воинами, не исключая и нескольких женщин. Поначалу Дара воспротивился, находя мысль о женщине-воине неортодоксальной и неприличной. Но бану Манижа ему прямо заявила, что если он готов сражаться за женщину, то с тем же успехом сможет сражаться и бок о бок с женщиной. Даре пришлось признать ее правоту. Одна такая воительница, Иртемида, оказалась самой талантливой лучницей в их войске.

Но хорошее настроение улетучилось, когда в поле его зрения попал корраль. В загоне стояла новая лошадь, золотистая кобылица, а через изгородь было переброшено ее искусно тисненное седло.

У него упало сердце. Он узнал эту лошадь.

Каве э-Прамух прибыл раньше времени.

Его внимание отвлек возглас из-за спины.

– Это и есть ваш лагерь?

Говорил Абу Саиф, мечник, едва не убивший Мардония, который, как ни парадоксально, на пути сюда действовал на нервы в разы меньше своего младшего товарища. Вопрос он задал на чистейшем дивастийском. Даре он объяснил, что уже много десятилетий женат на Дэве. Он обвел серыми глазами аккуратный ряд шатров и повозок.

– Вы переезжаете, – заметил он. – Ну конечно. Так намного легче скрываться.

Дара посмотрел ему прямо в глаза.

– Советую держать свои наблюдения при себе.

Абу Саиф помрачнел.

– Что вы с нами сделаете?

Я не знаю. Более того, сейчас Дара не мог об этом думать, ведь от одного вида лошади Каве он так разнервничался, что его чуть не мутило.

Он бросил взгляд на Мардония.

– Поместите джиннов под стражу. Но принесите им воды, умыться, и горячей пищи. – Он остановился и посмотрел на свою усталую дружину. – И сами поешьте. Вы заслужили хороший отдых.

Дара повернулся к главному шатру. Его обуревали эмоции. Что сказать отцу джинна, которого ты едва не убил? Пусть даже Дара и сделал это бессознательно. Он ничего не помнил о сражении на корабле. Промежуток между странным желанием Нари и моментом, когда Ализейд свалился в озеро той злосчастной ночью, заволокло пеленой тумана. Зато он прекрасно помнил, что увидел после этого: тело добрейшего юноши, которого он, Дара, взял под опеку, распластанное по палубе, унизанное его стрелами.

Дрожа от волнения, Дара покашлял, остановившись снаружи шатра, оповещая тех, кто находился внутри, о своем присутствии, прежде чем подать голос.

– Бану Нахида?

– Входи, Дара.

Пригнув голову, он вошел внутрь и тут же закашлялся по-настоящему, с порога вдохнув облако едкого лилового дыма – очередной эксперимент Манижи. Ее опыты целиком занимали поверхность огромного стола в виде плиты, без которого она отказывалась переезжать, хотя ее оборудование и без того занимало отдельную повозку.

Он и сейчас застал ее за этим столом. Она сидела на подушке перед парящей в воздухе стеклянной колбой, держа в руках пару длинных щипцов. В колбе бурлила жидкость бледно-лилового оттенка, производя лиловый дым.

– Афшин, – сказала она приветливо, опуская маленький вертлявый предмет цвета серебра в кипящую жидкость. Послышался металлический писк, после чего она отошла от стола и сняла с лица защитную повязку. – Миссия увенчалась успехом?

– Гезирских скаутов как раз сейчас сажают под стражу, – ответил он, испытывая облегчение от того, что Каве нигде не было видно.

Манижа выгнула бровь дугой.

– Оба живы?

Дара нахмурился.

– Как и было приказано.

На ее губах заиграла легкая улыбка.

– Я очень благодарна тебе за это. Передай своим солдатам, пусть принесут мне реликт одного из них, и как можно скорее.

– Реликт?

Все джинны, не исключая и Дэвов, имели при себе реликты. Каплю крови, иногда – молочный зуб или прядь волос покрывали металлом, нередко закладывая в реликт и небольшие фрагменты из священных текстов, и носили не снимая. Они играли роль оберегов: если джинн окажется рабом у ифрита, реликт можно было использовать, чтобы вернуть его душу в заново созданное тело.

– Зачем тебе понадобились их...

Он умолк, не успев договорить до конца. Из внутренних покоев шатра к ним вышел Каве э-Прамух.

Дара едва сдержался, чтобы не разинуть рот от удивления. Он даже не знал, что смутило его больше: то, что Каве вышел из частной опочивальни самой Манижи, или то, что старший визирь выглядел ужасно. Будто он постарел не на пять лет, а на все пятнадцать. Морщины избороздили его лицо, а волосы и усы поседели практически полностью. Он исхудал, и темные мешки у него под глазами выдавали в нем того, кто слишком много повидал и слишком мало спал.

Но, сохрани его Создатель, эти усталые глаза сразу остановились на нем. И в этот момент переполнились гневом и разочарованием, которые наверняка копились в нем с той самой ночи на борту.

Манижа перехватила визиря за запястье.

– Каве, – мягко сказала она.

Заученные извинения вмиг были позабыты. Дара пересек комнату и опустился перед ним на колени.

– Мне ужасно жаль, Каве, – неуклюже сорвалось с его губ. – Я не желал ему зла. Да я бы скорее вонзил тот кинжал в себя, чем...

– Шестьдесят четыре, – ледяным тоном оборвал его Каве.

– Что? – растерялся Дара.

– Шестьдесят четыре. Именно столько Дэвов было убито в первые недели после твоей смерти. Одних безвинно пытали перед смертью, хотя они и не имели отношения к твоему побегу. Другие погибли, выражая недовольство безнаказанностью твоей смерти от руки принца Ализейда. Остальные пострадали потому, что Гасан дал шафитам добро третировать нас, намекая таким образом снова взять племя Дэвов в узду. – Каве поджал губы. – Если ты решил сорить никому не нужными словами сожаления, не забывай хотя бы о масштабе собственной вины. Мой сын выжил. Другие – нет.

Дара вспыхнул. Неужели Каве не понимал, что тот до глубины души раскаивался в своих действиях и сожалел о том, к чему они привели? Или что Дара мог забыть о собственных ошибках, ежедневно наблюдая перед собой последних уцелевших воинов из Бригады Дэвов, чьи судьбы были так искалечены?

Он заскрежетал зубами.

– По-твоему, мне нужно было молча наблюдать со стороны за тем, как бану Нарю выдают замуж за этого развратного пескоплава?

– Да, – заявил Каве. – Именно так и нужно было поступить. Нужно было, черт подери, наступить гордости на горло и занять должность в Зариаспе. Руководил бы тихо-мирно военной подготовкой солдат в Дэвастане, пока бану Нарю втиралась бы в доверие к Кахтани. Гасан уже не молод. Ей не составило бы особого труда настроить Ализейда и Мунтадира друг против друга, когда престол отойдет к Мунтадиру. Нам оставалось бы только ждать, пока Гезири не вырежут друг друга, а там уже подсуетиться и свергнуть их с минимальным кровопролитием. – В его глазах сверкнули молнии. – Я рассказал тебе, что у нас есть союзники и поддержка за пределами Дэвабада, потому что *доверял* тебе. Потому что не хотел, чтобы ты наломал дров, когда мы еще не будем к этому готовы. – В его голосе зазвенело презрение. – Никогда бы не подумал, что неглупый вроде бы Дараявахашуш э-Афшин, мятежник, едва не одолевший самого Зейди аль-Кахтани, поставит под удар жизни всех нас только потому, что ему в голову взбрело сбежать!

Огонь у Манижи под склянкой полыхнул сильнее, и вместе с ним в Даре полыхнула ярость.

– *Я не сбежал!..*

– Довольно, – вмешалась Манижа, вперив в обоих испепеляющий взгляд. – Афшин, успокойся. Каве... – Она покачала головой. – Да, все обернулось страшной трагедией, но Дара действовал в интересах моей дочери. Он пытался спасти ее от участи, от которой я ограждала ее все эти годы. За это я не могу его винить. И ты, верно, плохо знаешь Гасана, если не понимаешь, что он дожидался любого повода, чтобы обрушить свой гнев на Дэвов, с того момента, как Нахида и Афшин появились в Дэвабаде. – Она наградила мужчин строгим взглядом. – Мы здесь не для того, чтобы грызть друг другу глотки. – Она указала на гору мягких подушек, разложенных вокруг огненной купели. – *Сядьте.*

Дара пристыженно повиновался, поднялся на ноги и направился к подушкам. Несколько мгновений спустя его примеру последовал и Каве, хотя сам все еще был мрачнее тучи.

Манижа встала между ними.

– Не наколдуюшь нам вина? – попросила она Дару. – Вам двоим не мешало бы выпить.

Дара подозревал, что Каве если и хотел сейчас вина, то лишь для того, чтобы плеснуть ему в лицо, но просьбу исполнил. По щелчку пальцев перед ними появились три латунных кубка, полные темно-янтарного финикового вина.

Он сделал глоток, пытаясь успокоиться. Едва ли Каве изменит свое мнение о нем в лучшую сторону, если сейчас вокруг них начнут взрываться фейерверки.

– Как он? – осторожно спросил Дара. – Джамшид. Если можно поинтересоваться.

Каве не сводил глаз с купели.

– Целый год он не просыпался. Еще год прошел, пока он смог сидеть и пользоваться руками. Сейчас он ходит, опираясь на трость, но... – Голос Каве надломился, а рука так сильно задрожала, что он едва не расплескал вино. – Он тяжело перенес травму. Служба была его призванием... Он хотел стать *как ты*.

Слова пришились как удар под дых. Дара потупил взгляд, полный раскаяния, краешком глаза успев заметить реакцию Манижи. Ее пальцы так крепко стиснули кубок, что побелели костяшки.

Она подала голос:

– С ним все будет хорошо, Каве. Обещаю тебе. Джамшид будет цел и невредим и получит *все*, чего прежде был лишен.

Эмоциональный надрыв в ее голосе удивил Дару. За те годы, что они были знакомы, Манижа ни разу не теряла хладнокровного спокойствия. Это всегда его успокаивало. Именно такая непоколебимая стойкость и отличает хорошего командира.

«*Они друзья*», – напомнил он себе. Ясное дело, почему она так трепетно относится к сыну Каве.

Решив, что продолжать разговор о Джамшиде может быть чревато, Дара сменил тему, попутно пытаясь усмирить магию, пульсирующую в его венах.

– Как дела у бану Нари? – фальшиво-отстраненно поинтересовался он.

– Справляется, – ответил Каве. – Гасан держит ее на коротком поводке. Как и всех нас. Она была повенчана с Мунтадиром менее чем через год после твоей смерти.

– Не сомневаюсь, что ее к этому принудили, – мрачно протянула Манижа. – Не зря я говорила, что Гасан и меня на протяжении десятилетий пытался склонить к браку. Он был заиклен на идее объединения наших родов.

– Однако он ее недооценивал. Она выдвинула ему столько условий во время брачных переговоров. – Каве отхлебнул вина. – На это было жутковато смотреть. Но, храни ее Создатель, в итоге ей удалось отписать часть приданого нашему храму. Все деньги пошли на благотворительность: на новую школу для девочек, сиротский приют, помощь семьям Дэвов, пострадавшим во время нападения на Большой базар...

– Это должно было расположить к ней наш народ. Разумный ход, – тихонько отметила Манижа и приняла суровый вид. – Но касательно другого аспекта их брака... Низрин приглядывает за ситуацией, ведь так?

Каве откашлялся.

– Детей у них не будет.

У Дары внутри все переворачивалось во время этого разговора, но осторожный ответ Каве вызвал в нем возмущение. Складывалось впечатление, что и в этом вопросе Нари была лишена какого-либо выбора.

Слова сорвались с его губ прежде, чем он успел их остановить.

– Мне кажется, нужно рассказать ей о наших планах. Твоей дочери, – выпалил он. – Она умна. Решительна. Она может помочь нам. – Дара прочистил горло. – Тем более что в прошлый раз она... не пришла в восторг от того, что от нее пытались скрыть правду.

Манижа замотала головой, даже не дослушав его.

– Неведение – залог ее безопасности. Ты хоть представляешь, что сделает с ней Гасан, если наш заговор будет раскрыт? Чем меньше ей известно, тем дольше ей ничего не будет грозить.

Каве ответил ей с меньшей уверенностью:

– Должен сказать, бану Нахида, что Низрин выдвигала такое же предложение. Она очень сблизилась с твоей дочерью и не хочет продолжать ее обманывать.

– Если ввести Нари в курс дела, она сможет лучше защитить себя, – не отступал Дара.

– Или же ненароком выдать нас, – парировала Манижа. – Она молода, а Гасан не спускает с нее пристального взгляда. И в прошлом за ней уже была замечена склонность к общению с джиннами. Мы не можем ей доверять.

Дара напрягся. Столь резкая оценка Нари пришлась ему не по душе, но он старался не выдать своей реакции.

– Бану Нахида...

Манижа подняла руку.

– Это не тема для дискуссий. Никто из вас не знает Гасана так, как знаю его я. Вы не знаете, на что он способен. Он всегда найдет, как причинить боль тем, кого ты любишь, – давняя горечь на мгновение омрачила ее взгляд. – Добиться того, чтобы он не смог вытворять того же с новым поколением Нахид, куда важнее, чем обиды моей дочери на то, что ее не посвятили в курс дела. Когда Гасан обратится в прах, я позволю ей покричать на меня.

Дара потупил взгляд и через силу кивнул.

– В таком случае, нужно обсудить, как проходят приготовления, – сказал Каве. – Навасатем уже не за горами, и это идеальное время для нападения. Город будет охвачен праздничной суматохой, и внимание властей будет сосредоточено на торжестве.

– *Навасатем?* – встрепенулся Дара. – До Навасатема меньше восьми месяцев. А у меня сорок воинов.

– И что? – спросил Каве с вызовом. – С тебя ведь снято проклятие Сулеймана. Разве тебе не подвластно голыми руками разворотить Цитадель или натравить своих кровавых зверей на город? Бану Манижа говорила, что теперь ты и на это способен. С этой целью тебя и вернули из мертвых.

Дара стиснул в ладони кубок. Он знал, что его воспринимают как оружие, однако слышать такие слова, сказанные без обиняков, все равно было неприятно.

– Все не так просто. Я только учусь управляться с новоприобретенными способностями. А мои воины пока не готовы.

Манижа взяла его за руку.

– Ты слишком строг к себе, Дараявахаш. Я уверена, и ты, и твоя армия более чем готовы.

Дара замотал головой. Он готов был уступить в каких-то личных вопросах, но только не в военных.

– Сорок воинов не смогут захватить Дэвабад. – Он в отчаянии переводил взгляд то на Каве, то на Манижу, как бы умоляя прислушаться к нему. – Пока ифрит не убил меня, я долгие годы провел, разрабатывая план осады. Этот город – настоящая крепость. Через его стены не перелезть, под ними не сделать подкопов. В Цитадели – тысячи солдат...

– Призывников, – поправил Каве. – Которым недоплачивают и среди которых день ото дня крепнут мятежные настроения. Не меньше дюжины офицеров Гезири дезертировали после ссылки Ализейда в Ам-Гезиру.

Любые мысли об осаде Дэвабада улетучились.

– Ализейд аль-Кахтани сейчас в Ам-Гезире?

Каве кивнул.

– Гасан отправил его восвояси через несколько дней после твоей смерти. Сначала я думал, что это временная мера, пока шум не уляжется, однако он так и не вернулся. Даже на свадьбу Мунтадира не приезжал. – На его лице промелькнуло довольное выражение. – Не скрою, меня обрадовало то, что он впал в немилость. Он – ревностный фанатик.

– Он не просто фанатик, – тихо возразил Дара.

В ушах загудело, а вокруг пальцев за клубился дымок. Ализейд аль-Кахтани, самоуверенный выскочка, нанесший ему роковой удар. Юный воин, в котором сошлись смертельная хватка и бескомпромиссная вера, слишком сильно напоминал Даре себя в юности.

И он слишком хорошо знал, чем это было чревато.

– С ним необходимо разобраться, – заявил он. – И поскорее. Прежде, чем мы нападём на Дэвабад.

Манижа посмотрела на него с сомнением.

– А ты не подумал, что Гасан заподозрит неладное, когда в Ам-Гезире найдут труп его сына? И вдобавок жестоко убитого, судя по тому, что ты себе замышляешь?

– Игра стоит свеч, – возразил Дара. – Я сам был молодым солдатом-изгнанником, когда Дэвабад пал и моя семья была истреблена. – Он подождал, пока до них дойдет истинный смысл его слов. – Если хотите знать мое мнение, нельзя дать такому сопернику шанса встать на ноги. И потом, его смерть не будет жестокой, – добавил он поспешно. – Впереди у нас полно времени. Мы успеем выследить его и убрать с дороги так, чтобы не вызвать у Гасана ни малейших подозрений.

Манижа покачала головой.

– Нет у нас времени. Если мы планируем осаждать город в Навасатем, тратить долгие недели, блуждая по пустошам Ам-Гезиры, для тебя непозволительная роскошь.

– Мы не сможем провести осаду в Навасатем, – повторил Дара, которого их несговорчивость начинала утомлять. – Я пока даже не в состоянии *пройти завесу* Дэвабада, не говоря уже о том, чтобы захватить его.

– Завеса – не единственный путь в Дэвабад, – невозмутимо ответила Манижа.

– Как? – в унисон воскликнули Дара и Каве.

Манижа сделала глоток вина, как будто наслаждаясь их изумлением.

– Ифриты считают, что есть и другой способ попасть в Дэвабад... За что нужно сказать спасибо Ализейду аль-Кахтани. Точнее, существу, дергавшему его за ниточки.

– Существу, дергавшему его за ниточки? – повторил Дара бесцветным голосом. Он рассказал Маниже о той ночи на корабле в мельчайших подробностях. О том, как магия захлестнула его и он потерял над собой контроль. О том, как принц выбрался из смертельного Дэвабадского озера, весь покрытый чешуей и щупальцами, и начал шептать на языке, которого Даре никогда не доводилось слышать, и как он занес сочащийся влагой кинжал. – Неужели ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что пришло время поговорить с маридами, – сказала Манижа слегка разгоряченно. – Пора нам расквитаться за то, что они сделали.

5

Али

– «Шин», – объявил Али, вычерчивая перед собой литеру на мокром песке.

Он поднял голову и строго покосился на двух мальчишек, безобразничающих на последнем ряду. Как только они прекратили, Али вернулся к уроку и дал ученикам знак скопировать букву. Те послушно вывели ее вслед за ним – тоже на песке, ведь грифельные доски и мел стоили денег, а лишних в Бир-Набате попросту не было. Вот поэтому он и вел свои уроки в тенистой рощице, где два канала сливались в общее русло и земля была неизменно влажной.

– Кто назовет мне слово, начинающееся на букву «шин»?

– «Шаб», – выкрикнула девочка в центре, и сидящий рядом с ней мальчишка вскинул руку.

– Я начинаюсь на «шин»! – воскликнул он. – Шаддад!

Али улыбнулся.

– Совершенно верно. А знаешь ли ты, кого еще так зовут?

Вместо него ответила его сестра:

– Шаддад Блаженный. Мне бабушка рассказывала.

– И кем же был Шаддад Блаженный? – спросил он, пощелкивая пальцами на мальчишек, которые снова начали драться. – Вы двое, знаете?

Мальчишка помладше втянул голову в плечи, а второй сделал круглые глаза.

– Ну... король?

Али кивнул.

– Второй король после Зейди Великого.

– Тот, что победил королеву маридов?

Все замерли в ожидании ответа. Ладонь Али застыла на влажном песке.

– Что?

– Королеву маридов, – с внимательным видом повторил свой вопрос самый младший из учеников по имени Файсал. – Отец говорит, кто-то из твоих предков победил королеву в битве, и поэтому ты смог найти у нас воду.

Простые слова, произнесенные без всякой задней мысли, пронзили его, точно отравленное лезвие кинжала, растекаясь по членам чувством липкого ужаса. Он давно подозревал, что весь Бир-Набат за его спиной втихую судачил о его необыкновенных взаимоотношениях с водной стихией, но только сейчас впервые услышал, чтобы кто-то вслух заговорил о его родстве с маридами. Впрочем, это все, возможно, пустое: полузабытая легенда, получившая второе рождение, когда Али открыл свежие родники.

Но подобные слухи нужно было пресекать на корню.

– Мои предки не имели с маридами ничего общего, – сказал он решительно, хотя внутри у него все переворачивалось. – Маридов больше нет. Их не видели уже много веков.

Однако в его учениках уже зажглось любопытство.

– А правду говорят, что, если засмотреться на свое отражение в воде, твою душу украдет марида? – спросила одна девочка.

– Нет, – ответила девочка постарше, прежде чем Али успел открыть рот. – Но я слышала, что давным-давно люди приносили им в жертву *младенцев*. – От полуиспуганного восторга она даже заговорила громче. – А если те отказывались, марида насылали на их поселения потоп.

– *Замолчи*, – взмолился один из самых юных малышей. Он уже чуть не плакал. – Если будешь говорить о них, они придут за тобой во сне!

– Прекратите, – выпалил Али слишком резко, и дети испуганно отпрянули. – Чтобы я больше не слышал о маридах, пока вы не вызубрите алфавит...

Из-за деревьев показался Любайд. Друг Али подбежал к нему и, запыхавшийся, согнулся пополам, обхватив колени.

– Прости, что отрываю, брат. Но ты должен кое-что увидеть.

Длинный караван виднелся даже с большого расстояния. Стоя на вершине Бир-Набатских гор, Али наблюдал за его приближением. Он насчитал не менее двадцати верблюдов, стройной змейкой продвигающихся к деревне. Они вышли на солнце из тени, отбрасываемой гигантским барханом, и яркие лучи заискрились, отражаясь в жемчужно-белых пластинах, которыми были навьючены животные. Соль.

Сердце ухнуло вниз.

– Аяанле, – сорвал у него с языка Любайд, прикрывая ладонью глаза от яркого света. – Богато... Столько соли, что хватит на уплату годовой подати, – он опустил руку. – Но что они *здесь-то* делают?

Рядом с ним Акиса скрестила руки на груди.

– Вряд ли они сбились с курса. От главного торгового пути до нашей деревни несколько недель ходу. – Она взглянула на Али. – Думаешь, это родственники твоей матери?

Только не это. Его товарищи, конечно, этого не знали, но именно из-за родственников матери Али и оказался изгнан из Дэвабада. Их стараниями его завербовали в «Танзим». Похоже, они рассчитывали, что шафитские диссиденты рано или поздно подвигнут Али на дворцовый переворот.

План был совершенно безумный, однако вслед за смертью Афшина город захлестнул такой хаос, что Гасан решил не рисковать, пока кто-нибудь повлияет на неокрепший ум Али – особенно если это будут могущественные правители Та-Нтри. Вот только до самих Аяанле Гасану было не дотянуться – моря разделяли Дэвабад и богатый, космополитичный край Та-Нтри. Поэтому отдуваться пришлось Али – его вытурили из родного города и бросили на расправу наемникам.

Прекрати. Али усмирил разливающуюся в нем желчь, стыдясь того, с какой легкостью его охватила злоба. Племя Аяанле не несло ответственности за его судьбу – вина лежала на плечах лишь горстки коварных родичей его матери. Так, может, и путники, пересекавшие сейчас пустыню, были ни в чем не повинны.

Любайд настороженно наблюдал за ними.

– Надеюсь, у них достаточно своей провизии. У нас не хватит корма накормить столько верблюдов.

Али отвернулся и положил руку на зульфикар.

– Давайте расспросим их.

Когда они спустились к подножию горы, караван уже прибыл. Лавируя между кричащих верблюдов, Али убедился в правоте Любайда – караван действительно вез целое состояние. Такого количества соли за глаза хватило бы всему Дэвабаду на целый год. Вне всякого сомнения, это и впрямь была какая-то форма подати. Даже лоснящиеся темноглазые верблюды выглядели дорого, а искусные седла и упряжь, покоящаяся на золотистых шкурах, поражала своей роскошью, а не практичностью.

Али, ожидавший увидеть рядом с шейхом Джиядом и его сыном Табитом целую делегацию Аяанле, удивился, обнаружив, что побеседовать к ним вышел всего один джинн. Он был одет в традиционные для его племени бирюзовые, символизирующие воды Нила, одежды, в которые обычно облачались важные чиновники.

Путник обернулся, в лучах яркого солнца ослепительно сверкая золотыми украшениями в ушах и на шее. По его лицу расплзлась широкая улыбка.

– Кузен! – воскликнул он и рассмеялся, разглядывая Али. – Но неужели под этим тряпьем в самом деле скрывается принц?

Мужчина направился прямо к нему, пока Али оторопело молчал, не находя ответа. Аяанле протянул к нему руки, словно собираясь заключить в объятия.

Али потянулся к ханджару и тут же сделал шаг назад.

– Я не люблю объятий.

Аяанле только шире заулыбался.

– Таким приветливым мне тебя и описывали. – Лучистые золотые глаза весело блестели. – Как бы то ни было, мир твоему дому, сын Хацет. – Он с ног до головы окинул Али взглядом. – Выглядишь скверно, – добавил он, переходя на нтарийский, родной язык племени его матери. – Чем тебя кормят? Камнями?

Али с оскорбленным видом приосанился, внимательно вглядываясь в собеседника, но не узнавая его.

– Кто ты такой? – запинаясь, спросил он на джиннском. Межплеменной язык казался чужим после долгого времени, проведенного в Ам-Гезире.

– Кто я такой? – переспросил собеседник. – Я – Муса, разумеется!

Когда в ответ Али только сузил глаза, тот сделал вид, что обижен.

– Племянник Шамы? Кузен Хазак-Расу со стороны дяди твоей матери по материнской линии?

Али помотал головой, запутавшись в хитросплетениях родственных связей.

– Где все остальные члены каравана?

– Никого не осталось. Да поможет им Бог. – Муса положил руку на сердце, и его взгляд преисполнился скорбью. – Мой караван словно преследуют болезни и все тридцать три несчастья. И вот, не далее как на прошлой неделе, моим двум последним оставшимся товарищам пришлось срочно возвращаться в Та-Нтри из-за неотложных семейных обстоятельств.

– Он жлет, брат, – предупредила Акиса по-гезирийски. – Никому не под силу в одиночку пригнать сюда такой огромный караван. Держу пари, его приятели выжидают в засаде где-то в песках.

Али вперил в Мусу подозрительный взгляд.

– Чего ты хочешь от нас?

Муса издал смешок.

– Вижу, ты у нас не любитель светских бесед.

Он извлек из-под полы своих одежд небольшой белый брусок и бросил Али.

Тот на лету схватил его, проводя пальцем по зернистой поверхности.

– Что прикажешь мне делать с куском соли?

– Это – зачарованная соль. Перед тем как ступить в пески Ам-Гезиры, мы заколдовали свой товар, и теперь никто, кроме нашего брата, не сможет прикоснуться к нему. И кажется, то, что ты сейчас сделал, доказывает, что ты действительно Аяанле. – Он усмехнулся, как будто только что выдал какую-то особенно удачную остроту.

Не скрывая недоверия, Любайд потянулся к Али, чтобы взять соль у него из рук, и вскрикнул. Он отдернул руку, а кожа на ладони и брусок соли продолжали шипеть от соприкосновения.

Длинной рукой Муса обхватил Али за плечи.

– Пойдем, кузен. Нам есть о чем поговорить.

– Это исключено, – заявил Али. – Не моя забота, доберется ли оброк Та-Нтри до Дэвабада.

– Но, кузен... прояви сострадание к родной крови.

Муса отхлебнул кофе, скривился и отставил чашку. Они находились в главном совещательном месте Бир-Набата – просторном зале из песчаника, обустроенного прямо в скалах, по углам которого торчали высокие колонны, увитые лентами вырезанных в камне змей.

Муса откинулся на потрепанные подушки, закончив свою горестную повесть. То и дело Али замечал любопытных детишек, подглядывающих у входа. Бир-Набат был так обособлен от остального мира, что прибытие такой фигуры, как Муса, в этом пышном халате и увесистых золотых украшениях так явно щеголявшего пресловутым богатством своего племени, стало в деревне самым знаменательным событием с момента появления здесь самого Али.

Муса развел руками, и золотые кольца подмигнули в свете огня.

– Тебе ведь все равно возвращаться на родину на Навасатем, не так ли? Не может быть, чтобы родной сын короля пропустил празднование нового поколения.

Навасатем. Слово эхом отдалось в голове Али. Изначально Навасатем отмечали только Дэвы, но уже с давних пор все шесть племен объединялись для того, чтобы отпраздновать рождение нового поколения. Постепенно годовщина их независимости, праздник в знак памяти об уроках, преподанных им Сулейманом, превратилась в бурное празднование жизни как она есть... А в старой шуточной присказке даже говорилось, что *прилив* жизни обычно приходился на десять месяцев спустя после Навасатема, когда начинали рождаться многочисленные дети, зачатые в ходе безудержных праздников. Как и у всех верующих джиннов, у Али были смешанные чувства по отношению к пирам, ярмаркам и гуляниям, растянувшимся на целый месяц. Священнослужители Дэвабада, от джиннов-имамов до Дэвов-жрецов, как правило, лишь качали головами, наблюдая за происходящим, да журили свои похмельные паствы.

И все же тогда, в прошлой жизни, Али годами дожидался этого праздника. О навасатемских состязаниях по рукопашному бою ходили легенды, и, невзирая на свой юный возраст, он мечтал участвовать в них, и победить в них, и заслужить уважение своего отца, и звание, которое и так полагалось ему по праву рождения – звание будущего каида эмира Мунтадира.

Али тяжело вздохнул.

– Я не еду на Навасатем.

– Но мне так нужна твоя помощь, – беспомощно взмолился Муса. – Я не доберусь до Дэвабада в одиночку – это безнадежно.

Али взглянул на него, словно не веря своим ушам.

– Потому что нечего было сворачивать с главной дороги! Необходимую помощь тебе оказали бы и в караван-сараяе.

– Нужно убить его и забрать товар, – предложила Акиса по-гезирийски. – Аяанле решат, что он погиб в песках, а лжец и не заслуживает лучшей участи.

Любайд накрыл ее ладонь своей, разжав ее пальцы, сомкнувшиеся на рукояти зульфифара.

– Что о нас скажут, если мы начнем убивать каждого приезжего, который не говорит нам всей правды?

Муса переводил взгляд с одной на второго.

– Что-то не так?

– Они обсуждают, куда поселить тебя на ночлег, – беззаботным тоном ответил Али по-джиннски и сложил пальцы домиком. – Если я все правильно понял, ты свернул с торгового пути, чтобы приехать в эту глушь, в Бир-Набат, где, как тебе прекрасно известно, нет условий для содержания ни тебя, ни твоих верблюдов, чтобы переложить свои обязанности на мои плечи?

Муса пожал плечами.

– Приношу извинения за неудобство.

– Ясно. – Али откинулся назад и окинул собравшихся джинов вежливой улыбкой. – Братья и сестры, – сказал он. – Если вам не составит особого труда, не оставите ли вы нас на несколько минут наедине с... кем, напомни, ты мне приходишься?

– Твоим кузеном.

– С моим кузеном.

Джинны встали со своих мест. Табит вперился в Али взглядом. Он успел достаточно хорошо узнать Али и потому прекрасно слышал зловещие нотки в его голосе, которые Муса пропустил мимо ушей.

– Не запачкай ковры кровью, – предупредил он по-гезирийски. – Они совсем новые.

Как только все ушли, Муса испустил протяжный вздох.

– Всевышний Боже, как ты продержался так долго в этом *болоте*? – Он содрогнулся, ковыряясь в приготовленной специально для него козлятине – этого козла откармливал к свадьбе дочери один из бир-набатян, но охотно уступил, узнав о прибытии нежданного гостя. – Я и не думал, что есть места, где джинны до сих пор живут как – ай! – вскрикнул он, когда Али схватил его за расшитый серебром шиворот и толкнул так, что тот упал на землю.

– Наш прием кажется тебе негостеприимным? – хладнокровно спросил Али, вынимая зульфикар из ножен.

– В данный момент... постой, не делай этого! – В золотых глазах Мусы вспыхнул ужас, когда языки пламени облизнули медное лезвие. – Умоляю!

– Какова истинная цель твоего визита? – требовательно спросил Али. – И не смей скармливать мне свои небылицы о тяготах пути.

– Я приехал, чтобы тебе помочь, кретин! Я даю тебе возможность вернуться в Дэвабад!

– *Помочь мне*? Да если бы не твои махинации, я бы здесь вообще не оказался!

Муса пораженчески вскинул руки.

– Справедливости ради... в этом виновата другая ветвь нашего рода... Остановись! – взвизгнул он, отползая назад, когда Али поднес меч вплотную к его горлу. – Совсем спятил? Я же родная кровь тебе! К тому же я твой гость!

– Ты не мой гость, – не согласился Али. – Бир-Набат – не мой дом. А Ам-Гезира кишит опасностями – как, как ты сказал, как *болото*? – процедил он брезгливо. – Торговцы нередко пропадают в этих песках без вести. Особенно беспечные глупцы, которым хватает ума отправиться в дальний путь с таким ценным грузом без сопровождения.

Муса встретился с Али взглядом. В его глазах за страхом читалась решительность.

– Я не скрывал того, куда я направляюсь. Если наш взнос на Навасатем не будет доставлен в Дэвабад в срок, король нагрянет к вам в поисках товара. – Он вздернул подбородок. – Ты же не хочешь навлечь такие неприятности на своих братьев и сестер?

Али сделал шаг назад, пламя на мече потухло.

– Я отказываюсь принимать участие в очередной вашей интриге. И я убью тебя своими руками, если ты еще раз посмеешь угрожать нам.

Муса закатил глаза.

– А меня ведь предупреждали, что ты норовистый. – Он выпрямился во весь рост, отряхивая песок с одежды. – И слишком легко хватаешься за оружие, это тревожит. – Он скрестил руки на груди. – Но без тебя я не уйду. Мне стоило немалых усилий и риска все это организовать. Кто другой на твоём месте мог бы даже сказать мне спасибо.

– Так и найди другого, – парировал Али.

– И дело с концом? А ты и дальше продолжишь рыться в человеческих отбросах и торговать финиками? Я предлагаю тебе вернуться в Дэвабад, пока город еще стоит на своем месте.

– Дэвабад всегда будет стоять на своем месте.

– Да ну? – Муса подошел к нему ближе. – Что, новости из столицы не доходят до этой богом забытой дыры? В городе царит разбой, экономика пришла в такой упадок, что Королев-

ской гвардии едва хватает средств на прокорм солдат, не говоря уже о снабжении их приличной амуницией.

Али ответил ему невозмутимым взглядом.

– Но какую роль в этом упадке сыграли Аяанле?

Муса развел руками.

– А почему мы должны быть справедливы по отношению к королю, который отправил нашего принца в изгнание? К королю, который плюет на наследие предков и бездействует, когда шафитов продают с молотка?

– Это клевета, – ответил Али с презрением во взгляде. – К тому же вашему народу нет и не было дела ни до шафитов, ни до нашего города. Дэвабад – всего лишь забава для Аяанле. Вы просто играете с чужими жизнями, сидя в своем Та-Нтри и пересчитывая золото.

– Это касается нас больше, чем ты думаешь, – ответил, сверкнув глазами, Муса. – Зейди аль-Кахтани не захватил бы власть в Дэвабаде без помощи Аяанле. *Твой род* сейчас не был бы правящей династией без помощи Аяанле. – Уголки его губ тронула легкая усмешка. – Да и потом, чего греха таить... рост преступности и коррупции имеет обыкновение негативно сказываться на бизнесе.

– Ну наконец-то.

– Нет, дело не только в этом, – покачал головой Муса. – Я в растерянности. Думал, ты с радостью ухватишься за такой шанс. Лично я от горя с ума сошел бы, если бы мне запретили возвращаться на родину. Уверен, я бы сделал все возможное, чтобы вернуться к своей семье. А твоя семья... – Его тон смягчился. – Дела у них обстоят не лучшим образом.

Тревожное чувство пробежало по спине Али.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты хоть представляешь, как твоя мать восприняла твою ссылку? Будь благодарен, что в ответ она решила развязать всего лишь торговую войну, а не настоящую. Говорят, сестра твоя несчастна, а твой брат твердо вознамерился утопить себя в бутылке, а твой отец... – Муса замолчал, и Али заметил, как тщательно он подбирал слова, когда продолжил. – Твой отец – злопамятный мужчина, и в этот раз гнев его пал непосредственно на шафитов, которые, по его мнению, и подстегнули тебя к мятежу.

Али поморщился – последние слова угодили в самое сердце.

– Я ничего не могу с этим поделать, – заверил он. – Я пытался, неоднократно, и всякий раз в результате страдали те, кто мне дорог. А теперь и подавно: я растерял всю власть, которой обладал когда-то.

– *Растерял?* Ты, Ализейд-победитель-Афшина? Одаренный принц, в чьих руках расцвела пустыня, и которого сопровождают наиотважнейшие воины Ам-Гезиры? – Муса смерил его взглядом. – Ты недооцениваешь притягательность этого образа.

– Конечно, я ведь знаю, что многое из этого полная чушь. Я не вернусь в Дэвабад. – Али направился ко входу, чтобы позвать товарищей обратно в зал. – Это мое окончательное решение.

– Ализейд, пожалуйста... – начал Муса, но вовремя замолчал, когда к ним присоединились остальные.

– Мой кузен приносит свои извинения за злоупотребление гостеприимством Бир-Набата, – объявил Али. – Он продолжит свой путь на рассвете и дарит нам пятую часть своего товара в качестве компенсации за наши затраты.

Муса резко повернулся к нему.

– Что? – горячо воскликнул он по-нтарански. – Ничего подобного!

– Я выпотрошу тебя, как рыбу, – пообещал Али на том же диалекте и снова перешел на джиннский. – ... *в качестве компенсации за наши затраты*, – твердым голосом повторил он. – ... чтобы накормить детей, которые остались без ужина в то время, как его верблюды нае-

дались досыта. А заодно пусть кто-нибудь обменяет всю его провизию на сушеную саранчу и финики. – У него на глазах возмущение Мусы сменилось гневом. – Ты жаловался на слабость? Я рекомендую внести коррективы в свой рацион. Подобная пища сделала нас очень выносливыми. – Он щелкнул зубами. – А к хрусту быстро привыкаешь.

Во взгляде Мусы сквозило негодование, но он промолчал. Али встал и положил ладонь на сердце в традиционном приветственном жесте Гезири.

– А теперь прошу меня извинить. Меня ждут дела. На рассвете я тебя разбужу. Помолимся вместе.

– Разумеется, – отозвался Муса, уже обуздав свои эмоции. – Мы не вправе забывать о своих обязательствах.

Его взгляд Али не понравился, но он уже сказал все, что хотел, и потому повернулся к выходу.

– Мир твоему дому, кузен.

– И твоему, принц.

Али спал беспокойным сном. Здесь ему каждую ночь снились плохие сны. Сейчас снилось, что он снова был в Дэвабаде, в прекрасной беседке, откуда открывался вид на сады гарема, окруженный любимыми книгами. Дул свежий, влажный ветер, раскачивая его гамак. Вода промочила его одежды, и под тканью дишдаши он почувствовал холодные липкие пальцы на своей коже...

– Али!

Али открыл глаза. Он схватился за ханджар, лезвие блеснуло серебром в темном шатре. Разглядев Любайда, благоразумно решившего держаться поодаль, он выронил кинжал.

Тот плюхнулся в воду, уже доходившую почти до подушки, на которой он спал. Али встрепнулся, обводя взглядом затопленный шатер, вскочил с матраса и быстро подхватил свои книги и записи.

– Идем, – сказал Любайд, придерживая перед ним полог шатра. – Похоже, этот прорыв – самый сильный из всех, что у нас были.

Снаружи царил хаос. Вода стояла по пояс, и, судя по силе напора, продолжала выплескиваться из водохранилища. Каменных туров, которые Али использовал в качестве плотин на каналах, как не бывало – скорее всего, их попросту смыло водой.

Он выругался.

– Разбуди всех. Кто в состоянии работать, пусть займутся посевами в полях и садах. Нельзя допустить, чтобы там все затопило.

Любайд кивнул с нехарактерной для него серьезностью.

– Не утони.

Али стянул халат и пошел, разрезая ногами воду. Убедившись, что Любайд скрылся из виду, он нырнул, чтобы изучить состояние колодца. Утонуть он не боялся.

Он боялся того, что не может утонуть.

Солнце уже взошло высоко над промокшим Бир-Набатом, когда прорыв плотины наконец починили. Али так выбился из сил, что из водохранилища его пришлось вылавливать. Пальцы распухли от перетасканных камней, органы чувств притупились от ледяной воды.

Любайд всучил ему чашку обжигающего кофе.

– Мы спасли все, что можно было спасти. Посевы, кажется, сильно не пострадали, только несколько акведуков придется починить. И шпалерник в смоквичной роще поврежден во многих местах.

Али молча кивнул. Вода стекала с его конечностей, вторя ледяной ярости, омывающей его изнутри.

– Где он?

Упрямое молчание Любайда подтвердило опасения Али. Только нырнув под колодец, он сразу понял, что камни, удерживающие воду внутри, были сдвинуты с места намеренно. Но нырнуть на такую глубину не смог бы ни один Гезири, не говоря уже о том, что никто бы не посмел ломать их водохранилище. Но чужак, Аяанле, который с детства умел плавать и кто никогда не знал жажды? Он посмел бы.

– Пропал. Уехал в общей суматохе, – выдавил наконец Любайд и затем прочистил горло. – Он оставил караван.

Рядом с ними присела Акиса.

– Нужно бросить его в пустыне, пусть там и гниет, – сказала она с желчью в голосе. – Что сможем – оставим себе, что не сможем – продадим, а остальное – пусть занесет песками. К черту Аяанле. Пусть сами с королем объясняются.

– Они найдут способ обвинить во всем нас, – мягко возразил Али. Он уставился себе на руки. Они дрожали. – Кража казенных денег – преступление государственной важности.

Любайд опустил перед ним на колени.

– Тогда мы отвезем эту чертову соль, – сказал он решительно. – Я и Акиса. А ты останешься в Ам-Гезире.

Али тщетно попытался сглотнуть ком, образовавшийся в горле.

– Вы даже прикоснуться к ней не сможете.

К тому же эту кашу заварил его родня. Джинны, которые спасли ему жизнь, не должны ее расхлебывать.

Он встал, чувствуя, как подкашиваются ноги.

– Мне... нужно только организовать ремонтные работы. – Его затошнило от собственных слов. Жизнь, которую он по кирпичику выстраивал для себя в Бир-Набате, в одночасье пошла под откос, так беспечно отброшенная в сторону чужаками в угоду их личным политическим мотивам. – Завтра мы отправляемся в Дэвабад.

Слова звучали странно и даже ему самому казались нереальными.

Любайд помедлил.

– А как же твой кузен?

Али сильно сомневался, что они разыщут Мусу, однако попытаться стоило.

– Тот, кто портит чужие колодцы, мне не родня. Отправь по его следам пару бойцов.

– Что делать, если они поймают его?

– Ведите сюда. А я разберусь с ним сам, по возвращении. – Али крепко обхватил чашку. – Потому что я *еще вернусь*.

6

Нари

– *Ай!* Силы Создателя! Вы что, специально? В прошлый раз было не так больно!

Нари пропустила жалобу пациента мимо ушей, сосредотачиваясь на аккуратном надрезе в нижней части его живота. Металлические зажимы, не позволявшие краям надреза сомкнуться, были раскалены добела, чтобы не допустить заражения. Внутренности лицедея мерцали переливчатым серебром – точнее сказать, мерцали бы, если бы не были усыпаны зло- вредными каменистыми наростами.

Она сделала глубокий вдох и собралась с силами. В лазарете было нечем дышать, а Нары билась над своим пациентом уже третий час. В ходе операции одну ладонь она держала на его разгоряченной коже, унимая боль, чтобы пациент не скончался от агонии. В другой же руке она держала стальной пинцет, которым ловко обрабатывала очередной нарост. Процедура была сложной и затяжной. У нее на лбу выступили капли пота.

– Проклятие!

Нари опустила камень в лоток.

– Прекратите *превращаться в статую*, и вам не придется больше мучиться, – она преврала свои манипуляции, чтобы наградить его строгим взглядом. – Это уже третий раз, когда вы оказываетесь в моем лазарете... Джинны не приспособлены к окаменению!

Пациент принял пристыженный вид.

– Но это так успокаивает.

Нари метнула в него недовольный взгляд.

– Научитесь расслабляться каким-то другим способом, заклинаю вас. Швы! – крикнула она, но, не получив ответа, обернулась через плечо. – Низрин?

– Секундочку!

В другом конце переполненного лазарета Низрин металась между двумя столами: на одном громоздилась целая гора медикаментов, а на другом копились инструменты, которые предстояло магически стерилизовать. Низрин подхватила серебряное блюдо и подняла его высоко над головой, лавируя между плотными рядами коек и стайками посетителей. В лазарете сейчас яблоку было негде упасть, многим даже приходилось дожидаться своей очереди в саду.

Низрин протиснулась между вертлявым художником из племени Аяанле, в которого угодило заклятие чрезмерного энтузиазма, и кузнецом-сахрейнцем, чья кожа была сплошь покрыта дымящимися спорами.

– Только вообрази, Низрин, как хорошо было бы иметь в распоряжении целую больницу. Огромную больницу, где всем хватит места, а у тебя появятся помощники, которые возьмут часть твоих хлопот на себя.

– Пустые мечты, – отмахнулась Низрин, ставя перед ней блюдо. – Все для швов – здесь. – Она задержалась, удовлетворенно отмечая результаты трудов Нары. – Превосходно. Мне никогда не надоест наблюдать за тем, как прогрессирует твое мастерство.

– Мне запрещено покидать лазарет без разрешения, я работаю круглые сутки. Было бы странно, если бы мое мастерство не прогрессировало.

И все же на ее лице показалась улыбка. Несмотря на изнурительный труд и работу допоздна, Нары ценила свою позицию целительницы и возможность помогать пациентам даже тогда, когда ничего не могла поделать с миллионами проблем в собственной жизни.

Она оперативно заштопала лицедея зачарованной нитью и перевязала рану, после чего вручила больному чашку чая с добавлением опиума.

– Выпейте и отдохайте.

– Бану Нахида?

Нари вскинула голову. В двери, ведущие в сад, просунулся приказчик, облаченный в цвета королевского дома. Глаза приказчика поползли на лоб, как только его взгляд упал на Нарю. Из-за жары и влажности, от которых в лазарете не было спасения, волосы Нарю совсем растрепались, и черные кудри выползли из-под головного платка. Ее фартук был забрызган кровью и пролитыми зельями. Только горящего скальпеля в руке не хватало, чтобы полностью соответствовать образу обезумевшей кровожадной Нахиды из древних джиджинских сказаний.

– Чего? – спросила она, пытаясь обуздать недовольство.

Приказчик отвесил поклон.

– Эмир желает говорить с вами.

Нарю обвела руками царящую вокруг суматоху.

– *Сейчас?*

– Он ожидает вас в саду.

Кто бы сомневался. Мунтадир прекрасно знал, что по правилам королевского этикета она не имеет права дать ему от ворот поворот, если он явится собственной персоной.

– Ладно, – проворчала она.

Помыв руки и сняв с себя фартук, она следом за приказчиком вышла на улицу.

Выйдя на яркий солнечный свет, Нарю зажмурилась. На участке возле лазарета буйная растительность гаремных садов, больше смахивающих на джунгли, была приведена в порядок и красиво подстрижена бригадой садоводов-энтузиастов из Дэвов. Они подошли к работе со всем рвением, горя желанием восстановить былые величественные ландшафты королевских садов, которыми в свое время так славились Нахиды, хотя бы и в одном отдельно взятом его уголке. И вот теперь вокруг лазарета красовалась россыпь серебристо-голубых прудиков и аллей, засажённых аккуратно подстриженными фисташковыми и абрикосовыми деревьями, и пышными розовыми кустами, на которых всюду цвели нежные бутоны самых разных оттенков, от солнечного нежно-желтого до темнейшего цвета индиго. Травы, которые Нарю использовала в работе, выращивались преимущественно в Зариаспе, в фамильном имении Прамухов, однако те растения, которые требовалось использовать исключительно свежими, высаживались прямо здесь, на опрятных угловых огородах, где теснились кусты мандрагоры и желто-рябая белена. Над всей этой красотой возвышалась мраморная беседка с резными каменными скамейками и подушками, которые так и манили своей мягкостью.

В беседке, спиной к Нарю, стоял Мунтадир. Похоже, он пришел напрямик из тронного зала, потому что до сих пор был одет в дымчато-черную мантию с золотой оторочкой, в которую всегда облачался перед торжественными церемониями. Яркий шелковый тюрбан на солнце переливался золотом. Положив руки на перила беседки и приняв волевую позу, Мунтадир взирал на сад Нарю.

– Ну? – грубо бросила она, проходя в беседку.

Он обернулся, прошелся по ней взглядом.

– Однако у тебя и вид.

– У меня много работы. – Она утерла со лба пот. – Чего ты хотел, Мунтадир?

Он развернулся и встал к ней лицом, прислоняясь к перилам.

– Тебя не было прошлой ночью.

Так *вот к чему* этот визит.

– Я задержалась с пациентами. Сомневаюсь, что твоя постель долго пустовала, – добавила она не удержавшись.

Уголки его губ дрогнули.

– Ты поступаешь так уже третий раз подряд, Нарю, – продолжал он. – Можно было хотя бы предупредить, чтобы я не ждал впустую.

Нари сделала глубокий вдох, чувствуя, как с каждой секундой чаша ее терпения, и без того полная, переполняется окончательно.

– Прощу прощения. В следующий раз я пошлю гонца с этим известием в очередное злачное место, где ты вечно пропадаешь. Разговор окончен?

Мунтадир скрестил руки на груди.

– А у тебя сегодня хорошее настроение. Нет, разговор не окончен. Мы можем продолжить подальше от чужих глаз? – Он махнул рукой на яркие цитрусовые деревья поодаль. – Скажем, в твоей апельсиновой роще?

Сердцем Нары почувствовала внутренний протест. Апельсиновую рощу еще давно посадил ее дядя Рустам, и это место многое для нее значило. Рустам, хоть и уступал в целительском даровании ее матери, Маниже, сумел снискать славу как искусный ботаник и фармацевт. Спустя даже несколько десятилетий после его смерти тщательно отобранные для рощи деревья продолжали уверенно расти, а их целебные свойства и аромат год от года только крепчали. Нары была так очарована этим райским уголком, уединением, которое дарила тень густой листвы и кустарников, окутавшая рощу, что распорядилась вернуть роще ее первозданный вид. Стоя на земле, некогда возделанной ее предками, она испытывала ни с чем не сравнимое чувство.

– Я никого туда не впускаю, – напомнила она. – И ты это знаешь.

Мунтадир, привыкший к ее упрямству, только покачал головой.

– Тогда давай прогуляемся. – Не дожидаясь Нары, он спустился по ступенькам.

Нари пошла следом.

– Что стало с той семьей Дэвов, о которых я тебе рассказывала? – спросила она, когда они вышли на извилистую садовую тропинку. Раз уж Мунтадир все равно оторвал ее от работы, грех этим не воспользоваться. – С теми, кого третировали гвардейцы?

– Я разбираюсь.

Она остановилась как вкопанная.

– До сих пор? Ты обещал поговорить с отцом еще на прошлой неделе.

– Я и поговорил, – отозвался Мунтадир раздраженно. – Я же не могу взять и ни с того ни с сего освободить преступников против воли короля, просто потому, что вас с Джамшидом это огорчило. Все устроено немного сложнее. – Он посверлил ее взглядом. – И чем больше ты лезешь, тем труднее исполнить твою просьбу. Сама знаешь, как отец относится к тому, что ты суешь нос в политические вопросы.

Нари как ушатом воды окатило. Она расправила плечи.

– Хорошо, – процедила она. – Отцу своему можешь передать, что предупреждение я получила.

Мунтадир перехватил ее руку, пока она не успела развернуться.

– Я пришел не по его приказу, Нары, – сказал он. – Я пришел потому, что я твой муж, как бы мы с тобой ни относились к этому факту, и я не хочу, чтобы ты пострадала.

Он отвел Нары к спрятанной в тени скамейке с видом на канал, примостившейся за ветхим деревом ним, чьи ветви низко повисали под весом густой изумрудной листвы, надежно скрывая их от посторонних наблюдателей.

Мунтадир опустил на скамейку и усадил Нары рядом с собой.

– До меня дошли слухи о ваших с моей сестрой давешних приключениях.

Нары сразу напряглась.

– Это тебе отец...

– Нет, – успокоил Мунтадир. – Мне рассказала Зейнаб. Да, – добавил он, видимо, подметив ее изумление. – Мне известно о ее маленьких прогулках по сектору Гезири. Я знаю об этом уже не один год. Но ей хватает ума не нарываться на неприятности, и к тому же ее охранник в курсе, что в случае чего нужно сразу идти ко мне.

– О-о.

Это стало неожиданностью для Нари. Как ни странно, она даже немного позавидовала Зейнаб. Пусть Кахтани были коварными предателями и заклятыми врагами ее семьи, но все же безоговорочная взаимная преданность младших Кахтани свидетельствовала о такой братско-сестринской любви, которой Нари никогда не знала, и эта мысль наполняла ее белой завистью и грустью.

Но Нари подавила в себе эти чувства.

– Про больницу она тебе тоже рассказала?

– Говорит, никогда не видела тебя такой воодушевленной.

Нари постаралась изобразить незаинтересованность.

– Это было любопытно.

– *Любопытно?* – переспросил Мунтадир, не веря своим ушам. – И это говоришь ты, готовая без умолку болтать о своей работе с больными? Ты обнаружила старую больницу, принадлежавшую твоим предкам, а в больнице встретила компанию освобожденных рабов ифри-тов, и хочешь ограничиться одним лишь «любопытно»?

Нари прикусила губу, размышляя над тем, что ему ответить. Разумеется, визит в больницу далеко выходил за рамки «любопытного». Но фантазии, которым она постоянно предавалась с того дня, казались такими зыбкими, что лучше было держать их при себе.

Однако Мунтадир не вчера родился на свет. Он снова взял ее за руку.

– Я бы хотел, чтобы ты могла со мной поделиться, – сказал он негромко. – Да, никто из нас не желал этого брака, но, Нари, мы могли бы попытаться построить нормальные отношения. Я ведь даже не представляю, что творится у тебя на уме, – взмолился он, но в его голосе сквозила и какая-то усталость. – Ты возвела вокруг себя больше стен, чем в лабиринте.

Нари промолчала. Да, она отгораживалась от окружающих, это естественно. За редким исключением, все, кого она знала, предавали ее – а некоторые и не единожды.

Подушечкой большого пальца он погладил ее ладонь. Пальцы Нари непроизвольно дернулись, и она скорчила гримасу.

– Сегодня я наложила столько швов, что, кажется, мой внутренний целительский радар перестал распознавать мышечную боль.

– Позволь мне.

Мунтадир обеими руками обхватил ее ладонь и начал массаж, умело, словно всю жизнь этим занимался, разминая узлы.

Нари выдохнула, чувствуя, как напряжение в больных пальцах начинает таять.

– Кто научил тебя этому?

Он потянул за пальцы, вытягивая их. Восхитительные ощущения.

– Подруга.

– Вы с этой якобы подругой были одеты во время этого урока?

– Ну, зная, о ком идет речь... очень может быть, что и нет, – усмехнулся он бесстыжей улыбкой. – Хочешь узнать, чему еще она меня научила?

Нари закатила глаза.

– Я не захотела изливаться тебе душу, и тогда ты решил соблазнить меня с помощью опыта, полученного от другой женщины?

Он заулыбался еще шире.

– Жизнь в политике научила меня творческому подходу к решению проблем. – Он легонько провел пальцами по ее запястью, и Нари непроизвольно вздрогнула от его прикосновений. – Очевидно, что ты слишком занята для супружеского ложа. Но как иначе мы поддержим мир, ради укрепления которого и затевался наш союз?

– У тебя нет совести, ты в курсе? – спросила она, уже беззлобно. Мунтадир был слишком хорош в этих делах.

Его пальцы вычерчивали замысловатые узоры на коже ее запястья, а в глазах блестел озорной огонек.

– Ты не жалуешься, когда все-таки приходишь в нашу постель.

К щекам прилил жар, и виновато в этом было не одно только смущение.

– Ты переспал с половиной Дэвабада. Было бы странно, если бы за это время ты не набрался опыта.

– Звучит как вызов.

Его хулиганское выражение лица ничуть не охладило предательского жара, расплывающегося у нее в животе.

– У меня работа, – стала отпираться она, когда он усадил ее к себе на колени. – Дюжина пациентов ждет своей очереди, если не больше. И вообще, мы в саду. Кто-то может...

Нари умолкла, когда Мунтадир прижался губами к ее щеке и начал нежно целовать шею.

– Никто ничего не увидит, – невозмутимо пообещал Мунтадир, и с каждым словом ее кожу обдавало горячим дыханием. – Тебе явно необходимо снять напряжение. Считай это своим профессиональным долгом. – Его пальцы скользнули Нары под тунику. – Наверняка твои пациенты останутся довольны, если бану Нахида займется их лечением, когда будет не в таком скверном настроении.

Нари вздохнула и вопреки себе прижалась к нему ближе. Его губы опустились ниже, борода уже щекотала ее воротник.

– У меня не скверное...

Из-за дерева донеслось вежливое покашливание, и кто-то пискнул:

– Эмир?

Мунтадир не убрал от нее ни своих рук, ни губ.

– *Что?*

– Ваш отец желает говорить с вами. Говорит, по срочному делу.

Нари оцепенела. Напоминание о Гасане вмиг охладило ее пыл.

Мунтадир вздохнул.

– Ну, конечно, по срочному. – Он отстранился, чтобы посмотреть ей в глаза. – Поужинай сегодня вместе со мной, – попросил он. – Я прикажу подать твой странный цветочный чай, а ты можешь попрекать меня моим бесстыдством, сколько твоей душеньке будет угодно.

Нари вовсе не хотелось ужинать в его компании, но она бы точно не стала отказываться от продолжения того, что они здесь начали. В последнее время она действительно была слишком напряжена, а за ночи, проведенные в спальне Мунтадира, она, как правило, высыпалась лучше обычного: слуги попросту не рисковали нарушать покой эмира и его супруги, если только пациент не был совсем при смерти.

К тому же промелькнувшая в его глазах надежда взывала к той малой толике нежности, которая еще теплилась в сердце Нары. При всех его недостатках, каковых у Мунтадира было предостаточно, он как никто умел очаровать.

– Я постараюсь, – сказала она, сдерживая улыбку.

В ответ он широко улыбнулся. Казалось, что он искренне рад ее ответу.

– Вот и чудесно. – Он убрал с нее руки.

Нари поспешно расправила тунику. Нельзя возвращаться в лазарет в таком виде, как будто... как будто она только что занималась тем, чем действительно только что занималась.

– Не знаю, что хочет твой отец, но удачи тебе.

Мунтадир закатил глаза.

– Уверен, очередной пустяк. – Он приложил ладонь к груди. – Мир.

Она проводила его взглядом, пользуясь моментом, чтобы надышаться свежим воздухом и послушать птичьи трели. Денек стоял дивный, и ее взгляд лениво блуждал по аптекарскому огородику.

Пока не упал на шафита, крадущегося в кустах.

Нари нахмурилась, наблюдая за мужчиной, который торопливо перескочил грядку шалфея и остановился у ивы. Он вытер бровь и нервно оглянулся через плечо.

Странно. Среди садовников иногда попадались шафиты, однако им запрещалось прикасаться к целебным травам – да и кроме того, этот мужчина не показался ей знакомым. Он вынул из-за пояса секатор и разомкнул лезвия, словно намереваясь срезать одну из веток.

Нари мигом вскочила на ноги. Благодаря шелку ее туфель и многолетнему воровскому стажу она бесшумно приблизилась к незнакомцу. Тот обернулся лишь тогда, когда она подобралась к нему вплотную.

– Что ты собрался делать с моим деревом? – спросила она требовательно.

Шафит подскочил и так резко повернулся, что с него слетела шапка. Его человеческие карие глаза округлились от страха.

– Бану Нахида! – ахнул он. – Я... Простите меня, – запричитал он, складывая руки в умоляющем жесте. – Я всего лишь хотел...

– Обстругать мою иву? Да, это я вижу.

Нари дотронулась до поврежденной ветки, и дерево под ее пальцами начало затягиваться свежей корой. Нар и раньше замечала за собой ботанические таланты, однако пока никак не реализовывала этот дар, чем очень огорчала Низрин.

– Ты хоть понимаешь, что с тобой сделали бы, если бы на моем месте...

Она осеклась. Ее внимание привлекла непокрытая голова шафита. Она была обезображена: волосы по вискам росли длинными, а на макушке торчали колючими неровными остеревками, словно отрастая после грубого бритья. Кожа головы, покрытая лиловыми пятнами, слегка припухла вокруг неестественно плоской проплешины формой и размером с монетку. По краям проплешины красовался шрам в форме полумесяца – здесь был наложен шов, при этом весьма умелыми руками.

Нари переполняло любопытство. Она протянула руку и легонько прикоснулась к набухшему участку. На ощупь он оказался мягким – слишком мягким. Прощупав шафита с помощью своего врожденного дара, Нар и получила подтверждение своим догадкам, которые казались невозможными.

Из-под кожи его головы был извлечен небольшой фрагмент черепа шафита.

Она ахнула. Рана зарастала. Нар и буквально ощущала импульсы, идущие от новой костной ткани, затягивающей брешь, однако... Она опустила руки.

– Кто-то сделал это с тобой?

Мужчина продолжал испуганно глазеть на нее.

– Это был несчастный случай.

– Несчастный случай проделал тебе дырку в черепе, а потом аккуратненько заштопал рану? – Нар и опустилась рядом с ним на колени. – Я не причиню тебе вреда, – пообещала она. – Мне просто нужно понимать, что случилось... Мне нужно удостовериться, что никто сейчас не разгуливает по Дэвабаду, вырезая монетки из черепов.

– Все было совсем не так. – Он закусил губу, оглядываясь по сторонам. – Я просто упал с крыши и раскроил себе череп, – зашептал он. – Врачи объяснили моей жене, что в черепе у меня начала скапливаться кровь и нужно удалить фрагмент кости, чтобы ослабить давление и спасти мне жизнь.

Нари захлопала глазами.

– *Врачи?*

Она перевела взгляд на дерево, с которого он срезал ветки. Ива. Ну конечно. В медицине ценились как листья ивы, так и ивовая кора, из которой готовились порошки для избавления от разных типов боли... для избавления *людей* от боли.

– Это они попросили тебя достать иву?

Он помотал головой, до сих пор не прекращая дрожать.

– Я сам вызвался. В одной из их книжек на картинке я увидел дерево и вспомнил, что видел точно такое же, когда в прошлом году латал здесь кровлю. – Он не сводил с Нари умоляющего взгляда. – Я один виноват, а они хорошие, я им жизнью обязан. Я просто хотел помочь.

Нари стоило большого труда обуздать свое воодушевление. Врачи-шафиты, обученные проводить операции и располагающие медицинскими книгами!

– Кто? – спросила она нетерпеливо. – Кто эти врачи?

Он опустил взгляд.

– Нам не положено говорить о них.

– Я не причиню им вреда. – Она положила руку на сердце. – Клянусь прахом своих предков. Я даже сама принесу им ивы, пожалуйста. И не только ивы – у меня в аптеке полно лекарств, которыми можно лечить шафитов.

Мужчина колебался. Нари внимательно изучала его, примечая босые ноги, потрепанную джелабу, грубые мозолистые руки.

Слегка презирая себя за это, Нари вынула свое золотое кольцо. Она забыла снять его перед началом рабочего дня в лазарете и решила спрятать его в карман. Ободок кольца украшал цветочный узор, выложенный мелкими инкрустированными рубинами.

Нари вложила кольцо ему в руку.

– Имя и адрес.

Мужчина уставился на кольцо, и его глаза поползли на лоб.

– Честное слово, я никому не желаю зла. Я хочу помочь.

По его лицу было видно, что он борется с искушением. Нари понимала, что деньги, которые можно выручить за такое кольцо, станут серьезным подспорьем для трудяги шафита.

– Субхашини Сен, – выдохнул он. – Дом с красной дверью на улице Сакария.

Нари улыбнулась.

– Спасибо.

Когда Нари закончила работать, ее уже поджидала небольшая армия слуг, которые окружили ее сразу, едва она ступила ногой в распаренный хаммам. Слуги подхватили и унесли восвояси ее перепачканную кровью и зельями одежду, как следует отерли ее тело мочалками, омыли кожу розовой водой, натерли ноги и руки дорогими маслами и предприняли попытку усмирить ее непослушные кудри в красивый венчик из кос.

Нари, однако, не желая всецело отдавать себя в чужое распоряжение, настояла на том, чтобы самостоятельно выбирать себе наряд. Сегодня выбор пал на платье, сшитое из нежнейшего льна, к какому только прикасались ее пальцы. Платье нежно-сливочного цвета без рукавов мягко спадало к щиколоткам, а сверху было прикрыто узорчатым воротником, расшитым сотнями бусин: ляпис-лазурь, золото, сердолик и топазы. Узор был как будто скопирован с какого-нибудь древнего храма в Египте и потому напоминал Нари о родине.

Одна служанка едва закончила застегивать изящный воротник на шее Нари, как другая поднесла неброский горшочек для косметики из слоновой кости.

– Не желает ли госпожа припудрить кожу? – поинтересовалась она.

Нари уставилась на сосуд. Этот, казалось бы, невинный вопрос всегда заставлял что-то внутри болезненно сжиматься. Она машинально подняла взгляд на свое отражение в зеркальце из полированного серебра, водруженном на туалетный столик.

Несмотря на социальную пропасть между шафитами и чистокровными джиннами, вырытую за долгие столетия вражды и подкрепленную законодательно, внешне разница между ними была не так колоссальна, как разница в правах. Да, у чистокровных были заостренные уши и глаза цвета драгоценных металлов, в зависимости от племени. И да, их кожа как будто мерцала – от нее исходило свечение и легкая дымка, напоминающая о горячей чернильной крови,

струящейся по их венам. Шафиты же, в зависимости от наследства и простого везения, в той или иной пропорции сочетали в себе черты джиннов и людей: встречались шафиты с человеческими глазами и идеально острыми ушами, а металлические глаза Агниванши могли принадлежать шафиту с немерцающей кожей.

Но с Нары был особый случай.

На первый взгляд во внешности Нары не наблюдалось *равным счетом ничего* магического. Кончики ее ушей были по-человечески округлы, а кожа обладала матовым землистым оттенком. Да, ее темные глаза были чернее ночи, но ей всегда казалось, что им недостает того глубинного блеска, который отличал взгляд ее соплеменников. Глядя в ее лицо, Дара принял ее за шафитку, в чьих жилах растворилась лишь крохотная капля джиннской крови. И, по всей видимости, ее лицо было обманкой, дымовой завесой, фокусом маридов – во всяком случае, так утверждали преследовавшие ее ифриты, и за это предположение с готовностью ухватился Гасан, чтобы публично признать ее чистокровной Нахидой.

Впрочем, в разговоре с глазу на глаз он завел совсем другую песню. Хотя какое это имело значение. Нары боялась, что никогда до конца не раскроет тайну своего происхождения. А после того как она вышла замуж за Мунтадира, выяснилось, что нетрадиционную внешность Нары нельзя и дальше оставлять без изменений: будущая королева Дэвабада должна и выглядеть соответственно. Поэтому служанки стали укладывать Нары косы таким образом, чтобы те скрывали кончики ее ушей, подмешивать пепел в сурьму, чтобы ее глаза казались темнее... А потом появился горшочек из слоновой кости. В нем содержалась баснословно дорогая, Создатель знает из чего приготовленная, пудра, которая на несколько часов придавала ее коже мерцание, приличествовавшее любому чистокровному джинну.

Иллюзия, пустая трата времени и пыль в глаза. И все это – ради будущей королевы, которая не в состоянии помочь даже своим соплеменникам, когда тех грабят и избивают у нее на глазах. Вдобавок рисовать этот образ приходилось ее служанкам-шафиткам, для которых вопрос чистоты крови предопределил всю дальнейшую жизнь... От этой мысли Нары становилось противно.

– Нет, – выдавила она наконец, стараясь ничем не выдать своего отвращения. – Мне это не нужно.

В дверь постучали, и в комнату вошла Низрин.

Нары застонала.

– Нет. Мне нужен отдых. Не знаю, кто опять пожаловал, но пусть сами себя лечат.

Наставница улыбнулась ей чуть обиженно.

– Пациенты – не единственная причина, по которой я могу навестить тебя. – Она перевела взгляд на служанок. – Вы нас не оставите?

Они молниеносно ретировались, и Низрин подсела к Нары за туалетный столик.

– Хорошо выглядишь, – заметила она. – Какое красивое платье. Новое?

Нары кивнула.

– Подарок от сахрейнской швеи за избавление от серебряной оспы.

– Твой муж не сможет отвести глаз от такой красоты.

– Возможно, – отозвалась Нары, силясь побороть смущение.

Она не вполне понимала, ради чего так старается. Мунтадир взял ее в жены за имя, а не за милую внешность. Его постоянно окружали ослепительно красивые джинны – мужчины и женщины с ангельскими голосами и улыбками, способными сводить смертных с ума. Любые попытки обратить на себя его внимание казались заведомо обреченными на провал.

Низрин метнула взгляд на дверь и поставила перед Нары небольшую серебряную чашу, которую до этого прятала под складками своей шали.

– Я заварила тебе чай.

Нари покосилась на чашу. Бледно-зеленая жидкость источала терпкий травяной запах. Они обе прекрасно понимали, о каком «чае» идет речь – этот чай Нары пила всегда перед посещением Мунтадира.

– До сих пор боюсь, что рано или поздно нас застукают.

Низрин пожала плечами.

– Возможно, Гасан что-то и подозревает, но ты – Нахида и целительница. На этом поприще ему едва ли удастся тебя обскакать. Если ты хочешь выиграть немного времени, то игра стоит свеч.

– В том-то и дело, что выиграю я лишь *немного*.

Гасан пока не наседавал на нее с требованием внуков. Зачатие давалось джиннам тяжело, поэтому никого не удивляло, что у эмира и его супруги до сих пор не появился наследник. Но Нары боялась, что недолго он будет так терпелив.

Похоже, Низрин услышала неуверенность в ее голосе.

– На данный момент этого достаточно, – сказала она, вкладывая чашу ей в руку. – Живи сегодняшним днем.

Нары выпила чай большими глотками, встала и накинула поверх платья халат с капюшоном.

– Мне пора.

Время было раннее, но если она выйдет прямо сейчас, не дожидаясь приказчика Мунтадира, который вызовется проводить ее во дворец, то успеет пробраться туда окольными тропами и хоть несколько минут побыть наедине с собой.

– Не буду тебя задерживать. – Низрин тоже встала из-за столика и устремила на Нары взгляд, полный непоколебимой решимости. – Не теряй веры, госпожа. Ты даже не представляешь, какое светлое будущее ждет тебя впереди.

– Ты всегда это говоришь, – вздохнула Нары. – Завидую твоей уверенности.

– Однажды ты и сама убедишься, – заверила Низрин и замахала на нее руками. – Ну, ступай, ступай. Не обращай на меня внимания.

И Нары ушла, выбрав один из уединенных маршрутов, соединяющих сады гарема с королевскими покоями, расположенными на верхнем этаже дворцового зиккурата, откуда открывался восхитительный вид на Дэвабадское озеро. Здесь проживали все члены семьи Кахтани, за исключением Зейнаб, которая предпочитала гаремные сады.

«Как и Али», – пришла непрощеная и нежеланная мысль. Ей не нравилось вспоминать Али – не нравилось, что даже пять лет спустя она по-прежнему испытывала острую обиду, когда в памяти всплывало то, как принц, которого она считала своим другом, преспокойно заманил их с Дарой в смертельную ловушку. Казалось, этот наивный юноша не мог обвести ее, Нары, вокруг пальца, однако ему это удалось.

А больше всего ей не нравилось то, что, несмотря на все это, в глубине души она все-таки переживала за него. Потому что было ясно как день: вопреки заверениям Кахтани, Али отнюдь не просто «возглавлял гарнизон» на своей исторической родине. Он находился в изгнании, и Нары оставалось только догадываться, насколько серьезными были условия этой ссылки.

Она вышла на просторный балкон, огибающий покои Мунтадира по всей длине. Как и все, что принадлежало Мунтадиру, балкон выглядел сказочно элегантно. Деревянные перила и ставни, увитые зеленью наподобие шпалеры, создавали ощущение, будто ты находишься в саду – даже развернутые шелковые с вышивкой полотна образовывали здесь своеобразный шатер. В жаровне напротив горы расшитых подушек, разложенных под таким углом, чтобы с них открывался лучший вид на озеро, курились благовония.

Только в настоящий момент подушки отнюдь не пустовали. Нары застыла на месте, увидев Джамшида и Мунтадира, сидящих друг напротив друга. Присутствие Джамшида ее не удивило – удивило то, что они жарко о чем-то спорили.

– Скажи отцу вернуть его *обратно!* – говорил Джамшид. – Почему нельзя просто сбросить чертов груз на пляже и развернуть караван?

– Я пытался. – Мунтадир был на грани истерики. – Я умолял его, и знаешь, что он мне сказал? – У него вырвался сдавленный нервный смешок. – *Пойти и сделать наследника моей жене*, если меня так беспокоит мое положение. Мы для него никто. Просто пешки в политических играх, будь они прокляты. А теперь его любимая и самая резвая фигура возвращается.

Нари нахмурилась в недоумении. Игнорируя чувство вины за то, что сует нос в чужие дела – преимущественно перед Джамшидом, которого считала своим другом, а не перед супругом-политиком, который наверняка и сам внедрил пару верных шпионов в ее лазарет, – она на цыпочках подобралась ближе и спряталась в уголок между папоротником в горшке и резной узорчатой ставней.

Она сделала глубокий вдох. Магия дворца была непредсказуемой и мощной. Нары училась потихоньку контролировать ее, но понимала, какой это большой риск. Вне всякого сомнения, пронюхай Гасан о том, что она замышляет, то сурово покарал бы ее за это.

Но иногда стоило пойти на небольшой риск. Нары сосредоточилась на тени у себя под ногами. «*Расту*, – приказала она, притягивая тени ближе и высвобождая свой страх быть обнаруженной. – *Защити меня*».

И тень защитила, накатив и укутав Нары покровом темноты. Вздохнув чуть свободнее, Нары подкралась к ставням и выглянула в деревянные прорези. Мужчины были одни. Джамшид сполз на край подушки и наблюдал за Мунтадиром с нескрываемым беспокойством.

Мунтадир вскочил на ноги. Его трясло.

– Его мать убьет меня. – Он вышагивал по балкону, дергаными жестами теребя бороду. – Аяанле много лет только этого и добивались. Стоит ему вернуться в Дэвабад, как меня найдут с удавкой на шее.

– Этому не бывать, – горячо вставил Джамшид. – Мунтадир, сейчас нужно успокоиться и продумать все... *нет*. – Он перехватил руку ее супруга, когда тот потянулся к бутылке вина на столе. – Прекрати. Этим делу не поможешь.

Мунтадир поверженно улыбнулся.

– Не соглашусь, – протянул он слабым голосом. Казалось, он вот-вот расплчется. – Вино всегда составит компанию, когда ты летишь в пропасть.

– Никто не полетит ни в какую пропасть. – Джамшид усадил Мунтадира на подушки рядом с собой. – *Нет*, – повторил он, когда Мунтадир отвернулся в сторону. – Мунтадир... – Джамшид помедлил, а потом продолжил с опаской: – Путь до Дэвабада неблизкий. И небезопасный. Ты всегда можешь приказать...

Мунтадир отчаянно замотал головой.

– Не могу. Это выше моих сил. – Он закусил губу и с горьким смирением уставился себе под ноги. – Пока – выше. – Он утер глаза и набрал в грудь воздуха, как бы собираясь с силами, перед тем как снова заговорить. – Прости. Я не должен был вываливать это на тебя. Ты и так настрадался из-за политических дрызг нашей семьи.

– Не говори ерунды. – Джамшид коснулся щеки Мунтадира. – Я хочу, чтобы ты всегда рассказывал мне о таких вещах. – Он улыбнулся. – Если честно... все остальные твои друзья – обычные подхалимы, от которых никакого толку.

В ответ на это ее супруг посмеялся.

– Я всегда могу рассчитывать на то, что ты искренне меня отругаешь.

– И не позволю тебе угробить себя. – Ладонь Джамшида переместилась ниже, на скулу Мунтадира. – С тобой ничего не случится, даю слово. Я не позволю. А я невыносимо честен, когда дело касается данного мной слова.

Мунтадир снова засмеялся.

– Это я знаю. – Он снова глубоко вздохнул и вдруг зажмурился, как от резкой боли. Когда он заговорил снова, в его голосе сквозила печаль. – Мне тебя не хватает.

Гримаса исказила лицо Джамшида, хорошее настроение как рукой сняло. Только в этот момент он заметил, где находится его рука, и его взгляд упал на губы ее мужа.

– Извини, – прошептал он. – Я не хотел...

Но он не успел объясниться до конца, потому что в следующую секунду Мунтадир принялся целовать его, целовать с отчаянием, которое чувствовалось и в ответном поцелуе. Джамшид запустил пальцы в темные волосы Мунтадира, притягивая его ближе...

А потом оттолкнул его.

– Не могу, – выпалил Джамшид, задыхаясь и дрожа всем телом. – Прости, не могу. Больше – никогда. Я же все объяснил, когда ты женился. Она моя бану Нахида.

Ошеломленная Нарид сделала шаг назад. Ее шокировали не намеки на прошлую интимную связь между ними – иногда складывалось впечатление, что Мунтадир переспал, без преувеличения, с половиной своих знакомых. Но все его интрижки казались несерьезными: тут – флирт с тем или иным заграничным министром, там – случайная связь с поэтом или танцовщицей.

Но то, что терзало ее супруга в эту минуту, точно нельзя было назвать *несерьезным*. Эмира, который так уверенно усаживал ее к себе на колени в саду, как не бывало. Когда Джамшид отстранился, Мунтадир отшатнулся назад, как от удара. Казалось, он из последних сил сдерживает слезы. Нарид стало его жалко. Она как-то особенно отчетливо осознала, что за внешне привлекательными атрибутами власти и королевским лоском кроется трагическое одиночество, на которое их всех обрек этот дворец.

Мунтадир устался себе под ноги.

– Конечно, – проговорил он, силясь взять себя в руки. – Я думаю, тебе лучше уйти, – добавил он сдавленно. – Скоро придет она. Не хотелось бы ставить тебя в неловкое положение.

Джамшид вздохнул и медленно поднялся на ноги. Опираясь на трость, он безропотно посмотрел сверху вниз на Мунтадира.

– Тебе так и не удалось освободить тех Дэвов, про которых мы с Нарид тебе рассказывали?

– Нет, – ответил Мунтадир еще более сухим тоном, чем в разговоре с Нарид на ту же тему. – Крайне сложно отпустить на свободу тех, кто виновен во вменяемом им преступлении.

– Так обсуждать последствия нового экономического курса твоего отца в общественном месте уже стало преступлением?

Мунтадир вскинул голову.

– В Дэвабаде и без того сейчас беспокойно. Ни к чему пускать новую волну слухов. Это скверно влияет на общественные настроения и подрывает веру народа в своего короля.

– Равно как и самовольные аресты джиннов, чье имущество и владения можно конфисковать в пользу королевской казны. – Джамшид сузил глаза. – И под «джиннами» я, конечно, имею в виду Дэвов. Все прекрасно понимают, что остальные племена не страдают от подобной дискриминации.

Мунтадир замотал головой.

– Отец пытается сохранить мир, Джамшид. Давай не будем делать вид, что твой народ так уж облегчает ему задачу.

Джамшид разочарованно поджал губы.

– Это не ты, Мунтадир. И раз уж мы выяснили, что только я честен с тобой... Имей в виду: ты ступил на ту же кривую дорожку, которая, по твоим же словам, и испортила твоего отца. – Он отвернулся. – Передавай от меня привет Нарид.

– *Джамшид*...

Но Джамшид уже ушел, направляясь прямо туда, где пряталась в тени Нарид. Она поспешно отбежала к лестнице, решив сделать вид, что только что пришла.

– Джемшид! – воскликнула она с поддельной радостью. – Какой приятный сюрприз!
Он с трудом выдавил улыбку, которая не коснулась его глаз.

– Бану Нахида, – приветствовал он хрипловатым голосом. – Мои извинения. Я не хотел помешать вашему вечеру.

– Все в порядке, – сказала она ласково, с болью разглядывая его лицо, в котором так явно читались душевные муки.

Мунтадир не смотрел в их сторону. От отошел в дальний конец балкона, фокусируя взгляд на мерцании далеких огоньков простертого внизу города. Нари положила руку Джемшиду на плечо.

– Приходи ко мне завтра. Я приготовила новые припарки, которые хочу использовать для твоей спины.

Он кивнул.

– Завтра. – И он обошел ее стороной, скрывшись в глубине дворца.

Нари сделала несколько неуверенных шагов навстречу Мунтадиру.

– Мир твоему дому, – сказала она мужу. – Если ты хочешь побыть один...

– Не говори глупости.

Он обернулся. Нужно отдать ему должное, несмотря на некоторую бледность, в лице Мунтадира уже не угадывалось тех эмоций, которые обуревали его меньше минуты назад. Видимо, за несколько десятилетий при дворе и не такому научишься.

– Извини. – Он прочистил горло. – Не ждал тебя так рано.

Оно и видно. Нары пожала плечами.

– Я рано освободилась.

Мунтадир кивнул.

– Я могу позвать слуг, – предложил он, пересекая балкон. – Пусть вынесут нам ужин.

Нари перехватила его запястье.

– Почему бы тебе не присесть? – ненавязчиво попросила она. – Я не голодна и подумала, мы с тобой могли бы просто поговорить для начала.

Как только они опустились на подушки, Мунтадир потянулся к вину.

– Выпьешь? – предложил он, до краев наполняя свой кубок.

Нари следила за каждым его движением. В отличие от Джемшида, ей было неловко отбирать у него вино.

– Нет... но спасибо.

Он залпом осушил больше половины кубка и сразу долил себе еще.

– У тебя все в порядке? – рискнула спросить она. – Твоя встреча с отцом...

Мунтадир поморщился.

– Мы можем поговорить о чем-нибудь другом? Хотя бы для начала?

Нари задумалась. Ей было безумно интересно узнать, что за разговор состоялся у них с Гасаном и почему это привело к ссоре с Джемшидом, но, возможно, перемена темы отвлечет его от упаднических мыслей.

И у нее как раз была одна такая тема, которую ей не терпелось обсудить.

– Как скажешь. Кстати, сразу после твоего ухода я встретила в саду одного крайне любопытного персонажа. Шафита с дыркой в черепе.

Мунтадир закашлялся, подставляя ладонь под фонтан винных брызг.

– Ты нашла в саду *мертвого шафита*?

– Живого, – с удовольствием уточнила Нары. – И в остальном более чем здорового. Он сказал, что хирург провел на нем операцию и спас его от верной смерти. И этим хирургом был *шафит*, Мунтадир! – В ее словах сквозило восхищение. – Достаточно опытный, чтобы просверлить мужчине дырку в черепе, зашить эту дырку и сохранить ему жизнь. И выполнить

все это *безупречно!* Только там, где костная ткань еще не затянулась, на ощупь показалось мягковато, но в остальном...

Мунтадир поднял руку с таким видом, как будто его затошнило.

– Я могу обойтись без таких подробностей. – Он покосился на рубиновое вино, скорчил брезгливую гримасу и отставил напиток. – И что с того?

– *Что с того?* – воскликнула Нари. – Хирург, способный на такое, обладает выдающимся талантом! Возможно, он даже обучался врачебному искусству в мире людей. Я уговорила шафита назвать мне имя этого врача и адрес его практики.

– Но зачем тебе это знать? – недоумевал Мунтадир.

– Затем, что я хочу найти его. Во-первых... я – бану Нахида. Хочу удостовериться, что он настоящий врач, а не какой-нибудь... шарлатан, пользующийся отчаянным положением шафитов. – Нари прочистила горло. – И кроме того, я просто хочу с ним встретиться. Он мог бы оказаться хорошим союзником. В конце концов, я по сей день нахожу применение многому из того, чему научил меня Якуб.

Мунтадир окончательно потерял нить ее рассуждений.

– Якуб?

У Нари внутри все поджалось. Она и так не привыкла ни с кем обсуждать свои увлечения и дорогие сердцу воспоминания, а растерянность Мунтадира не делала этот разговор легче.

– Это аптекарь, у которого я работала в Каире, Мунтадир. Старик. Мой друг. Я уже рассказывала тебе о нем.

Мунтадир нахмурился.

– Так ты хочешь отправиться на поиски этого врача-шафита потому, что когда ты жила среди людей, у тебя был друг – аптекарь?

Нари сделала глубокий вдох: сейчас или никогда. Возможно, момент она выбрала и не самый удачный, но ведь Мунтадир сам просил ее быть с ним откровеннее, и в эту минуту ее сердце так и рвалось из груди.

– Я хочу попробовать... может, нам удастся работать сообща... Мунтадир, быть единственной целительницей здесь так тяжело, – созналась она. – Мне *одиноко*. Я загибаюсь под грузом ответственности. Бывают дни, когда мне не удается сомкнуть глаз, у меня пропадает аппетит... – Она перевела дыхание, чтобы обуздать эмоции, захлестнувшие ее речь. – Я думала... больница Нахид... – Спотыкаясь о слова, она попыталась выразить все фантазии, роящиеся у нее в голове с того дня, как она попала в полуразрушенное здание. – Я все думаю: вдруг у нас получится восстановить ее? Пригласить туда на работу врача-шафита, вдвоем принимать с ним пациентов...

У Мунтадира округлились глаза.

– Ты хочешь *восстановить* больницу?

От его испуганно-шокированного выражения лица Нари непроизвольно съезжилась.

– Ты же... ты сам сказал, что я могу открыться тебе, поговорить с тобой...

– Да, но я имел в виду о чем-то *реальном*. Если ты захочешь представить ко двору еще одного Дэва или принять участие в приготовлениях к Навасатему – пожалуйста. Но то, что предлагаешь ты... – Он как будто не мог оправиться от шока. – Зейнаб рассказала, что здание лежит в руинах. Ты хоть представляешь себе, сколько затрат и сил придется бросить на восстановление?

– Понимаю, но я думала...

Мунтадир встал и стал нервно расхаживать из стороны в сторону.

– И потом, работать бок о бок с *шафитом*? – презрительно процедил он последнее слово. – Исключено. Отец ни за что этого не допустит. Лучше тебе вообще не искать встречи с этим врачом. Пойми, что он нарушает закон.

– Нарушает закон? С каких пор спасение жизней нарушает закон?

– Шафиты... – Мунтадир пристыженно потер загривок. – То есть... они не... *Мы* не должны своими действиями... способствовать росту численности шафитского населения.

Нари на секунду лишилась дара речи от потрясения.

– Умоляю, скажи, что ты так не считаешь, – попросила она, уповая на то, что ослышалась, что только вообразила себе неприязнь в его голосе. – Ты – Кахтани. Твои предки свергли – *вырезали* – моих предков под эгидой помощи шафитам.

– Это было давно. – Мунтадир посмотрел на нее с мольбой во взгляде. – Да и шафиты – вовсе не такие невинные овечки, как тебе кажется. Они ненавидят Дэвов. *Тебя* ненавидят.

– За что им меня-то ненавидеть? – взъелась Нары. – Я выросла среди людей!

– А сюда заявила рука об руку с джинном, который прославился тем, что с помощью бича определял цвет крови своих собратьев, – напомнил Мунтадир. – Нравится тебе это или нет, Нары, но у них о тебе сложилось весьма определенное мнение.

Нары поморщилась, но не стала заострять на этом внимание. Разговор и без того принял скверный оборот – не было нужды приплетать сюда еще и ее несчастного Афшина и его жестокие преступления.

– Я не имела ни малейшего отношения к событиям в Кви-Цзы, – попыталась оправдаться она. – Ни я, ни вообще кто-либо из ныне живущих.

– А это неважно. – Мунтадир наградил ее увещательным взглядом. – Нары, Дэвов и шафитов связывает долгая, полная вражды, история. Это же можно сказать и про *подавляющее* большинство чистокровных джиннов. Ты не понимаешь, как сильно они нас ненавидят.

– А ты понимаешь? Да ты небось за всю свою жизнь не общался ни с одним шафитом!

– Это правда, зато я видел, как они контрабандой провозят к нам в город человеческое оружие, надеясь учинить очередные беспорядки. Я слышал, как их идеологи перед самой казнью плюются, как ядом, грязной клеветой и угрозами в адрес *твоего* народа. – Странная тень промелькнула на его лице. – И, уж поверь мне на слово, мне прекрасно известно, как они изобретательны, когда хотят переманить кого-то на свою сторону.

Нары промолчала. Ей стало противно – и отнюдь не из-за напоминания о том, что ей и остальным Дэвам угрожает опасность.

А из-за внезапного осознания, что ее супруг – Кахтани, который, казалось бы, никогда не придавал значения вопросам о чистоте крови, – похоже, разделял худшие предрассудки ее соплеменников. Нары до сих пор не понимала, почему Гасан, лишь взглянув на нее, сразу понял, что она и Нахида и шафитка *одновременно*, но сам король утверждал, что такую способность даровало ему обладание Сулеймановой печатью.

И однажды эта печать перейдет к Мунтадиру. Он наденет перстень и увидит истинное лицо женщины, на которой женился.

Ее сердце пропустило удар.

– Твои предложения кажутся мне нерациональными с политической точки зрения, Мунтадир, – сказала она, тщательно подбирая слова. – Если ситуация уже так накалилась, не разумнее ли попробовать найти с шафитами общий язык? Нас соединили узами брака, чтобы мы стали символом мира между Гезири и Дэвами. Так же можно решить и вопрос с полукровками.

Мунтадир покачал головой.

– Так не получится. Я сочувствую шафитам, правда. Но этот конфликт разрастался как снежный ком в течение долгих поколений. А то, что предлагаешь ты, – слишком опасно.

Нары понурила голову. Перед глазами оказался драгоценный воротник красивого нового платья, и она поплотнее завернулась в халат, пряча украшение. Сейчас она чувствовала себя ужасно глупо.

«*Он никогда не станет мне настоящим союзником*», – снизошло на нее откровение. В памяти всплыл и отказ Мунтадира решать вопрос с преследованием шафитов, и обвинения Джамшида. Как ни странно, Нары не могла даже возненавидеть его за это. Гасан и ее оставил в

дураках, а она не была ему родным сыном. Она своими глазами видела, как Мунтадир страдал из-за Джамшида, видела и искреннее сочувствие, когда он завел разговор о тяжелом положении шафитов, а потом резко свел его на нет.

Но Гасан еще не полностью взял над ней верх. И Нари не готова была сдаваться – она и так поступила слишком многим. И ничего, что на этом поле боя она совсем одна.

Мунтадир заметил перемену в ее лице.

– Я не говорю окончательное «нет», – быстро добавил он. – Но сейчас неудачный момент, чтобы строить такие грандиозные планы.

Нари заскрежетала зубами.

– Из-за Навасатема?

Если он что-нибудь еще свалит на этот дурацкий праздник, она точно что-нибудь здесь подожжет.

Мунтадир покачал головой.

– Нет, не из-за Навасатема. Из-за того, зачем отец вызывал меня сегодня к себе. – На его скулах заходили желваки, и он устремил взгляд на озеро, в черной глади которого отражалась россыпь звезд. – Мой брат возвращается в Дэвабад.

7

Дара

Дара изучал наколдованную им дымчатую карту Дэвабада, при помощи пальцев вращая ее в разные стороны, и думал.

– *Допустим*, мы нашли проход через завесу и пересекли озеро. Перед нами встает следующая проблема: как мы проникнем непосредственно в город. – Он обвел взглядом свой отряд. Воинов в поход он отбирал тщательно – перед ним стояла десятка самых толковых ребят, каждый из которых в будущем мог претендовать на позицию лидера. – Какие будут предложения?

Иртемида обошла карту кругом, как охотник – жертву.

– Штурмовать стены?

Дара отрицательно покачал головой.

– Через эти стены нельзя ни перелезть, ни сделать под ними подкоп – так их возвела сама Анахида, будь она вечно благословенна.

Тут подал голос Мардоний, кивая на городские ворота.

– Ворота обороняются слабо. Гвардия высматривает суда, пересекающие озеро, и не обратит внимания на солдат, выходящих на берег прямо из-под воды. Мы могли бы прорвать их оборону.

– Чтобы оказаться посреди Большого базара? – напомнил Дара.

В глазах Мардония сверкнула ненависть.

– А что такого? – Он провел рукой по иссеченному шрамами лицу, по рябой коже, узнавшей прикосновение «огня Руми». – Я не прочь поквитаться хотя бы за малую долю того, что с нами сделали шафиты.

– Мечь не входит в наши планы, – сказал Дара с укором. – Сейчас мы с вами продумываем стратегию. Поэтому, прошу вас, включите мозг. Большой базар всего в нескольких кварталах от Цитадели. – Он указал на башню, построенную на насыпи близ латунных городских стен, которая нависала над самым базаром. – Глазом моргнуть не успеете, как нас окружат сотни – нет, тысячи гвардейцев. От нас не останется мокрого места, и мы не успеем даже добраться до дворца.

Следующим высказался Бахрам, еще один выживший из Бригады Дэвов.

– Мы можем разделиться, – предложил он. – Половина останется у ворот и отвлечет стражу, а ты проведешь барышню и остальных ребят во дворец.

Он изложил свой план с такой простотой, что у Дары по спине пошли мурашки.

– Для тех, кто останется у ворот, это будет верная смерть.

Бахрам встретился с ним взглядом. В его глазах сверкал огонь.

– Каждый из нас готов на эту жертву.

Дара обвел отряд взглядом. Он ни минуты не сомневался, что Бахрам прав. Лица юных воинов были полны решимости и отваги. Ему бы радоваться: он вложил всего себя в их подготовку и сейчас мог гордиться тем, что идет в бой бок о бок с такими воинами.

Но, силы Создателя, он уже сражался бок о бок со многими юношами, не менее решительными и отважными. А потом забирал их тела с поля боя, предавая их огню как павших смертью храбрых в войне, которой, как ему начинало казаться, не будет ни конца ни края.

Дара вздохнул. *Этой* войне будет положен конец. Дара лично об этом позаботится. Но в то же время он постарается уберечь вверенных ему ребят.

– Это выиграет нам лишь кратковременную отсрочку. Сначала они убьют вас, потом настигнут нас и не дадут нам дойти до конца.

– Может, гули? – предложил кто-то. – Ифриты ведь теперь на нашей стороне. А один из них как раз хвастался, что может призвать целую армию гулей. Который тощий.

Когда Дара услышал об ифрите, к которому давно питал особую, перетекающую в запретную, неприязнь, его так и перекосило. А напоминание о злосчастных гулях и о том, что теперь они с ифритами действительно союзники, только подлило масла в огонь. И это не говоря уже о том, что когда-то Визареш – тот самый худощавый ифрит – угрожал Нари «стереть ее душу в прах» за то, что через кровь та отравила его брата... И Дара еще не скоро выбросит из головы эту его угрозу.

– Не желаю видеть этих мерзких отродий в моем городе, – отрезал он.

Иртемида ухмыльнулась:

– Гулей или ифритов?

Дара хмыкнул. Ко всем своим воинам он относился как к членам семьи, но с Иртемидой чувствовал особое родство. Под чутким руководством Дары она оттачивала до совершенства свои навыки стрельбы из лука и умудрялась не терять чувства юмора даже во время самых изнурительных тренировок.

– Обоих, – ответил Дара, после чего снова показал на карту. – Предлагаю вам все обдумать и обсудить между собой, пока я буду в отъезде.

Дара не разделял уверенности Манижи в том, что в результате таинственной встречи между Аэшмой и маридами они получают возможность пройти через магическую завесу, оберегающую Дэвабад, но готовыми нужно было быть к любому исходу.

– Нам продолжать занятия с Абу Саифом?

Дара обдумал вопрос. Абу Саиф согласился посостязаться с его солдатами в фехтовании... Впрочем, «согласился» не вполне соответствовало действительности. Просто Дара пригрозил до смерти бичевать второго, молодого и невыносимо назойливого Гезири, если старший станет упираться. В предстоящей битве за Дэвабад враг будет вооружен зульфикарами, и в лице двух пленных скаутов Гезири Дэвам выпал редкий шанс – набраться опыта в состязаниях с реальными фехтовальщиками на таких мечях. Даре претило прибегать к столь мрачным угрозам, однако он пошел бы буквально на все, чтобы как можно лучше подготовить своих бойцов к битве.

Но только под его присмотром. Он боялся, что в его отсутствие Гезири могут выкинуть какое-нибудь коленце.

– Нет. Я не хочу, чтобы с них даже на минуту снимали оковы, – жестом он дал понять, что собрание окончено. – Можете идти. Перед отъездом я поужинаю вместе со всеми.

Все разошлись, и Дара взмахнул рукой, рассеивая карту в воздухе. На глазах здания обрушились, растеклись дымной волной. Пал и миниатюрный дворец, а башня Цитадели завалилась на стену и рассеялась в воздухе.

Дара замер. Он щелкнул пальцами, снова вылепивая башню из дыма, и снова обрушил ее. Башня была такой высокой, что, падая, ее верхняя часть задевала стену, подминая под себя, пуская трещину и в сердце самой Цитадели, и открывая ход в город.

Такая магия мне не под силу. Манижа считала его неуязвимым, но Дара постепенно убеждался, что старые сказки о немыслимом могуществе их предков в досулеймановы времена слегка приукрашивали действительность. Он готов погибнуть в битве за свой город, но исчерпать внутренний запас магии в самом начале вторжения было бы слишком безответственно.

Он решил придержать эту идею в уме и подошел к большому ковру, скрученному в рулон в углу комнаты. Дара несколько лет не садился на ковер-самолет – последний раз он поднимался в воздух, когда они с Нари летели в Дэвабад. Он провел рукой по всей длине полотна.

Я обязательно найду способ вернуться к тебе. Обещаю.

Но прежде Даре была назначена встреча с самим дьяволом.

Вместе с Манижей они полетели на восток. От пейзажа, раскинувшегося внизу как гигантское полотнище мягкого шелка, захватывало дух, изумрудные холмы и серые суходолы сменяли друг друга, исчерченные темно-синими венами извилистых рек и ручьев. Видя такую красоту, Дара впервые за долгое время чувствовал умиротворение. Хайзур – пери, который когда-то выходил тяжело раненного Дару, – учил его ценить такие минуты, когда хочется забыться и раствориться в безмятежной прелести природы. Но этот урок усваивался им с трудом. Дара тогда только вернулся с того света и сразу по пробуждении узнал, что все, бывшее ему знакомо, погибло четырнадцать веков назад, а в памяти своего народа он остался лишь воспоминаниями о пролитой им крови.

За одним исключением. Ковер летел, рассекая воздух, и Дара не мог не думать о первых днях, проведенных с Нари, – тех самых днях, когда начал прикладываться к бутылке. Одно ее существование виделось Даре вопиющим кощунством – она была ходячим доказательством того, что кто-то из благословенных Нахид нарушил священные обеты и возлег с человеком. Ну а то, что она оказалась еще и ловкой воровкой, которая врет, как дышит, лишь подтверждало все нелицеприятные стереотипы о шафитах, известные Даре.

Но потом... она стала для него чем-то большим. С ней он чувствовал себя невероятно свободным – с ней он был не славным Афшином и не презренным Бичом, а просто мужчиной, которому позволено флиртовать и обмениваться остротами с умной и красивой женщиной, и упиваться учащенным биением омертвевшего сердца, вызванным ее манящей лукавой улыбкой. Все потому, что Нари *не знала* их истории. Она была первой собеседницей Дары за много-много веков, ничего не знавшей о его прошлом – и благодаря этому он сам смог оставить прошлое в прошлом.

Он понимал, что это безнадежное увлечение, понимал, что оно ни к чему не приведет, и все же до последнего пытался скрыть от нее самое страшное – и об этой своей скрытности он до сих пор сожалел. Если бы он был честен с Нари и сразу во всем сознался, если бы дал ей шанс самой сделать выбор... как знать, может, она сама согласилась бы бежать вместе с ним из Дэвабада, и ему не пришлось бы приставлять кинжал к горлу Ализейда аль-Кахтани.

Впрочем, какое это теперь имело значение? Той ночью на борту Нари своими глазами видела, что Дара представляет на самом деле.

– Ты в порядке?

Вздвигнув от неожиданности, Дара поднял глаза и заметил, что Манижа наблюдает за ним с понимающим выражением на лице.

– У тебя такой вид, словно ты размышляешь о чем-то очень серьезном.

Дара выдавил улыбку.

– Ты напоминаешь мне своих предков, – сказал он, уклонившись от ответа. – Когда я был маленьким, мне казалось, вы умеете читать мысли.

Манижа засмеялась – она редко смеялась.

– Ну уж, это выдумки. Но когда пару столетий прислушиваешься к каждому удару каждого сердца, чувствуешь приливы крови к коже и слышишь каждый вздох вокруг, учишься читать окружающих. – Она вонзила в него внимательный взгляд. – Я повторяю вопрос.

Дара поежился. На первый взгляд между Манижей и ее дочерью не наблюдалось особого сходства. Манижа была пониже ростом, миниатюрнее – в этом она сильно напоминала ему собственную мать, которая могла и обедом накормить полсотни дэвов, а могла и ложку сломать об колено, чтобы заколоть врага. Но вот глаза Манижи, такие пронзительные и черные, с внешними уголками, опущенными чуть вниз, – это были глаза Нари. И когда в них загоралась решимость, это действовало на Дару безотказно.

– Я в порядке. – Дара взмахом руки обвел пейзаж внизу. – Любуюсь.

– Действительно, красиво, – согласилась Манижа. – Напоминает мне о Зариаспе. Мы с Рустамом всегда проводили лето у Прамухов, когда были детьми. То были самые счастливые

дни моей жизни, – продолжила она с мечтательной грустью. – Мы резвились без устали, лазили по горам, катались на симургах наперегонки, экспериментировали со всеми запретными растениями и травками, которые нам удавалось найти. – Она печально улыбнулась. – Большой свободой мы так и не узнали за всю нашу жизнь.

Дара склонил голову набок.

– Выходит, вам повезло, что у вас не было Афшинов. То, что ты описываешь, звучит крайне опасно. Мы бы никогда вам этого не позволили.

Манижа снова засмеялась.

– Да, никакие легендарные телохранители не портили нам веселье, а Прамухи охотно соглашались предоставлять нас самим себе, когда мы брали с собой Каве. Кажется, они не понимали, что он был таким же сорванцом, как и мы. – Заметив недоверчивую мину Дары, она покачала головой. – Пусть репутация уважаемого старшего визиря не вводит тебя в заблуждение. Когда мы познакомились, он был чумазым деревенским мальчишкой, для которого сбежать из дома и отправиться на поиски огненных саламандр было проще, чем уследить за парочкой непоседливых Нахид. – Она поглядела вдаль, и огонек в ее глазах померк. – Когда мы стали старше, нам запретили так часто навещать в Зарияспу. А я так по нему скучала.

– Полагаю, он тоже скучал, – осторожно сказал Дара. Он заметил, как поглядывает на Манижу Каве, да и в лагере ни для кого не было секретом, что их гость так ни разу и не ночевал в шатре, который разбили специально к его приезду. Это и убедило Дару: похоже, у чопорного визиря действительно были свои секреты. – Я удивлен, что ты не пригласила его с нами.

– Ни в коем случае, – ответила она незамедлительно. – Не хочу, чтобы ифриты знали о нем ничего лишнего.

То, с каким пылом она это сказала, насторожило Дару.

– Почему?

– Ты готов умереть за мою дочь, Дараявахауш?

Вопрос удивил его, но ответ на него легко сорвался с губ.

– Да. Конечно.

Манижа посмотрела на него пронизательным взглядом.

– Но позволишь ли ты ей умереть за тебя? Страдать из-за тебя?

Она уже настрадалась из-за меня.

– Я сделаю все, от меня зависящее, чтобы этого не допустить, – тихо ответил Дара.

– Вот именно. Привязанность для таких, как мы с тобой, – слабое место. Наши слабые места не должны знать те, кто хочет навредить нам. Угроза любимым – самый эффективный способ добиться своего, намного эффективнее пыток.

Эти слова были произнесены с такой ледяной уверенностью, что у Дары по спине пробежали мурашки.

– Ты говоришь так, как будто судишь по личному опыту, – рискнул он.

– Я очень любила своего брата, – сказала она, глядя вдаль. – Кахтани не позволяли мне забыть об этом. – Она опустила взгляд и принялась разглядывать руки. – Признаюсь, мое стремление назначить осаду на время Навасатема имеет под собой и личный мотив.

– Какой же?

– Свой последний Навасатем Рустам провел в темнице. Я тогда вышла из себя, ляпнула что-то неблагоприятное отцу Гасана. Хадеру. – Имя слетело с ее губ точно проклятие. – Еще больший деспот, чем его сын. Даже не помню, что именно сказала тогда. Наверняка что-то пустяковое – ну чем может обидеть сердитая молодая женщина? Но Хадер воспринял мои слова как угрозу. Моего брата схватили прямо в лазарете и бросили в каморку, куда не проникал даже дневной свет, где-то в дворцовых подземельях. Говорят... – Она прочистила горло. – Говорят, тела погибших в подземельях никогда не выносят оттуда. И ты валяешься там, среди трупов. – Она помолчала. – Рустам провел там весь Навасатем, целый месяц. Несколько недель

после этого он не мог вымолвить ни слова. И даже много лет спустя... лампы в его комнате должны были гореть всю ночь, иначе он не мог заснуть.

Даре стало жутко от ее рассказа. Невольно он вспомнил о судьбе своей сестры.

– Мне жаль, – сказал он робко.

– Мне тоже. Но с той поры я усвоила, что безвестность – лучшая защита для моих близких. – Ее губы искривила горькая усмешка. – Впрочем, у безвестности есть свои трагические недостатки.

Он помолчал. Но кое-что из сказанного Манижей он просто не мог оставить без внимания.

– Ты не доверяешь ифритам? – спросил он. Дара не единожды высказывал свое более чем категоричное мнение об этих созданиях, но Манижа и слышать ничего не хотела. – Я думал, ты считаешь их своими союзниками.

– Ифриты – это средство для достижения цели. Мое доверие еще нужно заслужить. – Она откинулась назад, упираясь ладонями в ковер. – Каве мне дорог. Нельзя, чтобы об этом знали ифриты.

– Насчет твоей дочери... – Что-то сдавило ему горло. – Я сказал, что умру за нее, но надеюсь, ты понимаешь, что я готов отдать свою жизнь за каждого Нахида. Дело не в том, что я... – Он смутился. – Я бы не вышел за рамки дозволенного.

В глазах Манижи зажегся озорной огонек.

– Сколько лет тебе было, Афшин, когда ты умер? В первый раз, я имею в виду?

Дара напряг память.

– Тридцать? – Он пожал плечами. – Это было так давно, да и последние годы выдались напряженными. Я точно не помню.

– Так я и думала.

– Не понимаю.

Она криво усмехнулась.

– Иногда ты изъясняешься как юноша, не разменявший даже половины века. Мы ведь уже выяснили... Я Нахида, и мне подвластно то, что ты сравнил с чтением мыслей.

Жарко запылавшие щеки, учащенное сердцебиение... теперь понятно, какие сигналы имела в виду Манижа.

Тем временем она прикрыла глаза ладонью.

– А вот, кажется, и озеро, где у нас назначена встреча с Аэшмой. Можешь снижаться.

Он снова покраснел.

– Бану Манижа, пожалуйста, знай...

Она посмотрела ему прямо в глаза.

– Твои симпатии принадлежат только тебе, Афшин. – Она посуровела. – Но не позволяй им стать твоими слабостями. Во всех смыслах этого слова.

От стыда он мог только кивнуть. Дара поднял руку, и ковер накренился вперед, набирая скорость по направлению к отдаленному островку лазурно-голубого блеска. Вода в огромном озере, размером приближавшемся к морю, сверкала ярким аквамарином, как в тропическом океане, странно контрастируя с заснеженными горами, охватившими в кольцо его берега.

– Озеро Оссоун, – сказала Манижа. – По словам Аэшмы, уже на протяжении тысячелетий марида считают его священным.

Дара опасливо окинул озеро взглядом.

– Я не полечу на ковре над таким массивом воды.

– Нет такой необходимости. – Манижа указала на тонкий столбик дыма, поднимающийся со стороны восточного берега озера. – Похоже, это он.

Подлетая ближе, они пронесли над красными утесами и узким заболоченным пляжем... Озеро оказалось изумительным по красоте. Шеренги вечнозеленых деревьев выстрои-

лись, как сторожа, на склонах гор и вдоль цветущих долин. По светлому небу были размазаны бледные облака, высоко у них над головами кружил сокол. В воздухе пахло свежестью и навевало мысли о холодных рассветных часах, проведенных вокруг костра с ароматом соснового дыма.

В сердце защемила тоска. Даже живя в столице, Дара всегда отдавал предпочтение дикой природе, чистому небу и захватывающим дух пейзажам. Хотелось вскочить на коня, прихватить лук и ускакать в этот простор, ночевать под россыпью звезд и исследовать руины канувших в Лету городов.

Впереди на пляже горел костер. Языки пламени вылизывали воздух с каким-то зловещим энтузиазмом.

Дара принюхался к запаху старой крови и железа.

– Аэшма. Он рядом. – Под воротником у него за клубился дымок. – Я чувю эту жуткую булаву, с которой он никогда не расстается, испачканную в крови нашего народа.

– Не хочешь ли ты принять свой естественный облик?

Дара нахмурился.

– Это и есть мой естественный облик.

Манижа вздохнула.

– Нет, ты и сам это прекрасно понимаешь. Теперь это не так. Ифриты предупреждали, что твоя магия слишком мощна для этого тела. – Она похлопала его по руке с клеймом – светло-коричневой руке, которая сейчас не была охвачена огнем. – Ты ослаблен.

Их ковер опустился на песок. Дара не ответил, но и облик не изменил. Изменит, когда – если – объявится марид.

– А, вот и вы, союзники минувших лет.

Заслышав голос Аэшмы, Дара потянулся к длинному кинжалу, заткнутому за пояс. Костер выплюнул искры, и ифрит вышел им навстречу, обнажая в ухмылке черные клыки.

От этой улыбки Даре стало не по себе. Именно так теперь выглядел и он после каждого перехода: ярко-огненная кожа, золотые глаза, когтистые пальцы... Точная копия демонов, заключивших его в рабство. И то, что так выглядели все его предки до проклятия Сулеймана, ничуть не утешало, ведь не ухмылку предков он видел перед собой в последний момент перед тем, как зловонные колодезные воды сомкнулись у него над головой.

Аэшма вальяжно подошел. Он заулыбался шире, словно чувял недовольство Дары. Возможно, так и было – не то чтобы Дара скрывал свое к нему отношение. На одно плечо ифрит вскинул свою булаву – металлический молот примитивной формы, утыканный шипами. Аэшме явно нравилось, как его оружие действует на Дару, и не упускал случая напомнить тому о временах, когда булава была омыта кровью Нахид и Афшинов.

Союзник. Дара покрепче стиснул рукоять кинжала.

– Это кинжал? – Аэшма разочарованно поцокал языком. – Ты ведь можешь призвать смерч и отшвырнуть меня на противоположный берег, если только откажешься от этого беспомощного туловища, – в его глазах появился жестокий блеск. – Да и потом, если уж хвататься за оружие, всем хотелось бы оценить твой знаменитый бич.

Воздух накалился, и Манижа выставила между ними руку.

– *Афшин*, – осадил она, после чего обратила свое внимание к Аэшме: – Я получила твой сигнал, Аэшма. Что ты слышал?

– Все то же: шепот и предощущения, которые начались сразу после того, как ты вернула Бича к жизни, – ответил ифрит. – Мои товарищи выжгли все известные им места обитания маридов, но ответа не дождались. Однако возникло новое обстоятельство... – Он взял паузу, наслаждаясь вниманием. – Пери спустились с облаков, чтобы исполнить свою песнь предостережения и пустить ее по ветру. В ней поется, что марида преступили черту, нарушили уговор

и должны понести ответственность – а наказание им назначит существо низшего ранга, перед которым у них кровный долг.

Дара таращился на ифрита во все глаза.

– Ты что, пьян?

Аэшма усмехнулся, сверкнув клыками.

– Ах, извини. Я забыл, что в разговоре с тобой нужно подбирать выражения попроще. –

Он стал говорить медленнее, издевательски растягивая каждое слово. – Марида убили тебя, Афшин. Перед тобой у них кровный долг.

Дара замотал головой.

– Может, без их участия и не обошлось, но кинжал был в руках у джинна.

– И что? – вмешалась Манижа. – Вспомни, что ты рассказывал мне о той ночи. Неужели ты всерьез веришь, что какой-то малолетний Кахтани способен зарезать тебя без посторонней помощи?

Дара задумался. Его стрелы пронзили принцу горло и легкие прямо перед тем, как тот рухнул за борт, в пучину проклятого озера. Ализейд должен был быть дважды мертв, однако он взобрался обратно на борт с видом какого-то озерного мстителя.

– В таком случае, что имеется в виду под «кровным долгом»? – спросил он.

Аэшма пожал плечами.

– Марида – твои должники. Что очень кстати, учитывая, что тебе нужно проникнуть в их озеро.

– Это не «их» озеро. Это наше озеро.

Манижа положила руку Даре на запястье, а Аэшма только закатил глаза.

– Когда-то озеро принадлежало им, – объяснила она. – Марида помогли Анахиде построить Дэвабад. Тебе должно быть об этом известно. Считается, что драгоценные камни, которыми вымощен двор у Великого храма, были приняты в дар от марида.

В школе Афшины не штудировали от и до историю своего народа, однако легенду о камнях слышал даже Дара.

– И как это поможет мне пройти через завесу?

– Забудь про завесу, – сказал Аэшма. – Задумайся, как водные твари путешествуют по горам и пустыням? Они перемещаются в природных водах... И давным-давно марида обучили этому искусству твоих Нахид. – В его глазах сверкнула ненависть. – И это существенно облегчило им охоту на *мой* народ. Мы к пруду лишний раз не рисковали подойти из страха, что очередной Нахид-кровоотравитель вынырнет из глубины.

– Это безумие, – заявил Дара. – Ты предлагаешь мне выдвигать условия маридам – *маридам*, которые способны превратить речное русло в змея размером с горную цепь – на основании неких песен пери и мифах о какой-то особой магии, которую ни я, ни Манижа никогда не наблюдали воочию? – Он подозрительно прищурился. – Ты просто хочешь нам смерти, не так ли?

– Если бы я хотел твоей смерти, Афшин, я выбрал бы метод попроще, уж поверь, и мне не пришлось бы терпеть твое общество, – отвечал Аэшма. – Ты должен радоваться! Ты можешь отомстить убившим тебя маридам за собственную смерть. Ты станешь их Сулейманом!

Такое сравнение мгновенно остудило пыл Дары, и гнев сменился ужасом.

– Я не Сулейман, – выпалил он, отказываясь соглашаться с этими словами и покрываясь гусиной кожей от подобного святотатства. – Сулейман был пророком. Этот человек написал наши законы, даровал нам Дэвабад и благословил Нахид...

Аэшма расхохотался.

– Только посмотрите на него, как от зубов отскакивает! Не перестаю поражаться тому, как ловко вас натаскал Совет Нахид.

– Оставь его, – резко одернула его Манижа и снова повернулась к Даре. – Никто не предлагает тебе стать Сулейманом, – мягко заверила она его. – Ты – наш Афшин. Тебе не нужно притворяться кем-то другим. – Твердый взгляд Манижи внушал Даре спокойствие. – Но кровный долг – действительно хорошая новость для нас. *Благословение*, если угодно. Так мы сможем попасть в Дэвабад. К моей дочери.

Нари. В памяти Дары всплыло ее лицо. Ее разочарованный взгляд в ту ночь в лазарете, когда Дара вынудил ее пойти за собой, ее крики, когда его сразил меч.

«*Шестьдесят четыре*», – холодно сказал Каве. Шестьдесят четыре Дэва погибли из-за беспорядков, учиненных Дарой.

Он сглотнул образовавшийся в горле ком.

– Как мы призовем маридов?

Лицо ифрита озарилось злорадным весельем.

– Прогневаем их, – сказал он и повернулся. – Идемте со мной. Я нашел кое-что, с чем им *точно* не захочется расставаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.